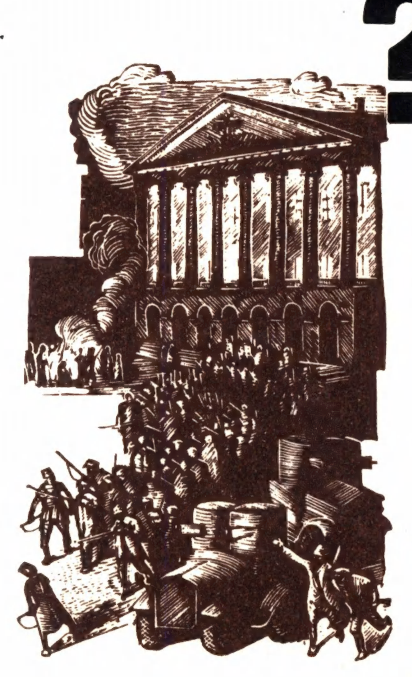
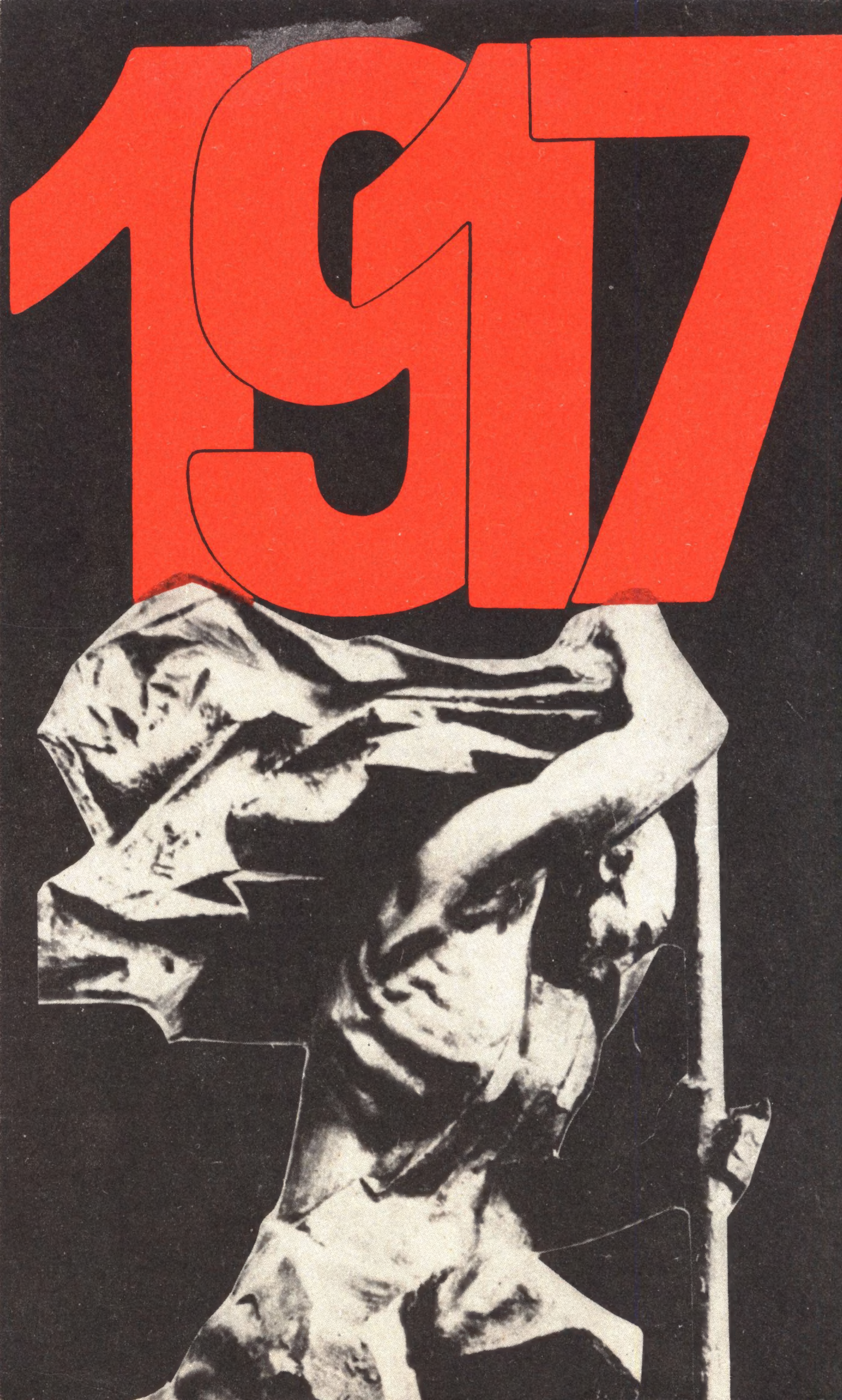
ОКТЯБРЬ 1917:

ВЕЛИЧАЙШЕЕ СОБЫТИЕ ВЕКА ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА ?

1917

ОКТЯБРЬ 1917:

ВЕЛИЧАЙШЕЕ СОБЫТИЕ ВЕКА ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

Москва
Издательство
политической
литературы
1991

ББК 63.3(2)711.2
О-52

Под редакцией академика *П. В. Волобуева*

Октябрь 1917: величайшее событие века или
О-52 социальная катастрофа? / Под ред. П. В. Волобуева. — М.: Политиздат, 1991. — 240 с.
ISBN 5—250—01722—3

Предлагаемый сборник подготовлен на основе материалов, публиковавшихся в периодической печати в 1989—1991 гг. Они отражают богатый спектр мнений о проблемах истории Октября 1917 г. Среди авторов книги известные советские ученые П. В. Волобуев, Г. З. Иоффе, В. И. Старцев, А. П. Бутенко, В. П. Булдаков, зарубежные советологи Ж. Элленстейн и А. Рабинович, русский историк, белоэмигрант П. Н. Милюков и другие. Для настоящего издания многие авторы доработали и дополнили свои статьи.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

О $\frac{0503020400—170}{079(02)—91}$ КБ—52—6—90 ББК 63.3(2)711.2

ISBN 5—250—01722—3

Русская революция 1917 года была поворотным пунктом в истории человечества, и, вполне вероятно, историки будущего назовут ее величайшим событием XX века. Историки еще очень долго будут спорить и резко расходиться в своих оценках ее, как это было в свое время с Великой французской революцией. Одни будут прославлять русскую революцию как историческую веху в освобождении человечества от гнета, другие — проклинать как преступление и катастрофу. Русская революция была первым открытым вызовом капиталистической системе, которая в Европе к концу XIX столетия достигла своего апогея.

Э. Х. Карр,
английский историк

Предисловие

Октябрьская революция... Еще несколько лет назад вряд ли кто мог предположить, что она окажется в центре острой идейной и политической борьбы, развернувшейся в нашей стране. Казалось, ее оценка как великой и социалистической революции, как поворотного события в отечественной и мировой истории обрела силу аксиомы и стала общепризнанной. О таких критических оценках Октября, как ”национальная трагедия” или ”национальная катастрофа”, как большевистский переворот, учиненный горсткой фанатиков-революционеров, сыгравших на недовольстве озлобленной черни, не говоря уже о черносотенной идейке ”жидомасонского заговора” как его причине, знали единицы профессиональных историков. И то лишь те, кто имел доступ к меньшевистским, эсеровским, белогвардейским и эмигрантским изданиям, хранившимся за семью печатями в спецхранах. В лучшем случае массовый читатель мог прочитать у Александра Блока о беспочвенных стенаниях части русской интеллигенции по поводу ”гибели России” в связи с захватом власти большевиками.

Но порожденный гласностью взрыв массового интереса к отечественной истории, и прежде всего к советскому периоду, властно вторгся во владения историков, а историческая публицистика смело взялась за ликвидацию ”белых” и ”черных” пятен нашей истории. Не обошлось, правда, без издержек некомпетентности и эйфории от прикосновения к тайнам истории. Жажда исторической правды овладела широкими кру-

гами советской общественности. Под воздействием первых же правдивых публикаций рухнула официальная, по сути, сталинистская концепция Октябрьской революции. Решительно были отвергнуты насаждавшиеся десятилетиями благостный лик Октября и его канонизация.

И хотя восстановление исторической правды об Октябре явно запоздало, по крайней мере на 60—65 лет, оно и сегодня благотворно. Подключение к этому процессу профессиональных историков позволило подвести научную базу под начавшееся переосмысление истории Октябрьской революции, да и всего советского периода. За короткое время были стерты многие "белые пятна", истории революции возвращены имена ее подлинных творцов и деятелей. Народ предстал в качестве главного героя революции. Мифы и легенды, в изобилии украшавшие и без того героическую историю нашей революции, были отброшены, а мифотворчество как способ создания истории было решительно осуждено и, казалось бы, навсегда сдано в архив.

Благодаря возвращению к надежнейшему методологическому принципу марксизма — принципу историзма — удалось хотя бы в общих чертах представить Октябрьскую революцию не только как важнейшее событие XX в. и праздник угнетенных и эксплуатируемых, как торжество их вековых устремлений к свободе, демократии и социальной справедливости, но и как великую историческую драму народа, сотканную из противоречий, побед одних классов и социальных слоев и поражений и трагедий других, взлетов человеческого духа и его падений, из теоретических озарений и блестящих прогнозов идеологов и вождей и их же грубейших ошибок и просчетов. Было отвергнуто примитивное представление о "запрограммированности" революционного процесса на один победоносный исход и поставлен вопрос об альтернативности исторического процесса. Ныне проблема альтернативности

в 1917—1921 гг. — одна из самых популярных и активно обсуждаемых как в публицистике, так и в научных кругах.

Следует, однако, признать, что историки, в своем большинстве десятилетиями пребывавшие в плену сталинских догм и стереотипов, равно как и историческая публицистика, оказались не в состоянии сразу дать научно обоснованные ответы на вопросы, поставленные в ходе осмысления широкими массами истории революции. Разочарование широких кругов общественности, особенно молодежи, в социалистических ценностях и идеалах Октября, с одной стороны, и деформированное историческое сознание народа как результат его массовой исторической безграмотности — с другой, привели к нарастанию в общественном сознании нигилистического отношения к Октябрю. Это данность, которую нелепо было бы отрицать. К сожалению, сказалась наша давняя традиция — нигилистическое отношение к своему прошлому (в том числе и под влиянием его частых пересмотров). Она, эта традиция, как можно заметить, всякий раз возрождается на крутых поворотах истории. К ее тиражированию приложила руку немалая часть публицистов — как тех, кто почему-то считает себя демократами, так и тех, кто выдает себя за национал-патриотов. Как тут не вспомнить А. С. Пушкина: ”Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости”.

В последнее время вместо добросовестного изучения и переосмысления событий Октябрьской революции и гражданской войны мы столкнулись с тенденциозной, недобросовестной, а нередко и враждебной их интерпретацией. Так, главным образом благодаря этому в массовое сознание внедряется лживая по своей природе, но элементарная и потому доходчивая идея, будто во всех наших прошлых и особенно нынешних бедах виновато событие, случившееся 74 года тому назад, — Октябрьская революция. На все

лады идеализируется и изображается как процветающее и богатое общество дореволюционная царская Россия, разрушенная большевиками.

А чего, например, стоят последние "открытия" нашей псевдодемократической публицистики? Исчерпав до дна мыслишку жидо-масоно-большевиков и авантюристов как главных виновников Октябрьской революции, некоторые из публицистов вытащили на свет божий сочиненную еще в 1917 году, если не раньше, а затем муссировали многие годы в эмиграции (среди ее наиболее крайних антисоветских элементов и части западных буржуазных историков) идею о лидерах большевиков во главе с Лениным как завербованных немецких шпионах, ставших на путь национального предательства в угоду германскому империализму и "сделавших" революцию на немецкие деньги. Их не смущает, что авторитетные зарубежные ученые, например известный американский дипломат и историк Джордж Кеннан, давно и убедительно доказали подложность подкрепляющих эту версию документов. Вероятно, лавры Геббельса по части рекордов лжи и Сталина, одним махом обвинившего почти всю старую большевистскую гвардию в шпионстве, не дают покоя нынешним ниспровергателям кумиров.

Стало своего рода закономерностью, что чем меньше на полках наших магазинов товаров, тем злее и беспардоннее предается анафеме Октябрь. При этом замалчиваются такие периоды в истории нашей страны, как, например, нэп, когда благодаря именно Октябрьской революции наш народ, прежде всего основная масса крестьянства, впервые за многие века стал нормально питаться, а в магазинах был широкий выбор товаров.

Характерно, что в роли наиболее рьяных и бесшабашных критиков Октября выступают не столько потомки носителей "голубой крови", сколько несостоявшиеся именно из-за Октябрьской революции, по

меткому определению одного из публицистов, подпаски.

Если еще недавно ставился вопрос о преждевременности социалистической революции в России в 1917 г. (вопрос, имеющий давнюю историографическую традицию), то теперь пытаются доказать, что Октябрьскую революцию можно было... не делать. Как будто в 1917 г. кто-то (Ленин, большевики) произвольно решил делать революцию, а ее в действительности не надо было делать. Но уже давно серьезные не только советские, но и зарубежные историки, в том числе и немарксисты, пришли к выводу, что корни Октябрьской революции — в истории дореволюционной России, в ее кричащих противоречиях и конфликтах, в пропасти между богатыми и бедными, неспособности либерально-буржуазных и небольшевистских демократических сил справиться после Февральской революции со сложнейшими задачами того времени, найти реформистский выход из кризиса российского общества. К тому же давно замечено, что народы никогда и никого не спрашивают, когда у них истощается терпение, делать им или не делать революцию, а если делать, то в какой форме (насильственной, мирной и т. п.). Наши деды и отцы поступили в точном соответствии с этим законом истории.

Все чаще и одиознее говорят об утопичности целей, поставленных перед Октябрьской революцией. Да, утопический компонент мощно присутствовал в движении поднявшихся на революцию масс, в их революционном сознании. В. И. Ленин был прав, когда писал: "...революцию осуществляют в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов" (*Полн. собр. соч. Т. 41. С. 81*). Немало утопизма, скажем здесь же, было и в теоретических установках и политике большевистской партии и ее вождей, что исторически вполне объяснимо.

Но нынешние критики, как правило бывшие марксисты и коммунисты, давая залп за залпом по утопизму Октября, имеют в виду, конечно, утопичность самой социалистической идеи. Но кто доказал, что капитализм, даже самый передовой и демократический, — это самая последняя и желанная станция в историческом развитии человечества? Не выступаем ли мы, русские, опять с мессианских позиций, решив, что если у нас не получился социалистический эксперимент, то его заведомо не могут осуществить другие народы?

Думается, что К. Маркс и Ф. Энгельс верно указали на неизбежную социализацию развития общества как на вектор движения мировой истории. Октябрьская революция и лежит в русле этой социалистической тенденции.

Один из излюбленных доводов современных противников Октября — это обвинения большевиков в ставке на революционное насилие и государственное принуждение. Довод, конечно, не отличается новизной. Что можно сказать по этому поводу? Во-первых, не большевики первыми придумали и применили революционное насилие. Во-вторых, не они изобрели "революционную диктатуру", которую для утверждения демократии и свободы (такова суровая диалектика и дилемма живой жизни!) порождает всякая подлинная народная революция. А главное, следовало бы знать, что большевики во главе с Лениным шли на революцию не ради захвата власти как самоцели, а, напротив, с программой "ликвидации" государства и создания такого общества, в котором был бы минимум политической власти и не было специфических, стоящих над народом органов принуждения (полиции, армии и т. п.). Они мечтали о скором "отмирании" государства и о Советском государстве как "полугосударстве".

Другое дело, что история быстро разрушила их утопические проекты, и противники классического государства уже к концу гражданской войны создали

мощное и далеко не демократическое государство. Можно спорить, какова тут "вина" российской исторической почвы, нашего исторического наследия, а что должно быть отнесено на счет утопичности, нереальности первоначальных замыслов.

Как известно, сегодня на страницах научной печати и особенно в публицистике широко обсуждается вопрос о социалистическом выборе, причем в последней — с оттенком иронии. Между тем эту сложную проблему нельзя толковать упрощенно, не вникнув в механизм этого выбора. А ирония в отношении судьбоносного решения собственного народа вообще неуместна. Социалистический выбор был действительно осуществлен большинством трудящихся в октябре 1917 г. — феврале 1918 г., причем осуществлен ими сознательно и добровольно после того, как трудящиеся на собственном политическом опыте убедились, что только переход власти к Советам, возглавляемым большевиками, отвечает их коренным интересам. Всенародное принятие большевистского лозунга "Вся власть Советам!" в тех конкретно-исторических условиях и означало социалистический выбор. Напомним, что осенью 1917 г., в канун Октября, в стране, по сути, состоялся *всероссийский референдум* в пользу власти Советов (на многолюдных митингах, собраниях, в ходе выборов и перевыборов Советов всех уровней, на городских и областных съездах Советов, олицетворявших волю сознательной и активной части населения страны). Уже тогда чаша на исторических весах решительно склонилась в пользу Советов, в ущерб Учредительному собранию. Вместе с тем было бы большим упрощением думать, что крестьяне, поддержав власть Советов (или свою крестьянскую социалистическую партию эсеров), помышляли о социализме как своем идеале. Они и понятия не имели о нем, хотя сознательное меньшинство — крестьяне-фронтовики — стремились уразуметь социалистические идеи. Поэтому для подавляющей массы трудящихся социалистический выбор первоначально

был выбором в пользу народовластия, социальной справедливости, против буржуазной контрреволюции. Таков был на деле механизм социалистического выбора в те далекие годы.

Тем, кто отрицает или принижает историческое значение Октябрьской революции или в духе новейшей моды объявляет ее национальной трагедией (находятся и такие горячие головы, которые призывают устроить суд над большевиками), следовало бы различать два различных исторических процесса и соответственно два порожденных ими исторических результата. Величие Октябрьской революции, ее непреходящее значение состоит в том, что ее непосредственные результаты были реальными и неоспоримыми. Она вырвала Россию из изнурительной войны, предотвратила национальную катастрофу, сохранила территориальную целостность и независимость нашей Родины, дала землю крестьянам, передала фабрики и заводы под управление и контроль рабочих, установила власть Советов как власть действительно народную. Она позволила нашему народу выпрямиться впервые за всю историю страны, ощутить себя хозяином своей судьбы, почувствовать свою силу.

Между тем в нашей исторической публицистике громадные завоевания народа в области политики, экономики, социальных отношений, прорыв к культуре и знаниям часто игнорируются, а они-то и составляют главное содержание Октябрьской революции и объясняют причины ее всенародной поддержки. Сталинизм, правда, лишил народ этих завоеваний, но не смог вытравить из его сознания идеалы и дух Октября.

Оценивая историческую результативность Октябрьской революции по гамбургскому счету, мы видим, что она не привела к построению того социалистического общества, которое было ее конечной целью. И здесь мы упираемся в проблему сталинского термидора, то есть контрреволюционного переворота. Именно сталинизм, а не Октябрь, как таковой, повинен во всех

наших бедах и трагедиях. Посему и срыв реализации социалистических идеалов Октября, и нынешний кризис советского общества правомерно отнести на счет сталинизма, как его реальный и непосредственный результат.

И последнее. Стало расхожей фразой ссылаться на предупреждения меньшевиков, в частности Г. В. Плеханова, Л. Мартова и новожизненских публицистов, включая М. Горького, о том, что Россия не созрела для социализма и поэтому в октябре 1917 г. революционному пролетариату не надо было брать власть. Между тем этот вопрос не так прост, как кажется, и меньшевики далеко не во всем оказались правы, хотя в их прогнозах было немало трагически-провидческого. Объективный подход подтверждает, что народ и большевики не могли поступить в октябре 1917 г. иначе, чем они поступили.

Плюрализм в науке — великое благо. Но, к сожалению, ныне наша историческая публицистика нередко стремится перечеркнуть значение Октября, нисколько не заботясь о весомости аргументов. Сдается, что гнет идеологических постулатов и стереотипов эпохи сталинизма и застоя быстро заменяется у нас деспотией новых, не менее бездуховных и безответственных идей и домыслов. Это новое мифотворчество ничуть не лучше старого, сталинистского.

Вот почему предлагаемый вниманию читателей сборник статей, отражающий творческие и нелегкие поиски ученых в области истории Октября, должен помочь тем, кто желает узнать правду, самостоятельно поразмышлять о событиях далекого 1917 г. Читателю помогут в этом и суждения известных зарубежных историков, мнения виднейших русских эмигрантских историков и политиков — П. Н. Милюкова и С. П. Мельгунова.

П. Волобуев,
академик АН СССР

П. ВОЛОБУЕВ,
академик АН СССР

К вопросу о закономерности Октябрьской революции

Не была ли социалистическая революция в России преждевременной? Могла ли российская историческая почва послужить базой для создания нового, демократического и социалистического общества? В чем выражался гуманизм Октября? И если он был, то почему наше общество не сумело реализовать гуманистический потенциал Октября? Был ли сделанный народными массами в октябре 1917 г. вполне сознательно и добровольно выбор осознан ими когда-либо именно как социалистический? Была ли Октябрьская революция изначально ориентирована на демократию или на диктатуру? Почему так трагически не совпали ее цели и исторические результаты? По всем ли пунктам расхождений в оценке Октября меньшевизм оказался неправым, а большевизм, как победитель, может претендовать на абсолютную правоту?

Ответы на эти вопросы требуют переосмысления наших прежних методологических и теоретических подходов и конкретно-исторических суждений о предыстории Октябрьской революции и самой революции.

Конечно, можно критиковать классиков марксизма-ленинизма за то, что они переоценили зрелость современного им капитализма и созданных им материальных предпосылок для перехода к социализму, причем социализм рассматривался ими как бестоварная система общественного устройства. Не подтвердились и ленинские оценки империализма как последней стадии капитализма, то есть стадии, на которой он может

и должен быть сметен мировой социалистической революцией. Октябрьская революция произошла в условиях не нисходящего, а восходящего развития капитализма, что, к слову сказать, стало одной из основных причин невозможности мировой революции, несмотря на наличие общеевропейской революционной ситуации в 1916—1921 гг. и вероятность победы пролетарской революции в ряде стран Европы (помимо России).

Вместе с тем нельзя не видеть, что марксистский прогноз оказался теоретически и практически верным в главном. Капитализм не является конечной станцией в историческом развитии человечества. Социальный и цивилизационный прогресс имманентно выведет его — рано или поздно — на более высокую ступень общественной организации. Социализм приходит на смену капитализму как ответ на кризис капиталистических отношений на одном из витков исторической спирали. Разрушительный характер такого кризиса с особой силой проявился в годы первой мировой войны, когда античеловеческие тенденции империализма стали явью, видимой для всех. "Война привела все человечество *на край пропасти*, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа. Выхода *нет*, кроме революции пролетариата", — писал Ленин в 1917 г. (*Полн. собр. соч. Т. 31. С. 182*). Кстати говоря, в идее выхода из войны через пролетарскую революцию, выхода наиболее выгодного для миллионов трудящихся, надо видеть одну из граней гуманизма революции.

Октябрьская революция, взятая в российском контексте, представляет собой третью революционную волну, вершину революционного процесса, пережитого страной за какие-нибудь 10—15 лет XX в. Корни ее восходят к рубежу XIX и XX вв., когда Россия стала капиталистической страной. Именно тогда завязались в тугой узел разнопорядковые общественные противоречия, превратившие страну в революционный очаг, в котором возгорание могло произойти по любому поводу и превратиться во вселенский пожар (учитывая евро-азиатские масштабы нашей страны). Если в странах Западной Европы развитие капитализма и органично связанные с ним общественные преобразования совершались в известной последовательности (притом

при решающем воздействии таких революций, как английская XVII в. и Великая французская XVIII в.), то в России к XX столетию оказались нерешенными коренные задачи общественного развития, без чего дальнейший прогресс общества стал невозможен или затруднен. Здесь в силу запоздалого вторичного и догоняющего типа развития капитализма как бы наложились друг на друга разные исторические эпохи, спрессованные во времени и пространстве. Ввиду этого одновременно надо было решать и аграрный вопрос — основной для страны, где крестьянство составляло большинство населения, и задачи капиталистической индустриализации, подъема культурно-образовательного уровня народа, и национальную проблему, и проблему демократизации общественно-политической жизни — замены абсолютистско-бюрократических порядков буржуазно-демократическими и т. п. Короче говоря, Россия, войдя в XX в., должна была резко ускорить капиталистическую модернизацию и в целях выживания в быстро меняющемся мире ликвидировать свое отставание от передовых стран Запада.

Масштабность и острота указанных исторических задач и противоречий, с одной стороны, и тугоумное нежелание правящих кругов искать приемлемые для России методы их решения — с другой, ввергли страну в кризис, принявший открытые и застойные формы. Революционный выход из кризиса практически стал не только необходимым, но и неизбежным. Реформистская альтернатива оказалась весьма проблематичной. С началом же первой русской революции история, неторопливо тащившая Россию по пути прогресса, вдруг ускорила свой бег, как бы торопясь сразу и разом решить *все* задачи, накапливавшиеся десятилетиями и столетиями.

Октябрь свалился на Россию, как гигантская снежная лавина. Но была ли она преждевременной? В известном смысле — да. Во-первых, до 1917 г. в глазах марксистских теоретиков — российских и зарубежных — понятия "Россия" и "социализм" считались несовместимыми. Во-вторых, сам Ленин — автор социалистического проекта преобразования России — полагал, что, не будь первой мировой войны, наша страна годы и десятилетия могла бы прожить без революции про-

тив капиталистов. И, более того, указывал приблизительный срок ускорения, вызванный этой войной, — 30 лет (*см.: Полн. собр. соч. Т. 32. С. 31; Т. 34. С. 113*). Однако можно без всякого преувеличения утверждать, что наш народ совершил сравнительно легкую революцию тогда, когда часы истории пробили ее время. Насилия над историей не было, как не было и "роковой ошибки", хотя наша революция явилась *особенно тяжелым* случаем, говоря словами Ленина, родов нового общества (*см.: Полн. собр. соч. Т. 36. С. 476—477*). Неправомерна также и постановка вопроса, будто сама революция должна нести ответственность за последующие извращения ее ценностей и идеалов, за сталинское предательство дела Октября.

Ленин в своем обосновании неотложности социалистической революции в России и перехода ее к социализму руководствовался не буквой марксизма (необходимость высокого уровня производительных сил и пролетаризации большинства населения), а опирался на марксистский анализ конкретно-исторической обстановки, сложившейся в России в 1917 г. Война обострила все общественные противоречия. Хозяйственная разруха вследствие отсталости страны приобрела небывалые по сравнению с другими воюющими странами масштабы, поставив Россию на грань национальной катастрофы. Российский капитализм, по сути, распадался как общественная система. Поэтому в социалистической революции Ленин видел не прыжок в неведомое, а конкретный ответ на конкретные проблемы и назревшие потребности. В таком контексте Октябрьскую революцию следует рассматривать как наш российский, отличный от западноевропейского, вариант пути к современной индустриальной цивилизации, избранный с учетом фактора форсирования всего общественного развития. Она вместе с тем есть попытка беззаветно смелого прорыва от абсолютизма к демократии в ее пролетарской, социалистической форме.

Да, налицо отклонение от обычного, "нормального", западноевропейского пути развития, если его принимать за эталон. И Ленин учитывал, что Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм. В этом он был согласен с меньшевиками. Но он видел, что в стране

благодаря современным отраслям промышленности, транспорту, монополиям и банкам есть *минимум* материально-производственных предпосылок для *постепенного* перехода к социализму. Именно так, не о немедленном "введении" социализма в России, а о постепенном переходе к нему через ряд революционно-демократических мероприятий и шагов, ставил в 1917 г. вопрос Ленин. А главное, в стране налицо был громадный революционный потенциал, неодолимое стремление пришедших после Февраля в движение народных масс к радикальным переменам, к обновлению своей жизни, к социальной справедливости.

В свете изложенного предстоит отказаться от двух стереотипов: старого — будто Октябрьская революция победила благодаря зрелости, готовности нашей страны для социализма — и нового — будто у нас не было никаких объективных предпосылок для революции, кроме желания горстки большевиков захватить власть для социалистического экспериментирования.

Меньшевики подошли к оценке предпосылок Октября догматически, исходя из западноевропейского опыта развития капитализма и буржуазной демократии. Они преувеличивали отсталость страны, не понимали исторической диалектики, в силу которой "наша отсталость двинула нас вперед". Необоснованны были и их обвинения большевиков в развязывании гражданской войны. Но надо признать, что меньшевики в известной мере верно уловили трагизм большевизма, возглавившего социалистическую революцию в разоренной и бедной стране, далеко не созревшей для перехода к социализму, с малочисленным промышленным и сознательным пролетариатом. Последнее обстоятельство оказалось роковым для судеб нашей революции— рабочий класс в дальнейшем не смог удержать государственную власть в своих руках, передоверив ее партии, а та позволила завладеть ею своему вождю — Сталину. Меньшевики были правы и тогда, когда предупреждали большевиков, что в условиях мелкобуржуазной страны им придется часто прибегать к насилию, ущемляя демократию и свободу. По вопросу о соотношении демократии и диктатуры, об опасности, если не неизбежности, большевистского крена в сторону диктатуры в ущерб демократии меньшевики, по-видимому, верно угадали тенденцию развития нашей революции.

При всем том нельзя не замечать гуманистических ценностей и импульсов Октября. Гуманизм Октября состоит в том, что он выступил от имени угнетенных и обездоленных, поставив защиту их интересов, их приобщение к свободе, демократии и культуре во главу угла революционной политики. Прав был Н. А. Бердяев, когда писал: "Русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа. В этом ее главный смысл!"

В. БУЛДАКОВ,
кандидат исторических наук

Путь к Октябрю

Вопрос "Зачем нужна была революция?" давно сменился в нашем революционно-перестроечном обществе дружным "Долой!". Правда, при уточнении объекта недовольства мнения расходятся. "Долой Октябрьскую революцию и большевиков, предавших Февраль, который сделал Россию самой свободной страной в мире!" — негодуют "демократы". "Долой заодно и Февраль, социалистов, либералов и прочих "жидомасонов", погубивших "процветающую" дотоле Великую Россию!" — неистовствуют "патриоты".

Те и другие, впрочем, одинаково не терпят намеков на собственное невежество. Психологически это понятно: легко ли признать за собой роль статистов в сцене бунта на корабле официальной пропаганды? Как бы то ни было, те и другие всего лишь беспомощно перетасовывают догмы, которые были призваны убедить в исторической неизбежности смены доморощенного капитализма социализмом со "сталинско-брежневским лицом". Представим наиболее расхожий набор этих догм.

Оказывается, в начале XX в. Россия была страной среднеразвитого капитализма, а по общему объему промышленного производства входила в пятерку крупнейших держав мира. Она являлась "слабейшим звеном" империалистической системы, что создавало оптимальные условия для социалистического переворота. Но после свержения монархии в феврале 1917 г. создалось двоевластие буржуазного Временного правительства и Советов. Поскольку не были выполнены требования народа — прекратить войну, установить 8-часовой рабочий день, ликвидировать помещичье землевладение, нациям дать право на самоопределение, — возникла возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Возглавляемая Лениным большевистская партия, учитывая "несознательность" масс, первоначально ориентировалась на мирный переход власти к Советам и вытеснение "засевших" там меньшевиков и эсеров ("Апрельские тезисы"). После июльских дней, когда двоевластие сменилось единовластием буржуазии, большевикам пришлось взять курс на вооруженное восстание. Постепенно они сформировали из "передовых" рабочих, крестьян, солдат "политическую армию социалистической революции", которой противостоял лагерь буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей. Общенациональный кризис разрешился бескровной победой Октябрьского вооруженного восстания и установлением, согласно воле большинства народа, диктатуры пролетариата в форме Советов. Было создано первое в мире социалистическое государство, выстоявшее в развязанной внешней и внутренней контрреволюцией гражданской войне. Утвердился высший тип демократии — однопартийная система "прямой" демократии, — пригодный на все времена для всех стран и народов.

Вот то прокрустово ложе, в которое втискивалась живая плоть революции ради политических удобств ее псевдонаследников. Путь к Октябрю стал напоминать нечто вроде "исторически предопределенного" и "неуклонного" движения от пятилетки к пятилетке, от съезда к съезду.

Такие представления формировались десятилетиями, вольными или невольными усилиями многих историков. Но основная моральная ответственность, вероятно, ложится на тех "улучшателей истории", которые даже в перестроечные годы все еще убеждали читателя в существовании "оптимального сочетания" объективных предпосылок социализма в России.

Как бы то ни было, сегодня очевидно, что подлинную историю Октября приходится постигать заново. И начинать надо с самого элементарного.

Была ли Россия готова к социализму?

Обратимся к наиболее "скучной" теме — предпосылкам революции. В прошлом они искусственно селекционировались нашими обществоведами, причем предпосылки Октября и предпосылки социализма намеренно не различались. И это в то время, как сами

вожди Октября утверждали, что в России социализм не мог победить "непосредственно и немедленно", что Октябрьский переворот произошел в мелкокрестьянской стране именно благодаря отсталости ее капитализма.

Говоря об объективных предпосылках социализма, следует прежде всего задаться вопросом: исчерпал ли себя к 1917 г. капитализм? Из перспективы сегодняшних дней можно говорить лишь о критическом моменте его развития как формирующегося мирового целого, о нежизнеспособности в этих условиях отдельных его звеньев, таких, как империалистическая Россия. Поэтому важно уяснить особенности и исторический тип капиталистической эволюции России.

Современные исследователи выделяют три типа ("модели", "эшелона") капиталистического развития. Для Западной Европы и США характерен естественноисторический тип, когда основные противоречия внутринационального развития приводят к созданию механизма представительной демократии, позволяющего избежать революционного взрыва или ослабить его разрушительные последствия. Позднее возникает другая, "догоняющая" модель развития, когда внешние причины заставляют государство активно "насаждать" капитализм, вторгаясь в хозяйственную жизнь страны (Восточная Европа, Испания, Япония, Россия). Страны и народы большей части Азии, Латинской Америки, Африки попадают в "третий эшелон", где воздействие передовых империалистических держав подавляет традиционные общественно-экономические уклады и навязывает зависимый — колониальный, полуколониальный или неоколониальный — тип капиталистической эволюции. Это деление приближается к ленинской классификации различных стран по "типам", или "историческим ступеням", развития соответственно географическому и этническому фактору (*см.: Полн. собр. соч. Т. 30. С. 351—356, 389, 392*). Опыт показал, что "второй эшелон" представляли страны-"маргиналы", расположившиеся на ближайшей периферии развитого капиталистического мира. Все они в свое время попытались решить задачу ускоренной капиталистической эволюции с помощью правоавторитарных режимов.

Объективно Октябрьскую революцию можно было бы рассматривать как попытку леворадикального "ук-

лонения" от военно-диктаторского режима. Действительно, Троцкий задолго до Октября предсказывал, что в России победа буржуазии объективно невозможна, а Ленин убеждал российских социал-демократов в необходимости поскорее миновать "революционно-демократическую" стадию развития. Большевики считали себя всего лишь отрядом международного пролетариата, "звеном в цепи мировой революции" и не рассчитывали победить "одними своими силами", без мировой революции (*Полн. собр. соч. Т. 42. С. 43—44, 1*). Внутренних условий для победы социализма в России не существовало, но учитывался шанс активно включиться в мировую революцию или заняться подготовкой этих условий усилиями революционной власти.

Каковы же особенности эволюции России, каково их воздействие на развитие революционного процесса в 1917 г.?

Ответ на этот вопрос связан с оценкой геостратегического фактора, подытожившего тысячелетнюю историю России. Прежде, чем стать страной "второго эшелона" капитализма, Россия уже была громадной полиэтничной империей — "сложной системой", чрезвычайно своеобразно реагирующей на импульсы извне. Существование гигантской по территории и численности населения многонациональной державы было немыслимо без сильной центральной власти. Первоначально империя держалась инертностью и многоукладностью хозяйственной жизни страны, демографической разреженностью и политической косностью основной массы населения. Но позднее, после поражения в Крымской войне, государственная власть вынуждена была приступить к модернизации экономики. Это привело не только к взаимопереплетению феодальных и капиталистических отношений, но и к параллельной эволюции тех и других.

Создание рынка свободной рабочей силы, необходимого для быстрого развития капитализма, сдерживалось крепостничеством, затем его пережитками, наконец, существованием крестьянской общины. Система крупного производства создавалась в условиях, ограничивающих развитие свободной конкуренции, в исторически сжатые сроки, самые этапы ее складывания оказались смещены (сначала тяжелая, а затем легкая промышленность). Наконец, в отличие от запа-

дноевропейских стран промышленный переворот в России произошел без аграрно-капиталистического переворота. Такой тип промышленного развития формировался в результате прямого вмешательства государства, его протекционистской политики и широкого использования иностранных капиталов. В результате деформировались соотношения между экономическим и социальным развитием страны.

Устойчивость капитализма как общественной системы, основанной на принципах саморегуляции, требует исторической длительности "притирки" естественно вырастающих элементов и звеньев ее механизма, а также развитой инфраструктуры. Россия же в период с 1861 по 1913 г., по некоторым данным, в 12 раз увеличила объем производства, но отставание от ведущих капиталистических стран в производстве промышленной продукции на душу населения оставалось громадным. Народ не ощущал положительных социальных последствий такого сдвига. Предпринятый рывок усилил разлаженность народного хозяйства, довел его до критического состояния.

К началу XX в. в России перспективы эволюционного прогресса уже не существовало. Во всяком случае, самодержавие, растущий бюрократический аппарат, придававшие российскому империализму "военно-феодальные" черты, не допускали появления такой возможности. Капитализм в России не только не создал целостности хозяйственной жизни и относительного культурного единства нации, как это было в странах "первого эшелона", но и привел к прогрессирующей замкнутости различных общественно-экономических укладов, растущей социальной напряженности во всех классах и слоях населения.

Сама по себе многоукладность не являлась ни уникальной особенностью России, ни тем более источником революции. Любая развивающаяся общественно-экономическая система многоукладна. Национально-своеобразный облик экономического и социального прогресса выражается в "органичности" сочетания традиционных укладов с наиболее передовыми. Для империалистической России, напротив, стал характерен углубляющийся разрыв между укладами. "Противоречие между сравнительно развитым капитализмом

в промышленности и чудовищной отсталостью деревни становится вопиющим" (*Полн. собр. соч. Т. 16. С. 301, 417*), — отмечал Ленин. Это было сказано о стране, где к 1917 г. из 160 млн населения более 130 млн проживало в деревне.

Наиболее радикальной попыткой преодолеть это растущее противоречие могла стать столыпинская аграрная реформа. Суть ее состояла не просто в устранении аграрной напряженности, неизбежно принимавшей антипомещичью направленность. Путем выделения из общины крепких хозяев и пролетаризуемого слоя, ликвидации аграрного перенаселения в центре страны с помощью переселенческой политики, частично поступившись интересами помещиков, в принципе можно было сбалансировать развитие промышленности с эволюцией аграрного строя. Но итог получился обратным. Во-первых, выделение из общины кулаков встретило резкое сопротивление крестьян, привыкших психологически компенсировать рост своей нищеты иллюзией мирского "равенства". Как результат, повышалась привлекательность социальных утопий, усиливавших социальную замкнутость сельских обществ. Во-вторых, переселенческая политика привела к столкновению мигрантов с коренным населением окраин (Средняя Азия, Казахстан, Сибирь), представлявшим совсем иной уклад хозяйства и ничуть не менее нуждавшимся в земле. Аграрная напряженность, следовательно, из центра страны распространилась на окраины. В-третьих, из-за неудачно организованных переселений появились "обратные" мигранты — пауперизованная и крайне озлобленная крестьянская масса. В конечном счете хозяйственная замкнутость деревни не была преодолена, антипомещичьи настроения крестьянства усилились.

В апреле 1917 г. была образована так называемая межпартийная Лига аграрных реформ — неправительственная организация, взявшаяся выяснить перспективы сельского хозяйства, исходя из следующих принципов: основу будущего аграрного строя должно составить трудовое кооперативное крестьянское хозяйство; при передаче ему земли должны учитываться местные особенности; землеустройство должно быть связано с общими условиями развития экономики страны и мирового разделения труда. Эти принципы не вызывают возражения, но опубликованные самой Лигой

статистические данные показали, что реформирование сельского хозяйства по общегосударственному плану ”сверху” безнадежно запоздало. Выявилось следующее: по урожайности зерновых Россия резко отстает от всех европейских стран, США, Японии; разрыв между темпами роста населения и производительностью сельскохозяйственного труда все более увеличивается; возможности экстенсивного развития сельского хозяйства в центре страны исчерпаны; отставание зернового производства особенно ощутимо в промышленно развитых районах (за исключением Юга России); крестьянское движение в случае его усиления грозило парализовать центр страны и сомкнуться с движением промышленного пролетариата.

Развитие капитализма в городе влекло к еще более взрывоопасным последствиям. Российский капитализм практически не знал стадии свободной конкуренции. В отличие от стран ”первого эшелона” в России активно развивался государственный капитализм, и лишь в тени его шла ”естественная” монополизация. В ведении государства сосредоточились крупнейшие казенные предприятия, работавшие в основном на оборону. Они, в сущности, не знали прибыли, паразитировали на госзаказах. Отсюда — технологическое отставание, высокая концентрация рабочей силы. В 1915 г. 60 процентов всех рабочих крупной машинной индустрии в России были заняты на предприятиях с числом рабочих свыше 500. Подавляющая часть рабочего класса была сосредоточена в Петрограде, Центральном промышленном районе, на Юге и на Урале. В политических и административных центрах России неумолимо разрасталась та социальная среда, для которой, по данным современных специалистов, был характерен особый тип психологии — неприятие всего ”общества” и его ценностей, склонность к коллективному противодействию ему. Этот фактор приобретал колоссальное значение для судеб страны.

Поясним это на примере 400-тысячного фабрично-заводского пролетариата Петрограда, составлявшего около 12 процентов всех промышленных рабочих России. В начале 1917 г. на 379 заводах, работавших в основном на оборону, насчитывалось 237 тыс. рабочих, или треть всех рабочих металлообрабатывающей промышленности России. На 14 столичных заводах-гигантах было сосредоточено 132 тыс. рабочих. Ничего

подобного нигде в мире не наблюдалось. В годы войны часть рабочих была призвана в армию, затем возвращена в связи с нехваткой квалифицированной рабочей силы. Около половины нового пополнения рабочих были выходцы из деревни, другим его источником были непролетарские массы города, беженцы и эвакуированные. Почти 16 процентов столичного пролетариата составляли представители нерусских национальностей. Прослойка "рабочей аристократии" была ничтожной, жизненный уровень всей массы рабочих катастрофически падал.

В других регионах пролетариат также активно впитывал в себя быстрорастущие маргинальные (отколовшиеся от своей среды) элементы общества. Отражая развал его структуры, они явились вместе с тем катализатором социальной напряженности. Все это усиливало воздействие пролетариата на другие слои общества. Все общественные движения стали приобретать черты антигосударственной направленности: демократы выступали против царизма, либералы и крайние правые — против бюрократии.

Особенностью России была слабость экономической инфраструктуры, прежде всего транспорта. Увы, этого явления, похоже, никто не замечал, ибо все тогдашнее механистическое мышление (как, впрочем, и наше современное) было ориентировано на валовые показатели роста индустрии. Хотя государство вложило значительные средства в железнодорожное строительство, транспортная система стала к 1917 г. наиболее уязвимым звеном народного хозяйства. В 1917 г. развал народного хозяйства, голод в городах оказался связанным с кризисом транспорта. Состояние перевозок в значительной степени предопределило революционный взрыв, ход гражданской войны, повлияло и на последующее развитие страны.

Казалось, ряд обстоятельств облегчал России хозяйственные трудности, связанные с мировой войной: финансовое положение страны издавна стабилизировалось государством; она не зависела в такой степени, как Англия или Германия, от импорта; поражение в русско-японской войне должно было стимулировать развитие военной промышленности и обновление армии; потребности в сырье и топливе могли удовлетворяться за счет внутренних ресурсов, недостаток рабочей силы — восполняться за счет аграрного перена-

селения; свертывание хлебного экспорта позволяло более полно удовлетворять внутренние потребности. На деле война поразила систему хозяйственных связей — прежде всего между городом и деревней.

Объективно царизм принимал меры для перевода экономики на военные рельсы. Были созданы Особые совещания по обороне, продовольствию, топливу и перевозкам. Вводились "твердые" цены на хлеб, с конца 1916 г. — продовольственная разверстка; Временному правительству осталось лишь по примеру Германии и Австро-Венгрии ввести хлебную монополию. Но чиновничье регулирование экономики не дало ожидаемого результата. Оно не могло использовать традиции капиталистической саморегуляции. Критическим стал 1916 г. (рост эмиссии бумажных денег, падение покупательной способности рубля вдвое против довоенной, посевных площадей — на 26 процентов, продукции животноводства — на 30 процентов). За 1917 г. курс рубля упал в 7 раз в сравнении с довоенным. Надвигался голод. Обнищание масс, расщепление традиционных социальных структур, увеличение массы деклассированных элементов — все это не создавало предпосылок перехода к социализму, хотя социальный взрыв назревал.

Война необычайно усилила миграционные процессы. Под ружье было поставлено 15,5 млн человек наиболее активного населения, из них — до 13 млн крестьян. В городах концентрировались массы солдат: численность одного лишь столичного гарнизона составляла 180 тыс., а вместе с войсками ближайших пригородов Петрограда она достигала 300 тыс. Из прифронтовых губерний в Центральную Россию стремился поток беженцев, сюда же были перемещены квалифицированные рабочие из Польши и Прибалтики. Широко использовался труд военнопленных и чернорабочих из Китая. Общая численность занятого в народном хозяйстве контингента временного населения России в 1917 г. превысила 6 млн.

Выбитые из привычной жизненной колеи, "маргинализованные" элементы выступали в роли детонатора революции. Они же обеспечивали некоторую взаимосвязь между питающими ее потоками. В то время как старое общество переживало распад системообразующих связей, силы разрушения складывались в некое антигосударственное единство.

Следовало ли из этого, что Россия готова к социализму? Вовсе нет. В одной из последних работ Ленин даже назвал "бесспорным" положение об отсутствии экономических, культурных предпосылок для социализма в России (*см.: Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380*).

Как ни парадоксально, исход Октября был достаточно четко предсказан еще до переворота. А. А. Богданов, в прошлом соратник В. И. Ленина, считал, что в годы войны капитализм повсеместно приобрел черты "военного коммунизма" — "авторитарно-регулируемой организации массового паразитизма и истребления", что не облегчало, а затрудняло переход к "товарищеской организации производства", то есть к социализму. Богданов полемизировал с теми (отнюдь не только большевиками), кто был убежден, что из состояния "военного коммунизма" пролетарская власть относительно легко может вывести страну. Однако такие предостережения большевиков не смущали. Ленин исходил при этом вовсе не из врожденного "деспотизма", как многие склонны сегодня считать. Напротив, он полагал, что всеобщая революционная инициатива трудового народа превратит "военный коммунизм" в совершенно новое качественное состояние. Такая установка подкреплялась убежденностью в нежизненности в России представительной демократии.

Исторические шансы представительной демократии

3 марта Ленин писал А. М. Коллонтай: "Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По "старому" европейскому шаблону... Ну что ж! Этот "первый этап первой (из порождаемых войной) революции" не будет ни последним, ни только русским". Такой поворот событий Ленин предвидел. Незадолго до Февраля в одном из писем он спрашивал: "Нет ли у Вас брошюры Бакунина "Парижская Коммуна и понятие о государственности?"... Нельзя ли достать у анархистов на несколько дней?" (*Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399, 393; Т. 30. С. 341*). Для Ленина было ясно, что в революционной России традиционные формы демократии обречены. В перспективе времени очевидно: переломные эпохи требуют концентрации власти для усиления ее эффективности.

Политическая поляризация общества, рано или поздно упирающаяся в вопрос о власти, — обычный итог попыток сдержать социальную революцию. Наше общественное сознание, однако, больше верит сегодня в "заговор большевиков". Системный подход требует избавления от манихейства сталинской эпохи — примитивного видения мира в черно-белом цвете. Двоевластие и приход к власти большевиков следует оценить с точки зрения состояния политических связей российского общества. Дело вовсе не только и не столько в одной лишь "партии нового типа", руководствовавшейся "устарелым" для лидеров II Интернационала лозунгом "превращения войны империалистической в войну гражданскую". Вся партийно-политическая структура российского общества представляла для своего времени "новый тип" исторического развития. Большевизм был его составной частью.

В процессе возникновения на рубеже XIX—XX вв. в России политических партий выявился весьма примечательный "обратный" порядок складывания политической структуры общества: сначала сформировались пролетарские и крестьянские (социал-демократические и народнические) партии, затем буржуазно-либеральные (кадеты и октябристы), наконец, реакционно-помещичьи. Очевидно, что этот процесс направлялся разрушительным по отношению к старому миропорядку импульсом.

В 1917 г. в России действовало около 50 партий. Как правило, они создавались не "снизу" на базе каких-либо сложившихся общностей, а как бы "сверху" — так называемой разночинной интеллигенцией. В России интеллигенция с ее естественным тяготением к функциям управления и лидерства не вписывалась в систему общественного разделения труда. Отсюда особая форма ее политизированности, противостоящая как деспотизму власти, так и народной привычке к произволу, собственному бесправию и духовному изоляционизму. Независимо от субъективных намерений интеллигенция все более расшатывала устои традиционного массового сознания и само здание российской государственности, начинала создавать несовместимый с ними тип политической культуры, тяготеющий к западному. В условиях массовых движений и упрощенных представлений о путях прогресса это создавало опасность межпартийного развала неокрепшей ткани буржуазного общества. Так и случилось в 1917 г.

Численность и состав партий в 1917 г. все еще не исследованы. Известные данные о численности большевиков и меньшевиков (350 тыс. и 200 тыс. к концу 1917 г., в 1907 г. соответственно 58 тыс. и 45 тыс.) следует оценивать с учетом того, что в 1917 г. существовали и объединенные организации. Руководство партий существенно изменилось. У меньшевиков на первый план выдвинулись практики соглашательства с буржуазией — лидеры Петроградского Совета Н. С. Чхеидзе, И. Г. Церетели (побывавший на посту министра почт и телеграфов во Временном правительстве), М. И. Скобелев (министр труда). Для меньшевиков стал характерен фракционный разброд; большевики, напротив, преодолев кризис, упрочили свое единство. Из "старых" большевиков в руководстве остался Ленин; выдвинулись "молодые" — Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, наконец, примкнувший к партии Л. Д. Троцкий. Именно эта четверка весьма несхожих между собой по образу мысли, темпераменту и воле идеологов большевизма и получила на выборах в ЦК на VI съезде партии наибольшее число голосов (соответственно 133, 132, 131 и 131 из 134). Что касается Сталина, то его фигура на фоне событий 1917 г. осталась почти незаметной.

В партии эсеров на начало 1907 г. состояло 63 тыс. человек, к ней тянулись соответствующие национальные партии. В составе этой "крестьянской" партии преобладали рабочие, но среди 39 членов руководства было всего 3 рабочих и крестьян. Данные о численности эсеров в 1917 г. сильно расходятся: от 400 тыс. до 800 тыс. В партию нахлынуло городское мещанство, она сделалась в значительной степени неуправляемой. Постепенно выделилось ее левое крыло, возглавляемое М. А. Спиридоновой. Признанным идеологом партии оставался В. М. Чернов. Но он, став министром земледелия во Временном правительстве и столкнувшись с противодействием кадетов, не показал себя дееспособным политиком.

Численность кадетов в 1905—1907 гг. достигала 50 тыс., в 1917 г. — 70 тыс. В руководстве партии преобладала профессура, юристы. Лидерство обычно удерживал П. Н. Милюков. Ближайшее его окружение составляли видные юристы Ф. Ф. Кокошкин (ключевая фигура в Юридическом совещании Временного прави-

тельства и Особом совещании по выработке закона о выборах в Учредительное собрание), В. Д. Набоков (управляющий делами Временного правительства) и М. М. Винавер. Это был своеобразный политический штаб российской буржуазии.

Партии правее кадетов в 1917 г. сошли со сцены как организационное целое, но сведения о черносотенцах представляют интерес. В 1905—1907 гг. они насчитывали 410 тыс., их социальную базу составляли крестьянство и деклассированные элементы города. Осенью 1917 г. черносотенцы заметно оживились, подвергая Временное правительство нападкам справа.

Обратим внимание на территориальное размещение партий. По данным на 1905—1907 гг., организации РСДРП имелись в 494 населенных пунктах, из них в сельской местности — 144; эсеров соответственно в 508 и 277; кадетов — в 360 и 72; черносотенцев — в 487 и 222. Из этого следует, что поляризация общества углублялась; политическую жизнь страны определял город; между ним и деревней существовал разрыв в типе политической культуры; партийных функционеров и печати не хватало, чтобы нести новые идеи в сельскую местность. В 1917 г. эти тенденции приобрели необратимый характер. Формально правительственная власть по своему партийному составу все более "левела", однако отчуждение ее от народа неумолимо прогрессировало. Наибольшее недоверие масс вызывали кадеты.

Кадеты выдвигали идею длительной буржуазной эволюции страны по западному образцу на парламентарной основе. Но поскольку они выступали за продолжение империалистической войны, против всевластия Советов, безвозмездной передачи земли крестьянам и федерализации страны, идеалы демократии казались им несвоевременными. Отсюда — полное неприятие кадетами инициативы масс. Соседей слева, меньшевиков и эсеров, Милюков считал полезным политическим орудием, без которого "веревку из народа не совьешь". В августе 1917 г. в конфиденциальном письме членам ЦК своей партии Милюков писал, что "спасение России в возвращении к монархии... народ не способен воспринять свободу". Следовательно, буржуазия в 1917 г. выступила против демократической перспективы и потребовала "хирургической операции" над революцией.

Меньшевики и эсеры сохраняли надежды на демократию. Если первые оглядывались при этом на лидеров II Интернационала, то эсеры исповедовали идею "особого пути" России к социализму. Предполагалось, что крестьянская кооперация после перехода земли в общенародное достояние приведет к созданию саморазрастающихся очагов социализма в экономике. Но после Февраля эсеры молча признали меньшевистские аргументы в пользу передачи власти буржуазии. Те и другие упорно выступали за упрочение парламентаризма, социальное реформаторство, собирались "контролировать" буржуазию и заставить ее добиться от союзников начать переговоры о мире "без аннексий и контрибуций". Лидеры меньшевиков и эсеров словно задались целью не замечать, что российская буржуазия мечтает совсем о другом. Склонность соглашателей к самообману проявилась и в лозунгах "революционного оборончества", и в готовности терпеть оттягивание созыва Учредительного собрания, и в призывах к крестьянам воздержаться от захвата земли. Поведение меньшевиков и эсеров воплощало колебания средних слоев, вынуждая революцию топтаться на одном месте до тех пор, пока на смену демократии не пришла бы "диктатура сабли". Сложилась ситуация, когда партии, составлявшие два правящих Россией блока — "блок эсеров с меньшевиками и блок этого блока с кадетами", — не доверяя друг другу, не доверяя своим лидерам в правительстве, все беды революции стали списывать на "злокозненность" большевиков (*Полн. собр. соч. Т. 32. С. 382—383*). Правящие верхи, прикидываясь революционным конвентом, на деле возрождали старую централистскую традицию, не имея сил для ее проведения.

В правительственных сферах отсутствовал даже минимум единства, необходимый для создания эффективного механизма государственного управления. К тому же соглашатели обнаружили полную неспособность к конструктивной работе. Неудивительно, что кадетские правоведы успешно одурачивали их на почве буквы "закона" и "права". Это сказалось на незаметной работе Юридического совещания при Временном правительстве, блокировавшего слишком "радикальные" законодательные потуги новой власти с помощью ею же провозглашенного принципа "непредрешения" воли Учредительного собрания — этого фетиша демокра-

тии. Нечто подобное происходило и в Особом совещании по выработке закона о выборах в Учредительное собрание. Это совещание собралось лишь в мае 1917 г. (за такой срок иные революции уже успевали созвать свои аналогичные органы). Кадетские "государственники" легко увлекли соглашателей на нескончаемый путь выработки "самого совершенного" закона.

Обычная буржуазно-правовая система основывается на раздельности законодательной, исполнительной и судебной власти. Все это в условиях независимости общественного мнения составляет механизм социальной саморегуляции. Но победившие революции, независимо от провозглашенных целей, авторитарны, ибо утверждаются через ломку старого и "захват" народом политической свободы. Революционные массы ждут вовсе не "самых совершенных" программ, выработанных кабинетными учеными, а всего лишь наиболее общих принципов, которые не мешали бы им самим перестраивать социальную и экономическую жизнь. Созданная Февральской революцией власть могла бы стать и демократичной, и эффективной, если бы Временное правительство стало простым исполнителем воли Советов. Но это означало бы конец буржуазного характера власти. Поэтому кадеты и провозглашали идею правовой преемственности старой и новой власти, а Временное правительство провело серию законодательных актов, призванных ограничить действия общественности на местах. Еще дальше в попытках свернуть инициативу масс готово было пойти Юридическое совещание. Оно предложило для России в качестве образца политическую систему Франции периода III Республики: сильная президентская власть, двухпалатный парламент, отсутствие местного самоуправления при внешнем торжестве политических свобод.

Проблему местного управления Временное правительство попыталось решить путем перемещения власти из рук губернаторов в руки председателей губернских земских управ, а затем губернских комиссаров, назначаемых "сверху", но "по согласованию" с органами самоуправления. Налицо было усиливающееся противоречие между бюрократическим аппаратом центра и народной инициативой мест.

Двоевластие приобрело на деле куда более сложную конфигурацию, чем принято считать. Обычно под-

разумевается, что на местах ситуация повторяла столичную: Советам противостояли "буржуазные" органы власти. В действительности и возникшие в марте исполнительные комитеты, и демократически избранные позднее органы самоуправления имели коалиционный характер — в них входили представители Советов. На местах, в силу фактической размытости функций управления и самоуправления, наложения представительной и "прямой" демократии, существовало не двоевластие, а своеобразное "двоецентрие" (в национальных районах — даже "троецентрие"): с развитием революции власть как бы перемещалась от городских дум и земств к Советам (или национальным организациям). Это проявило себя в феномене так называемых республик (Кронштадтская, Ташкентская), когда местные Советы, приобретая полноту власти в результате требований масс, выходили из повиновения правительству. Таким положением и объясняется тот факт, что после победы Октября в Петрограде началось триумфальное шествие Советской власти по всей стране, а гражданская война первоначально приобрела "мягкие" формы.

В то время как провинция сдвигалась влево, столицу сотрясали политические кризисы. Апрельский кризис разразился из-за "ноты Милюкова", обещавшего союзникам "войну до победы". Созданное в мае коалиционное правительство, тоже ставившее целью воевать за "мир без аннексий и контрибуций", в свою очередь, не избежало кризиса; характерно, что антивоенная июньская демонстрация была направлена и против оборонческих установок руководимого соглашателями Первого Всероссийского съезда Советов. Июльский кризис приобрел уже черты стихийного восстания против "министров-капиталистов". Корниловщину и ее разгром в конце августа можно рассматривать как самый острый политический кризис, вызванный непосредственной угрозой контрреволюционной диктатуры и предопределивший победу Октября.

Между событиями конца августа и конца октября лежала полоса своеобразного беспрерывного кризиса представительной демократии. Осознав, что всеобщая подача голосов уведет страну "влево", и буржуазия и соглашатели попытались свернуть непосредственное волеизъявление народа с помощью корпоративного представительства, созвав Демократическое совеща-

ние, а затем Предпарламент. Но эти суррогаты демократии лишь до конца обнажили неизбежное: существующий правопорядок обернется режимом диктатуры. Вопрос был лишь в том, какие формы она примет: торжества военщины или бутафорской фигуры Керенского?

Уже к августу 1917 г. даже среди людей, симпатизировавших в прошлом демократии, наблюдалось острое недовольство активизацией масс, отождествляемой с анархией. Так, в резолюции I съезда врачей отмечалось, что "связь между партийными доктринами и стремлениями народных масс" породила "острый психоз". Для "ускоренного выхода из аморфного беспомощного состояния государства" медики предлагали отказаться от созыва Учредительного собрания и ввести военное положение, то есть покончить с демократией с помощью контрреволюционной военщины. Страна не умела пользоваться парламентарной демократией; революция, со своей стороны, требовала концентрации власти, а не распыления ее. Традиционные формы демократии были обречены; недаром у Керенского в октябре почти не оказалось защитников. Народ стоял перед выбором: либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата. Но тогдашним представителям "революционной демократии", все еще завороженным мнимой полнотой политических свобод, так и не удалось это осознать. Не избежали колебаний и большевики.

Несомненно, в марте — апреле 1917 г. налицо был и кризис в большевистской партии, вызванный стремительностью перехода от реакции к политической свободе. Опасность исходила прежде всего от Каменева и Сталина, предложивших тактику "давления" на Временное правительство и объединение по образцу 1905 г. с меньшевиками. Лишь на Апрельской конференции возобладала позиция Ленина: Февральская революция является первым шагом на пути "превращения империалистической войны в гражданскую", необходим второй шаг — переход власти к пролетариату и создание республики Советов. Утвердилось представление, что Временное правительство в области внешней политики не заслуживает никакого доверия и необходима последовательная борьба с "революционным оборончеством". Складывалось убеждение, что Советам предстоит взять власть

”не для создания обычной буржуазной республики или непосредственного перехода к социализму”, а с тем чтобы сделать лишь первые шаги к этому переходу; непосредственная революционная практика масс должна была породить новую политическую культуру, новый тип демократии, преодолевая *бюрократизирующее* сопротивление буржуазии и соглашателей *(см.: Полн. собр. соч. Т. 31. С. 161—162, 356—357, 378—379, 382, 385)*. Вся политическая культура буржуазии и соглашателей, как и весь старый мир, казалась большевикам абсолютно аморальной. Отсюда особый этический максимализм Ленина (нечто подобное было характерно для деятелей Великой французской революции). Осенью 1917 г. Ленин категорически возражал против включения в большевистский избирательный список бывшего ”межрайонца” Ю. Ларина (по иронии судьбы именно он стал после Октября одним из инициаторов системы ”военного коммунизма”). Ленин полагал, что выдвигать в большевистские верхи людей колеблющихся — значит превращать партию ”в такое же поганое стойло карьеристов, как большинство европейских партий” *(Полн. собр. соч. Т. 34. С. 345)*. Предполагалось, что нравственно и организационно совершенная партия должна быть способной довериться самостоятельной инициативе масс, их организациям *(Полн. собр. соч. Т. 34. С. 204)*. Большевики полагали, что история ”сама” движется к социализму, массовая революционная стихия помогает нащупать оптимальный путь этого движения. Было ли это реальным?

Народ и перспективы революции

Способность масс творить историю в нашей литературе как будто никогда не оспаривалась. Сомнения начинаются с вопроса: ведают ли массы о том, что творят? Сомнения такого рода в нынешнем столетии, отмеченном не только успехом народных движений, но и утверждением диктаторских режимов, понять нетрудно. На этом фоне вопрос о природе массового революционного действия встает весьма остро; проблема заключается в том, что образ мысли и действия народных низов всегда далек от ”оптимальных” моделей прогресса, а в данном случае речь идет об участии в революции широчайших масс, отмеченных недостат-

ком "цивилизованности" и склонностью к стихийному "бунтарству".

Гигантский прогресс демократии в России после Февраля был налицо. Но какие ее формы преобладали? Мы выяснили, что в стране не только не сложился устойчивый механизм представительной демократии, и он, и отдельные его элементы постепенно уступали место различным формам группового разобщения. Россия покрылась широчайшей сетью самых разнообразных организаций — политических, профессиональных, профессионально-политических, национальных, кооперативных и просто "обывательских". Однако определяли их движение неизвестные на Западе устойчивые формы узкокорпоративной консолидации, обычно составлявшие основу представительной демократии. Массовая инициатива перешагнула через них.

В течение марта 1917 г. в 393 городах и населенных пунктах России было создано 513 Советов рабочих и солдатских депутатов. От их действий и зависела судьба страны. Они возникали стихийно, по инициативе самих масс, а не партий. И в то же время Советы — воплощение народных представлений о демократии — уступили власть Временному правительству, принятому первоначально за выразителя воли народа. Массы вовсе не отвергли и пути закрепления своих завоеваний через Учредительное собрание, ибо искали привычных гарантий от реставрации старого порядка. Возможно, если бы Первый Всероссийский съезд Советов объявил себя верховной властью в стране и под его эгидой состоялось бы Учредительное собрание, революции удалось бы нащупать некое новое соотношение между прямой и представительной демократией. Однако этого не произошло из-за противодействия меньшевиков и эсеров.

Демократия означает народовластие — и ничего более. Никаких конкретных государственно-правовых форм она не предполагает, более того, по сути своей противостоит абсолютизации тех из них, которые были известны другим народам. Чем более массовым является революционное движение, тем более многообразные формы демократии оно способно выявить, тем более сложным будет путь политического самоутверждения народа. Но вместе с тем социальная революция избирает "прямые" формы демократии, противится попыткам отмерять демократию "сверху" — в умеренных дозах и по заимствованным рецептам.

К сожалению, современное массовое сознание обычно не понимает естественной логики революции. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения одного из советологов. Демократия в русской революции, пишет Розенберг, далеко не сводилась к представительной политике и гражданским свободам, а "означала непосредственное участие масс в решении социальных проблем, народную инициативу в решении широкого круга вопросов... Как таковая, демократия, или, точнее, процесс демократизации, предполагал децентрализованный народный контроль над всеми сторонами общественного и гражданского управления с помощью новых, созданных массами институтов, которые вовсе не обязательно должны быть выборными или формально представительными".

Между тем в 1917 г. большевики довольно скоро поняли, что Советы легче выполняют разрушительные задачи революции, нежели решают различного рода организационные вопросы. Позднее возникла опасность, что Советы не смогут стать центром углубления революции, поскольку господствующие позиции в них заняли умеренные социалисты, убежденные, что им предстоит освободить место органам "представительной демократии". И только благодаря инициативе самих масс Советы смогли парализовать систему управления "сверху". Основным источником силы Советов стало то, что они опирались на классовые организации пролетариата.

Стихийная консолидация пролетариата в 1917 г. выразилась в возникновении фабрично-заводских комитетов, создаваемых рабочими непосредственно на производстве. В короткий срок из стачечных комитетов фабзавкомы превратились в постоянные организации, занимавшиеся всеми сторонами жизни предприятий, прежде всего контролем над наймом рабочей силы и производством. Организации, подобные фабзавкомам, рождались и в ходе борьбы западноевропейского пролетариата; в последнее время на Западе применяются различные формы участия рабочих в управлении предприятиями. Производственная демократия в 1917 г. отражала стремление к самоуправлению, решению "снизу" социальных, а затем и экономических вопросов. Эта тенденция открывала возможность обновления всей системы общественных отношений.

Фабзавкомы возникли в результате массового почина для скорейшей, не стесненной цеховыми перегородками консолидации рабочих отдельных предприятий. Они не противостояли традиционным формам профессиональной организации, но сдерживали присущую им тред-юнионистскую тенденцию к "социальному партнерству". Их деятельность простиралась от борьбы против пьянства и решения продовольственных вопросов до участия в политических кампаниях, а затем и подготовке вооруженного восстания, причем удельный вес политических акций возрастал. Экономическая их деятельность также неуклонно усложнялась: все чаще делались попытки организовать снабжение предприятий топливом и сырьем, контролировать финансовую деятельность администрации. Эта сторона деятельности фабзавкомов указывала на необходимость объединить их усилия с городскими и сельскими кооперативами.

В сфере политической фабзавкомы формировали костяк "рабочих групп" в Советах, органах местного самоуправления. С их помощью пролетариат устанавливал связь и взаимодействие с другими отрядами трудящихся на всех уровнях — от внутризаводского (со служащими) до общероссийского (с солдатами и крестьянами) — по социальным, экономическим и политическим вопросам. Объединенные в общероссийском масштабе, фабзавкомы стали подлинным центром пролетарской революции, в которую через систему связанных с ними аналогичных массовых организаций втягивались более широкие слои. Так нарастала социальная ткань новых общественно-экономических отношений. Завком крупнейшего в стране Путиловского завода в Петрограде разъяснял: "Приучаясь к самоуправлению на отдельных предприятиях, рабочие готовятся к тому времени, когда частная собственность на фабрики и заводы будет уничтожена и орудия производства вместе со зданиями, воздвигнутыми руками рабочих, перейдут в руки рабочего класса".

Широчайшая активность масс в сфере производственной демократии не означала негативного отношения к традиционной профессиональной форме самоорганизации. Наиболее деятельные фабзавкомы крупных предприятий сами подталкивали рабочих к вступлению в отраслевые профсоюзы. В конечном счете все

это вело к качественным сдвигам в психологии и сознании масс. Характерно, что в 1917 г. "трудовая интеллигенция" ясно сознавала, что рабочий класс задает тон всей общественной жизни.

Но одновременно нарастала и разрушительная, анархо-синдикалистская тенденция в движении пролетарских масс. Наиболее ощутимо она проявлялась в стачечном движении. Некоторые исследователи определяют численность забастовщиков в сентябре — октябре 1917 г. в 2 млн и считают стачечное движение решающим в развитии революции, хотя его воздействие на развитие сознания масс вряд ли следует идеализировать. Осенью 1917 г. наметилась тенденция к отказу наиболее развитых рабочих крупных предприятий от забастовок; общий рост стачечной активности происходил скорее за счет периферийных отрядов пролетариата. Стоит обратить внимание на мнение американских исследователей, что в ходе своей борьбы рабочие России вышли за пределы обычного типа конфликта, характерного для западных стран, и пришли к отрицанию всей системы ценностей буржуазного общества.

В каком направлении развивалась активность других слоев трудящихся в 1917 г.? Очевидна сложность этого вопроса, важного для понимания общей направленности революционного процесса в многоукладной, многонациональной, мелкобуржуазной стране. Главное здесь — выявить в движении социально разнородных масс России в 1917 г. элементы системной целостности, что необходимо для понимания сути и итогов Октября.

В 1917 г. общенациональный кризис вызвал активизацию всех живых сил общественного организма, вынужденных решать проблему своего социального выживания. Политическое творчество крестьян привело к образованию уже к середине 1917 г. нескольких десятков тысяч различных организаций — прежде всего самодеятельных крестьянских комитетов, опиравшихся на традиционные сельские сходы. Крестьянство избрало формы самоорганизации, функционально однотипные с пролетарскими, но несущие в себе отпечаток общинной традиции. Вопреки стремлению эсеров "сверху" направить это движение на осуществление хлебной монополии и реформирование земельных отношений, сельские труженики самоорганизовывались

с иными целями. Налицо было их стремление создавать свои крестьянские Советы. К октябрю ими было создано 67 губернских и 437 уездных Советов.

Высокая активность крестьянства определялась прежде всего остротой их борьбы против помещиков. Вторая же "социальная война" была направлена против кулачества; соотношение двух социальных войн вызывает споры, его еще предстоит изучать. Отметим другое. Накал классовой борьбы в деревне определялся и антинародной политикой Временного правительства. "Если министры не исполняют волю народа, — писал в Петроградский Совет один из крестьян, — то доверие к ним отнимается". Характерны признания антибольшевистской прессы о настроениях крестьянства. "Большевик" и "Ленин" теперь ходячие термины по всей Руси, — писали "Русские ведомости" 23 июля 1917 г. — Эти слова, еще совсем недавно привычные лишь небольшой кучке интеллигентов, теперь бродят и по деревенским избам, и по деревенским поселкам".

К осени 1917 г. крестьянское движение приобретало все более наступательный характер, попыток реформистской перестройки аграрных отношений практически не было. Крестьянство, используя "пролетарский" образ действий (на манер фабзавкомов) и дополняя его разгромами имений, руководствовалось при этом собственными целями. Это свидетельствовало о том, что крестьяне идут за активной частью общества, но вовсе не исключало того, что по мере достижения этих целей они вновь замкнутся в "идиотизме деревенской жизни". Так, в сущности, и произошло после победы Октября, когда пролетарская государственность натолкнулась на сопротивление крестьянской массы.

Солдатские массы — этот "маргинализованный" слепок российского общества — сыграли выдающуюся роль в революции. Они обнаружили поразительную организационную активность. После Февральской революции они численно превзошли рабочих в составе Петроградского Совета, а в уездных и заштатных городах выступали зачастую создателями Советов. Но первоначально в составе солдатских комитетов преобладали выходцы из городской интеллигенции. Лишь после разгрома корниловщины в настроениях солдатских масс произошел перелом: требование скорейшего прекращения войны стало господствующим. Довольно

распространено мнение, что в 1917 г. именно армия, не желая подчиняться правительству, намеревавшемуся продолжать войну, решила судьбу Октября. Однако развитие революционного процесса не может быть понято на уровне столь элементарных причинно-следственных связей и простейших моделей поведения масс. Очевидно стремление солдат действовать вместе с рабочими, попытки "города" (главным образом через отпускников и дезертиров) воздействовать на "деревню". Но все же судьбу Октября решил пролетариат.

Обратим внимание еще на один момент. Несомненно, волна слепой жестокости и безудержного насилия шла прежде всего из армии, от солдатских масс. Акты кровавой расправы с офицерами в 1917 г. были весьма часты. Нет нужды оправдывать эту темную сторону революции. Но, оценивая такие явления с нравственной общечеловеческой точки зрения, надо прежде всего помнить о тех страданиях и ужасе безысходности, в пучину которых оказалась ввергнута наиболее активная часть населения страны. Насилие, особенно если оно приобретает характер общегосударственной практики, ведет к эскалации террора "снизу". Упорная антинародная политика продолжения империалистической войны, поддержка ее соглашателями привели к такому размыванию нравственных устоев, что самые принципы справедливости были осмыслены народом как необходимость найти конкретных виновников своих бед и избавиться от них.

Весьма непрост вопрос о характере и целях национально-освободительного движения нерусских народов России, составлявших 57 процентов ее населения. В прошлом идеология сталинского великодержавия склонна была делать упор на "сепаратизме" различного рода "буржуазных националистов". В настоящее время чаще подчеркивается антибольшевистская настроенность различного рода национальных организаций. На деле ситуация была более сложной. Необходимо признать: в той мере, в какой всякая революция сопряжена со стихией эмоций, она неизбежно приводит к "издержкам" национальных страстей и иллюзий. В 1917 г. трудящиеся массы нерусских народов, активно выступая против великодержавной контрреволюции, менее всего мечтали о привычном для буржуазных революций прошлого идеале национальной го-

сударственности. В их действиях, стремлении укрепить принципы равноправия и суверенитета народов прослеживается объективная общероссийская взаимосвязанность хода революционного процесса, хотя сознание трудящихся масс в результате социальной демагогии националистов получало утопический и социально-эгоистический ориентир. Конкретно: обещания скорейшего решения аграрного вопроса путем создания "национального" земельного фонда помогали националистам завоевать симпатии крестьянских масс. Своего рода демократическим компромиссом стало повсеместное распространение лозунга "федерализации" страны. Ленин вскоре поддержал его.

Успех идей интернационализма был значительнее там, где острее были классовые антагонизмы между пролетариатом и буржуазией, крестьянством и помещиками: в Латвии, Эстонии, Белоруссии. Ленин обращал внимание на показатели "доверия" пролетариату со стороны народов России, выраставшего из недоверия к буржуазной государственности (*Полн. собр. соч. Т. 34. С. 299, 300*). Известна выдающаяся роль латышских стрелков в победе Октября, но столь же известны попытки образовать некий антибольшевистский альянс Центральной рады, Закавказского сейма, казачества и сибирских областников. Единство народных сил против буржуазной государственности не исключало противоречий между пролетариатом и национальной демократией после ликвидации их общего противника.

Понятно, что разобраться в эмоциональном хаосе революционной действительности труднее всего. Столь же трудно преодолеть синдром "потребительского" отношения к прошлому, оборачивающийся особым неприятием революционной стихии. Особенно остро все это сказывается на нынешней оценке широко развернувшихся в 1917 г. национальных движений. Несомненно, национальные чувства разрастаются до гигантских масштабов в силу известного преломления в сознании народов общей социальной напряженности, что является отражением стремления добиться хозяйственной самостоятельности в соответствии с известными трудовыми традициями.

Диалектика углубления революции была такова, что стихийная тяга масс к утверждению их собственных трудовых идеалов и общечеловеческих ценно-

стей — прежде всего стремление к миру — не исключала насилий, погромов. Более того, к Октябрю волна анархических действий нарастала. Но склонность к насилию обнаруживали наиболее отсталые слои трудящихся; пролетариат показывал весьма высокую степень классовой выдержки и сознания. Демократия не отождествлялась им со вседозволенностью, разрушение старого миропорядка — с анархией.

Поскольку революция утверждает новую систему ценностей, возникает вопрос: где кончаются социальные иллюзии и начинается сознательная активность масс? Известно, что в немарксистской социологии пользуются признанием элитарные теории прогресса, отрицающие способность трудящихся выступать самостоятельными субъектами истории, признающие за ними лишь роль статистов революций, способствующих захвату власти "элитой". И далее: какое место занимал элемент утопии в социальных побуждениях народа?

Взлеты утопического сознания связаны с ощущением бесперспективности настоящего. Утопия бывает ориентирована либо на прошлое, либо на будущее. Пожалуй, наиболее поразительным фактом революционной действительности 1917 г. было то, что массы, вполне не искушенные в межпартийной борьбе, обнаружили четкую политическую ориентированность и общенациональную масштабность своего мышления. В то время как масса интеллигенции надежды на обновление России возлагала главным образом на политическую демократизацию по западному образцу, трудящиеся, проявляя гигантскую социальную самостоятельность, связывали достижение общественного идеала с деятельностью определенных политических партий. На прошедших в мае — октябре муниципальных выборах основная масса горожан голосовала за общероссийские партии, а не за "обывательские" списки.

Если выделить летние и осенние выборы, то обнаруживается, что при устойчивости социалистических симпатий все большее предпочтение отдавалось большевикам. Наиболее показательны проводившиеся в разное время общегородские и районные выборы в Петрограде и Москве. Если в столице в мае — июне за большевиков проголосовало лишь 20 процентов избирателей, то в августе — уже 34 процента. Результаты выборов в Москве еще более впечат-

ляющие. Если в июне за большевиков голосовало 12 процентов избирателей, то в августе они получили 52 процента голосов. Это произошло за счет резкого падения популярности соглашателей при заметно усилившемся абсентеизме (отказе от голосования) избирателей.

О чем свидетельствует избирательная статистика? Только ли о неуклонной большевизации масс в крупнейших городах, задававших тон политической жизни страны? Осенние выборы в Москве состоялись после провала корниловщины, и результаты их говорят о том, что это была реакция масс на угрозу контрреволюции, они предпочли реформистской деятельности умеренных социалистов революционное насилие над имущими классами. Разумеется, результаты выборов не могли отразить всей гаммы настроений масс, но существуют ли вообще данные, способные вполне отразить многомерность и динамику их сознания?

Обратимся к политической символике и в качестве примера — к знаменам революционной эпохи, еще не оцененным по достоинству как источник. Вопреки привычным представлениям нашего времени, на красных полотнищах 1917 г. мы не обнаружили ни набора стандартных партийных лозунгов, ни издержек наивного пафоса. Налицо сочетание вполне прозаических и весьма разнородных ближайших социальных требований и ясного понимания всемирно-исторического масштаба происходящего. Вряд ли можно заподозрить, что лозунги "навязывались" "несознательным" массам революционными "элитами" или подсказывались партийными функционерами: часто обнаруживаются в них стертые следы эсеровских призывов. Политические устремления рабочих отражает дарственное знамя путиловцев солдатам гвардейского Павловского полка. На нем изображены воин в древнеримских доспехах и рабочий с молотком у наковальни, заключающие союз рукопожатием. На полотнище вышиты слова: "Да здравствует Российская революция как пролог к социальной революции в Европе. Клянемся под этим знаменем добиться братства всех народов!" На другой стороне надпись: "Да здравствует социализм! Да здравствует Интернационал!"

По существу, это переложение основных идей и целей большевизма: курс на мировую революцию, призванную радикально изменить взаимоотношения меж-

ду народами соответственно идеалам людей труда. Сознание путиловских рабочих вряд ли можно отнести в разряд социальных утопий. Его пронизывала уверенность в сопричастности к событиям мировой истории, стремление практически определять ее ход.

Поскольку нынешнее массовое сознание все же склонно судить о политических симпатиях по результатам выборов, обратимся к итогам избирательной кампании в Учредительное собрание. В ноябре 1917 г. из трех основных групп партий большевики завоевали 22 процента голосов, социалистические партии — 60 процентов (из них свыше 55 процентов — эсеры), кадеты и "националы" — 17 процентов. Казалось, большевики безнадежно отстали от эсеров в своем влиянии на массы: среди 715 депутатов эсеров было 370 (большевиков — 175, представителей национальных партий — 86, левых эсеров — 40, кадетов — 17, меньшевиков — 15). Но результаты выборов отражали и определенный поворот симпатий в сторону большевиков. Характерно, что число поданных за них голосов намного превышало удельный вес рабочего класса в населении страны, тогда как "крестьянская" партия эсеров не смогла собрать "своей" доли голосов в деревне. Слабыми оказались позиции национальных партий — население страны, наполовину состоявшее из нерусских народов, предпочло голосовать за общероссийские партии. Несомненного успеха добились кадеты: число поданных за них голосов далеко выходило за социальные границы классов буржуазии и помещиков. Налицо была четкая поляризация основных классовых сил.

Анализ электората убеждает, что большевики, не получив общенационального мандата на управление страной, возглавили наиболее радикально настроенную часть народа в административных и промышленных центрах страны. В целом массы отнюдь не сделали выбора в пользу "пролетарского" социализма. Но они хотели "своей" власти. Этим устремлениям, казалось, наиболее полно отвечали большевики.

Некоторые итоги

Сегодня очевидно, сколь неоправдано было членение событий 1917 г. на "буржуазно-демократическую" и "социалистическую" революции, на "мирный" и "не-

мирный" этапы развития революционного процесса, на "сознательное" и "стихийное" в движении масс. Революционная действительность более многообразна и взаимосвязанна. Современные дискуссии о событиях 1917 г. ясно убеждают, что схема "Краткого курса", положившая в основу истории советского общества его деление на "чистых" и "нечистых", якобы вполне определившееся в октябре 1917 г., не имеет ничего общего с исторической реальностью.

Несомненно, всякая революция начинается "сверху", отражая неспособность власти управлять по-старому, но становится таковой, лишь сомкнувшись с массовым движением "снизу". Тогда революционные идеи действительно овладевают массами и превращаются в движущую силу истории. Но куда направлен вектор этой силы? Идеологические конструкции, упрощаясь до лозунгов, неизбежно преломляются сквозь толщу народных утопий — отнюдь не только революционных. Знание становится предметом веры, и это выталкивает на поверхность общественной жизни так называемых харизматических, то есть наделенных в глазах масс чертами исключительности, лидеров, действующих не по праву, а по интуиции. Но последние, вступив в область неизведанного, склонны бывают руководствоваться доктриной, а не "здравым смыслом". Отсюда начинаются действительные "загадки" революции, которые массовое сознание "застойного" времени решает по своим собственным, увы, примитивным меркам.

Сколь велика была в 1917 г. угроза контрреволюции? Существовала ли опасность российской Вандеи? Да, результаты выборов ясно указывают на это: в аграрных районах, в Сибири, Закавказье, непромышленных губерниях Украины, казачьих районах позиции большевиков были слабыми. Выборы показали "географию" будущей гражданской войны — в случае, если революции суждено было замкнуться в национальных рамках, опасность этого вполне сознавалась.

В связи с этим Октябрьское вооруженное восстание и последовавший в ночь с 5 на 6 января 1918 г. разгон Учредительного собрания выглядят как вполне логичные действия, предпринятые большевиками в союзе с левыми эсерами. Но заставляет задуматься другое. Декрет о мире отвечал социальным интересам громадного большинства трудящихся России, но вместе с тем

он был откровенным призывом к мировой революции, то есть предполагал разрастание масштабов насилия. Декрет о земле содержал уступку мелкобуржуазным представлениям о справедливости и в силу этого таил в себе опасность того, что крестьянство, расправившись с помещиками и реализовав свой идеал уравнительного землепользования, отвернется от городского пролетариата. Декрет о рабочем контроле находился в известном противоречии с идеей централизации банковского дела и принудительного объединения промышленных предприятий. В целом Октябрьская революция свершилась под знаком общечеловеческих ценностей и демократии, но стала утверждаться путем невиданного классового насилия.

В январе 1923 г. в условиях, когда Россия прошла кровавое чистилище гражданской войны с ее "военно-коммунистическим" забеганием вперед и ожиданиями мировой революции, когда до предела обнажилось унаследованное от прошлого устрашающее противоречие между хозяйственными укладами города и деревни, когда страна, отбросив старые социокультурные ориентиры, утратила и свою интеллигенцию, Ленин, отойдя, ввиду болезни, от текущих дел, дал свою оценку итогов и уроков Октября. Нет нужды выводить предпосылки революции из западноевропейских образцов, считал Ленин, ибо у народов свой счет к прошлому и свои представления о будущем. Куда уместнее задаться вопросом: "А не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?" И если для построения социализма требуется некий, еще никем не определенный "уровень культуры", то почему нельзя начать "с завоевания революционным путем предпосылок" для него, "а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы" (*Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380, 381*). Таков был извлеченный Лениным важнейший итог и урок Октября для всех стран, не желающих плестись в хвосте капиталистического прогресса или испытать на себе все антидемократические судороги "догоняющего" буржуазного развития. Время, однако, вносит в этот вывод свои коррективы.

Несомненно, что любую революцию нельзя оценивать в рамках ею же расставленных идейных координат, ибо сознание революционной эпохи в принципе не может быть адекватно общеисторическому смыслу происходящего. Забвение этого правила уже обернулось вырождением отечественной исторической мысли и деформацией социальной памяти народа.

Очевидно, что мощь Октябрьского взрыва, его глобальные последствия были обусловлены смыканием критических точек общероссийского и мирового развития. Во-первых, в начале XX в. "догоняющая" Россия переживала традиционный для нее цикл "смуты": неповоротливая власть, не сумев завершить насущных преобразований в экономике и политике, спровоцировала настоящее "восстание масс". Во-вторых, весь мировой капитализм пережил тогда же острокризисную фазу своего развития, с трудом выйдя из нее на путь активного самореформирования. Учитывая это, большевистский Октябрь предстает дерзновенной попыткой уравнять исторические шансы всех народов на пути мировой социалистической революции. Можно говорить об "утопизме" подобных замыслов, но нельзя не признать, что они были подготовлены всем развитием тогдашней социальной мысли, а человечество до сих пор страдает от невозможности их воплощения в жизнь. Впрочем, частично Октябрь выполнил свою "мировую миссию", ускорив слияние на Западе либеральной и социалистической традиций в соответствующей социальной политике.

Правда, столкновение в замкнутом пространстве одной страны "пролетарской" и "крестьянской" революций обернулось, кроме всего прочего, и аннигиляцией творческой энергии народа, а соединение в этих условиях идеи управления обществом "по плану" с уравнительными настроениями масс привело, к сожалению, к длительному торжеству сталинизма. Нет нужды объяснять, насколько актуальны и эти уроки Октября.

А. БУТЕНКО,
доктор философских наук

Был ли неизбежен Октябрь?

Когда в той или другой стране рушится общественный строй, называвший себя социализмом и клявшийся в своей верности идеалам Маркса и Ленина, то, независимо от того, был ли этот строй на самом деле социализмом или только государственно-бюрократической казармой, исповедовал ли он марксизм-ленинизм или же сталинизм, в таком обществе неизбежно дискредитируется сама идея социализма, обязательно девальвируются и марксизм, и ленинизм. Страны Восточной Европы, а также Советский Союз при всем несовпадении конкретных условий находятся сегодня примерно в таком положении.

Как бы ни были по существу многих вопросов правы Маркс и Ленин, не неся прямой ответственности за преступления И. Сталина, как бы они ни возвышались над жалкими эпигонами типа Л. Брежнева, Э. Хонеккера, Г. Гусака и им подобных, после такой неудачи, а точнее, после такого поражения неизбежна весьма длительная полоса отступления идей Маркса и Ленина, переоценки связанной с ними теории социализма, отступления и перегруппировки интеллектуальных и социальных сил. Однако, как говорится, это еще не вечер. Только люди, ничего не понимающие в общественном развитии, могут думать, будто марксизм и ленинизм завершают свой путь, что идея социальной справедливости может умереть в обществе, где есть бедные и богатые, что идеалы социализма исчезнут раньше, чем прекратится эксплуатация человека человеком.

Общество, основанное на определенных, сознательно избранных им принципах, когда эти принципы оказываются дискредитированными, встает перед неповторимой ситуацией, сама общественная жизнь, опира-

вшаяся на рухнувшие устои, полнится все новыми парадоксами и несуразицами: выращен один из самых богатых урожаев, а стране угрожает голод, политический прогресс соревнуется с экономической деградацией, вчерашние левые радикалы становятся сегодняшними правыми, растущая политическая активность масс сопрягается с умножающимися актами политического вандализма.

Еще больше парадоксов в духовной сфере, где развал прежнего общественного сознания порождает свои противоречия и свою ложь. Умирает сталинизм, а простому человеку внушают, что "дышат на ладан" марксизм и ленинизм. Рушится сталинская версия безошибочного социалистического Октября и иконописного Ленина, а людям подсовывают: не нужен был сам большевистский Октябрь, осуществленный "властолюбцем" Лениным (а потому правые предлагают отказаться от празднования дня Октябрьской революции). Все убеждаются в том, что социалистический выбор нашего народа так и не осуществился за семь с лишним десятилетий, а нам твердят, будто не было самого "социалистического выбора".

Попытаемся, не претендуя на абсолютную истину, разобраться в происходящем.

"ОБЩЕПРИНЯТЫЙ МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ"

Современная духовная жизнь советского общества испытывает наибольшие перегрузки. Мы все помним, что начинали перестройку с перестройки сознания, но не всегда задумываемся над тем, что именно поэтому в этой сфере "прощание с прошлым" продвинулось наиболее далеко. Разумеется, и это расставание не лишено своих парадоксов: об обществе, никогда не жившем при социализме, говорят, что оно в нем разочаровалось, а люди, вряд ли действительно изучавшие Маркса и Ленина, заявляют, что их учение утопично и достойно забвения.

Если же шире взглянуть на все происходящее в сфере идеологии, то очевидно следующее. Одной из существенных черт сталинизма являлось конструирование им "марксизма-ленинизма" как особой сталинской версии взглядов Маркса и Ленина, версии, грубо фальсифицировавшей эти взгляды: что-то замалчивалось в них, что-то искажалось, что-то запрещалось, а что-то

раздувалось; но всегда это делалось так, как это было необходимо для сталинизма, для упрочения его собственной теории и практики. Например, таким путем исчезла разница между эксплуатацией и угнетением, между обобществлением и огосударствлением, что было весьма важно для правящей бюрократии. Этот официально принятый "марксизм-ленинизм" сложился и функционировал как идеология командно-административного казарменного социализма. Вопреки сути марксизма, эта идеология не являлась руководством к действию ни для трудящихся, ни даже для правящей партийно-государственной бюрократии.

В сталинские времена и позже — а если подсчитывать годы, то более 60 лет — эта сталинская версия взглядов Маркса и Ленина штопалась, подчищалась, подгонялась под тексты и усиленно внедрялась (во многом это не кончилось и сегодня) в общественное сознание: написаны горы монографий и марксистских учебников, тысячи брошюр и сотни тысяч статей, воспитаны целые поколения обществоведов, исповедовавших эту правдоподобную версию. Именно эта версия проникла не только во все стороны общественного сознания, но глубоко вошла в индивидуальное сознание каждого относительно культурного человека.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что сегодня, в условиях митинговой демократии и разгула не научных исследований, а броской публицистики, идет интенсивный процесс переосмысления журналистами своих воззрений, прощания со старыми догмами. Это нормально. Еще Г. Гейне писал: "Новому времени новый костюм потребен для нового дела". Но давайте присмотримся к этому идеологическому переодеванию! В процессе критической переоценки нашего идейного наследства как грибы после дождя появляются отдельные статьи и целые сериалы, авторы которых вполне искренне доказывают, что И. Сталин был правоверным марксистом-ленинцем (ведь сталинская версия марксизма-ленинизма для того и создавалась, чтобы убедить всех в этом!). Или что, скажем, суть исторической теории Маркса не исторический материализм, а концепция неминуемой и скорой замены капитализма социализмом, и поскольку этого не произошло, то эта теория так же не жизненна, как "колодка устаревших догм". Или что В. И. Ленин был настолько ограниченным теоретиком, настолько "жа-

ждал власти", что совершенно не посчитался с отсталостью России и в октябре 1917 г. вверг ее в ужасы преждевременной социалистической революции со всеми ее катастрофическими последствиями для нашей сегодняшней жизни. Не позитивное решение насущных проблем общественной жизни, а именно такое нагромождение полуправды и лжи о взглядах Маркса и Ленина, об Октябре и о нашей советской истории является главным пьедесталом самоутверждения отдельных авторов, не задумывающихся о том, что за обман народа придется платить.

К сожалению, именно сенсационная, шумливая критика Маркса и Ленина, непривычное "разоблачение" их, где критикующему не нужно большого ума, чтобы легко "сразить" или Маркса, или Ленина, или Октябрь, или все сразу, как раз и привлекает широкого читателя, с восторгом упивающегося подобными сенсациями, не подозревая о том, что из-за его собственного невежества его обманывает другое, более изощренное невежество.

Чтобы уже не возвращаться к этому вопросу, скажу сразу: все мы, пишущие, ошибались, ошибаемся и будем ошибаться, ибо не ошибается только тот, кто ничего не делает. Но есть ошибки, порожденные сокрытием от нас фактов, а потому столь же непроизвольные, как и искренние заблуждения. Но есть вместе с тем невежество и корыстная ложь. Я не уважаю людей, облеченных степенями и званиями, но пишущими сериалы своих статей о нашей стране вопреки фактам истории, тех, кто в угоду своим амбициям или ради дешевого митингового авторитета готов надругаться над истиной, кто учит тому, в чем сам ничего не смыслит, для кого следование конъюнктуре — путь "в люди", а приспособление и ложь — пропуск в номенклатурную науку. Еще не перейдя к рынку, такие стали торговать совестью. Как здесь не согласиться с С. Залыгиным: "...когда человек не понимает, что это мода, конъюнктура, — это еще полбеды. А вот когда интеллигент делает себя то "проводником самого передового учения", то "радикалом", то "выразителем вековых национальных чаяний" — это уже беда. Какая же это интеллигенция, если она все время стремится слить себя с чем-то?"

Поэтому я не скрываю неприязни к тем, кто пытается дурачить свой народ, кто, пользуясь неосведом-

ленностью простого человека и трусливо прикрываясь знаменем левого радикала, давно стал правым и тащит своих поклонников как стадо баранов в желанный для него самого капиталистический рай, тащит, не объясняя трудящейся пастве, что ее там ждет, что еще никому не удавалось "работать, как у нас, а жить, как у них". Особенно мне неприятны желчь и яд по отношению к пережитым бедам собственного народа.

Как ни грустно в этом признаться, борясь против общепринятой сталинской версии "марксизма-ленинизма" и изображая свою борьбу в качестве опровержения и марксизма, и ленинизма, такие правдолюбцы порой даже не сознают того, что они на деле ведут борьбу с ветряными мельницами, демонстрируя при этом нижайший уровень своего знания и критикуемой теории и фактов истории. Чтобы не быть голословным, проиллюстрирую сказанное двумя проблемами: Октябрь и Ленин, Октябрь и социалистический выбор.

ОКТЯБРЬ И ЛЕНИН

Думаю, нет надобности напоминать, что Октябрьская революция и создание Советского государства были главным делом всей жизни В. И. Ленина и что именно этот факт стоит сегодня в центре многих дискуссий. Что опровергается? Опровергается сталинская версия Октября, хотя утверждается, что "развенчаны" и Ленин, и Октябрь.

Суть опровергаемой версии такова: В. И. Ленин, возвратясь после февральско-мартовской революции из эмиграции в Россию, отверг догматически-меньшевистские утверждения об отсталости России и ее неготовности к "введению социализма", о чем твердили многие деятели того времени — Г. Плеханов, Л. Мартов и все меньшевики, а также Л. Каменев и Г. Зиновьев (из среды колеблющихся большевиков). Ленин, как творческий марксист, выдвинул установку на социалистическую революцию и стал звать массы на ее осуществление, разъясняя, что социалистическая революция (социальная революция рабочего класса) вполне назрела в России, условия которой требуют лишь особого порядка осуществления революционных преобразований.

Именно эта сталинская версия тогдашних событий, дополненная современными утверждениями о том, что

Ленин был фанатиком, "жаждавшим власти", как раз и критикуется сегодняшними "радикалами", теми из них, кто называет Октябрь "авантюрой" или "катастрофой". Но ведь все это — фальсификация истории. Не будем пользоваться ходячими сталинскими клише по этому вопросу. Откроем работы самого В. И. Ленина.

Задолго до Октября, еще в марте 1905 г., во время первой русской революции, В. И. Ленин, споря с меньшевиком А. Мартыновым, отмечает "гибельность непонимания действительных исторических задач переворота", предупреждает об опасности, заключающейся в смешении "мнимосоциалистического и реально-демократического содержания переворота", то есть Ленин прекрасно понимает, насколько важно учитывать уровень социально-экономического развития, характеризуя революцию и вырабатывая политику. Чуть позже в статье "Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" он прямо пишет: "Пытаясь немедленно поставить своей целью социалистический переворот, социал-демократия действительно лишь осрамила бы себя".

К апрелю 1917 г. прошло чуть больше 10 лет, в социально-экономическом отношении Россия изменилась не очень значительно. Другое дело в политической сфере: здесь совершилась февральско-мартовская революция, пало самодержавие, в стране возникло двоевластие. Все увидели, что Временное правительство не намерено утвердить свободу народа, не хочет дать землю крестьянам, мир — стране, то есть не хочет решать задачи своей, буржуазно-демократической революции. Поэтому Ленин призывает искать для России другой путь в будущее: раз буржуазия не может разорвать капиталистических связей, вырвать страну из войны, если она нереволюционная и не желает радикального осуществления задач своей же, буржуазно-демократической, революции, следует решить эти задачи другими силами, а для этого следует отделить революционно-демократические силы от соглашательских, шовинистических и бороться за переход революции на следующую ступень, то есть добиваться утверждения диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, чтобы уже эта власть вырвала страну из бойни, завершила буржуазную революцию, повела Россию по пути социального прогресса, дала землю крестьянам, свободу рабочим, мир стране. Хочу еще

и еще подчеркнуть: на протяжении всего времени до Октября 1917 г. В. И. Ленин полностью отдает себе отчет в том, что Россия не готова для "введения социализма", что первоочередная задача — выйти из войны, обеспечить завершение задач буржуазно-демократической революции.

Тем не менее современные, сегодняшние ниспровергатели ленинизма утверждают, будто В. И. Ленин в это время стремится к "немедленному насильственному свержению мировой капиталистической системы революционным путем" (это писал год назад венгерский политолог Барны Талаш), а наши критики заявляют, будто Ленин рассчитывал на "немедленное перерождение этой буржуазной революции в социалистическую". Но это — вовсе не Ленин, эту точку зрения приписывал ему Л. Каменев, критикуя Апрельские тезисы; что же касается самого В. И. Ленина, то он писал дословно следующее: "Это неверно. Я не только не "рассчитываю" на "немедленное перерождение" нашей революции в *социалистическую,* а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8: "...не "введение" социализма, как наша *непосредственная* задача". Ленин предлагает не это, "а переход тотчас лишь (!) к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов".

Откуда же, вопреки всем этим недвусмысленным заявлениям В. И. Ленина, взялась ложь, будто Ленин пренебрег условиями России и бросился в авантюру социалистической революции?

Дело в том, что И. Сталину нужна была именно такая версия ленинской позиции, нужна была, чтобы скрыть суть его собственных ошибок накануне апрельских конференций, когда он проводил мартовское совещание большевиков, нужна, чтобы представить в выгодном для себя свете весь последующий ход истории. С этой целью начались "подчистки" документов, неадекватное описание событий, умолчания и сокрытия. С этой целью в массовое сознание внедрялось несколько стереотипов.

Первый. Октябрьский переворот — истинно социалистическая революция, утвердившая диктатуру пролетариата в целях строительства социализма. Здесь что ни слово, то неточность или ложь!

Все мы слышали с экранов кинотеатров и телевизоров слова, будто бы произнесенные Лениным после

вооруженного восстания на Втором съезде Советов: "Социалистическая революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!" На деле же было сказано так: "Рабочая и крестьянская революция (а не социалистическая. — *А. Б.*), о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась". Это и понятно, ибо Октябрь, его коалиционная — большевиков с левыми эсерами — политическая власть, чего с самого начала хотели большевики, были еще не чистой диктатурой пролетариата, а диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства, она завершала демократический переворот. Для большинства же населения — в деревне — в это время социалистической революцией еще и не пахло, как это следует из работ В. И. Ленина тех лет. В указанной подделке заключалась фальсифицированная И. Сталиным правда об Октябре и позиции Ленина. И конечно же сталинскую фальсификацию, позволяющую трактовать Ленина леваком-властолюбцем, рвущимся к власти и социализму, невзирая на отсталость России, легко опровергнуть, но это не так легко сделать с действительными взглядами Ленина, призывавшего таким путем завершить демократический переворот, чтобы затем готовить предпосылки цивилизованности для будущего перехода к будущему социализму. Кстати, принятый летом 1917 г. на VI съезде РСДРП(б) в большевистскую партию Л. Троцкий тоже писал о "самостоятельной борьбе за завоевание власти, хотя бы только во имя демократических задач". Характеризуя тогдашнюю ленинскую позицию, он писал, что из нее вытекало: "...довершить демократическую революцию возможно лишь при господстве рабочего класса".

Второй сталинский стереотип: после Октября 1917 года В. И. Ленин ни в чем не ошибался, последовательно осуществлял один и тот же курс социалистического строительства и при политике "военного коммунизма" и при нэпе. Опять это — прямая фальсификация. Ибо сразу же после Октября Ленин и большевики допустили принципиальный просчет: отошли от своей прежней позиции — завершить руками Советской власти буржуазную революцию и вести подготовку "посылок цивилизации", чтобы "потом уже начать движение к социализму". Началась "кавалерийская атака" на капитал и вскоре ошибочная политика "военного коммунизма", приведшая к кризису и Кронштадтскому

мятежу 1921 года. В. И. Ленин честно признал суть допущенной им, всеми большевиками ошибки, совершил поворот к нэпу. Это честное признание Лениным своей ошибки было скрыто сталинизмом и, думаю, для того, чтобы можно было использовать в своих целях "обоих Лениных" — военнокоммунистического и нэповского, как якобы одного Ленина, приспособляя то те, то другие его идеи для упрочения сталинской политики и власти.

Как же допустил В. И. Ленин указанную принципиальную ошибку, начав непосредственное (вместо опосредованного) продвижение к социализму? Этот вопрос является уже вопросом о социалистическом выборе в нашей стране.

ОКТЯБРЬ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЫБОР

Что бы ни заявляли сегодняшние критики Октября, В. И. Ленина и большевиков, изображая их в качестве кучки узурпаторов, насильственно навязавших стране свою власть и свой социалистический выбор, — эти заявления были и останутся исторической ложью, ибо утверждение большевистской власти, возглавляемой В. И. Лениным, в октябре 1917 г. было легитимировано, то есть узаконено, многопартийными Советами, опиравшимися на избравших их трудящихся. Как раз это и дало право нашей стране и нашему обществу называть себя советским.

Не менее важно и то, что многопартийные Советы не только легитимировали большевистскую власть, но и определили рамки ее деятельности. Образовавшаяся тогда расстановка сил внутри Второго Всероссийского съезда Советов, опираясь на эйфорию победы и на веру масс в близость и необходимость социализма, привела к тому, что именно тогда — на Втором съезде Советов — вразрез с предшествующими заявлениями В. И. Ленина о неготовности России к непосредственному "введению социализма" был сделан социалистический выбор дальнейшего развития страны. Об этом Ленин тогда писал так: "Теперь мы свергли иго буржуазии. Социальную революцию выдумали не мы, — ее провозгласили члены съезда Советов, — никто не протестовал, все приняли декрет, в котором она была провозглашена". Как отмечал Ленин, именно этот съезд обязал правительство "проводить программу,

одобренную всем Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму".

Вот здесь-то, игнорируя то обстоятельство, что социалистическая программа деятельности Совета Народных Комиссаров, возглавляемого В. И. Лениным, была определена коллективно, при участии не только большевиков, а всего съезда Советов, опять выходят на авансцену критики В. И. Ленина и Октября. Они уже не повторяют тезисов своих совершенно неграмотных коллег, которые заявляли, будто разговоры о социалистическом выборе в стране придуманы современниками — М. С. Горбачевым и его единомышленниками, — а заявляют о том, что решение съезда Советов — еще не выбор народа!

Согласимся на время с этим тезисом критиков и зададим им встречный вопрос: а где же ваши или ваших коллег утверждения о Ленине и большевиках как "кучке заговорщиков", насильственно навязавших стране и свою власть, и свой социалистический выбор? Оказывается, вовсе не "кучка узурпаторов", а избранный трудящимися съезд Советов, причем не одни только большевики, а многопартийный состав съезда решал вопрос о социалистическом выборе. Конечно же наши оппоненты не решатся признаться в том, что они сели в лужу, отрицая само наличие социалистического выбора в прошлом, приписывая этот выбор одним большевикам. Вот как нехорошо не знать историю! Но дальше — больше. Согласимся и с новым тезисом критиков: допустим, что Второй Всероссийский съезд Советов, которому большевики, совершившие Октябрьский переворот, передали всю полноту политической власти, не отражал всей расстановки общественно-политических сил в стране и его решение о социалистическом выборе страны, об обязанности Советского правительства делать "постепенные, но твердые шаги к социализму", не вполне отражало настроения в стране.

Обратимся тогда к другому политическому органу — к обещанному еще Временным правительством Учредительному собранию, которое современные критики большевиков, не задумываясь о поджидающем их здесь капкане, называют "истинным зеркалом воли российского народа". Как известно, в Декларации от 2(15) марта 1917 г. Временное правительство заявило

о созыве Учредительного собрания и приняло положение о выборах, которое предусматривало пропорциональную систему, основанную на всеобщем избирательном праве. После опубликования в октябре 1917 г. кандидатских списков политических партий (выборы проводились на многопартийной основе) состоялось голосование. В этом голосовании, по данным 65 округов, участвовало около 45 млн избирателей (всего было 79 округов и в них 90 млн избирателей). Как очевидно, это было рекордное число выборщиков для того времени.

Что же показали эти выборы?

Они показали, прежде всего, полное банкротство российской буржуазии: за ее главную партию — кадетов — проголосовало (по данным "Русских ведомостей" от 21 января 1918 г.) всего 5 процентов избирателей! Здесь следует, пожалуй, остановиться на рассуждениях тех, кто говорит о насильственном прерывании "большевистским Октябрем" капиталистического развития России. Подобные радетели капитализма в России никак не хотят согласиться с мнением подавляющей части западных историков, согласно которому тогда у России не было реальной возможности пойти по капиталистическому пути. Основные политические силы, справедливо полагает М. Малиа, "в той ситуации, какая была в 1917 году, не располагали никакой возможностью создать в России демократический, конституционный, парламентский строй. Сожалеть об этом — значит попусту терять время".

Именно это подтвердили и выборы в Учредительное собрание. Поэтому считать "большевистский Октябрь" насильственным прерыванием капиталистического развития России могут только большие шутники, ибо непонятно: кто, какие партии были тогда готовы вести Россию по капиталистическому пути? Почему они не повели по этому пути раньше, когда стояли у власти? Или, может быть, для этого надо было кадетам, опираясь на генералов, разогнать или перевешать всех депутатов Учредительного собрания, чтобы повести страну по "славному" капиталистическому пути (что, кстати сказать, генералы и делали, не только вешая большевиков, но репрессируя и всех попадавшихся им депутатов Учредительного собрания).

Итак, главная партия буржуазии — кадеты — получила в Учредительном собрании всего 5 процентов

голосов. За кого же высказалась остальная голосовавшая Россия? Она высказалась за партии, как бы мы сказали сегодня, "социалистической ориентации": за правых и левых социалистов-революционеров (эсеры) — 58,5 процента избирателей; за социал-демократов — 27,6 процента избирателей (причем за большевиков — 25 процентов и меньшевиков — 2,6 процента избирателей).

Не правда ли, впечатляющее свидетельство социалистического выбора всем народом?

Конечно же сегодняшние противники социалистического выбора России попытаются вывернуться наизнанку, чтобы истолковать это голосование в пользу своей позиции. Что для них факты истории? Но давайте лучше послушаем беспристрастных современников тех событий: что они сами думали по интересующему нас вопросу?

Как известно, Учредительное собрание открылось 5(18) января 1918 г. Из 715 избранных депутатов явились 410. Избранный председателем Учредительного собрания эсер В. Чернов в своей речи сказал: "Страна высказалась, состав Учредительного собрания — живое свидетельство мощной тяги народов России к социализму. Оно означает конец неопределенного, колеблющегося переходного периода". И далее: "Социалистическое строительство предполагает вместе с тем могучий подъем производительных сил страны... социализм не есть скороспелое приближение к равенству в нищете, не есть азартные и рискованные опыты, на почве общего упадка лишь ускоряющие разложение и разруху, напротив, он в деловой планомерной работе..."

О чем говорят эти и другие факты того времени? Они свидетельствуют о том, что уже тогда столкнулись разные понимания социалистического пути развития: большевистского и меньшевистского, лево- и правоэсеровского. Но несомненно одно: в обоих органах государственной власти, и во Втором Всероссийском съезде Советов и в Учредительном собрании, не было сомнения в том, что народы России желают идти социалистическим путем. Отрицать это могут только люди, совершенно не знающие истории или сознательно игнорирующие бесспорные факты. Конечно, можно и нужно спорить о том, насколько был правильным и обоснованным социалистический выбор

для тогдашней России, мог ли он быть и каким путем реализованным, но обвинять большевиков, Ленина и Октябрь в том, что они навязали социалистический выбор вопреки воле народа, — это значит клеветать не только на Ленина и большевиков, но и на историю.

С учетом исторического опыта послеоктябрьского развития России представляется, что наиболее дальновидным и обоснованным был ленинский план постепенного завершения задач буржуазно-демократической революции и осмысленного создания предпосылок цивилизованности для последующего перехода к будущему социализму. В свете этого я считаю, что коллективными решениями Второго Всероссийского съезда Советов была допущена принципиальная ошибка — провозглашена социальная революция, то есть объявлен непосредственный социалистический выбор страны, причем "никто не протестовал, все приняли декрет, в котором она была провозглашена", а значит, не протестовали большевики, составлявшие большинство съезда. Принял это и В. И. Ленин, который, начиная со своих Апрельских тезисов и вплоть до Октябрьского вооруженного восстания, говорил, повторял, предупреждал, что Россия не готова для "непосредственного введения социализма".

В чем состояла суть этой принципиальной ошибки?

В. И. Ленин прекрасно понимал, что Россия не может остановиться на буржуазно-демократической революции, поскольку страна уже втянута в систему империалистических связей, была участницей первой мировой войны, а вырваться из этой бойни можно было только с помощью не буржуазно-демократических, а уже антикапиталистических действий.

Так и произошло: "война и созданные ею неслыханные бедствия изнуренных народов создали почву для вспышки социальной революции". На гребне этой "вспышки социальной революции" и победило Октябрьское вооруженное восстание. Но принять "вспышку социальной революции", порожденную войной и достаточную для захвата власти, за саму социальную революцию, способную разрушить капитализм и утвердить социализм, — это труднопоправимый, грубейший просчет, ибо в самом российском капитализме того времени, в его противоречиях и конфликтах не было достаточной зрелости, нужных объективных и субъективных предпосылок для "введения социализма".

Но победа Октября, утверждение власти Советов могли бы стать переломной вехой российской истории, если бы эта власть не покушалась на "непосредственный переход к социализму", а вырвала страну из войны и занялась только решительным завершением задач буржуазно-демократической революции, подготовкой предпосылок цивилизованности для будущего перехода к будущему социализму. А ведь именно в этом и состоял ленинский, большевистский замысел: именно на его основе готовился и осуществлялся необходимый для спасения России Октябрь.

Однако после Октября, разрывая со своей собственной концепцией, В. И. Ленин и большевики пошли по ошибочному пути: опираясь на социалистический выбор, определенный Вторым съездом Советов, они начали "вводить социализм" в обстановке, совершенно не соответствующей этому. Естественным результатом этой принципиальной ошибки и связанных с ней действий, расходившихся с реальными условиями и интересами трудящихся, был постепенный отрыв большевистского руководства во главе с В. И. Лениным от партийных масс, всей большевистской партии от советского народа.

Вряд ли здесь необходимо описывать широко известный ход событий конца 1917 г., 1918, 1919, 1920 гг., неоправданной "кавалерийской атаки" на капитал, всей ошибочной политики "военного коммунизма", питавшей и поддерживавшей гражданскую войну в стране с ее кровавыми жертвами, нетерпимостью и вандализмом. Однако ошибка, даже самая принципиальная, отнюдь не преступление. Ни в коем случае не снимая с В. И. Ленина и большевиков ответственности за эту принципиальную ошибку и связанные с ней жестокости и попытки насильственно "осчастливить" свой народ, нельзя забывать о том, что именно В. И. Ленин сам признал совершенную ошибку и в условиях достигнутой победы в гражданской войне совершил поворот от политики "военного коммунизма" к новой экономической политике (нэпу), что означало вступление нашей страны на действительно найденный для нее путь к социализму, реализации ею социалистического выбора народа. Но последующие события не дали реализоваться этому выбору.

Конечно же история, тем более история собственной страны, даже если бы она была менее драматич-

ной, чем советская история, не может оставить спокойным народ, переживший все это. И это понятно: если происшедшее нельзя изменить, то из случившегося можно и следует делать выводы, ибо никакая цепь событий не была фатально предопределенной: все делали живые люди, реализуя свой выбор и препятствуя другому, а потому они были и остаются подсудными для своих потомков и для самой истории.

Но судить прошлых деятелей и собственный народ, шедший за этими деятелями, оценивать творимую ими историю — это вовсе не значит фальсифицировать ее. Если кому-то не нравится большевистский Октябрь, пусть доказывает, почему он так считает, но при этом никакие доказательства не опровергнут того факта, что Октябрьский переворот случился 25 октября (7 ноября) 1917 г. Можно принимать или не принимать политику Ленина по выходу России из войны, на "постепенность шагов к социализму", но нельзя отрицать ее или фальсифицировать. Можно спорить о том, правильным ли был социалистический выбор народа или неправильным, но смешно ломиться в дверь и утверждать, будто такого выбора просто не было. Короче: судить историю — это не значит пренебрегать фактами, подправлять — ухудшать или улучшать, а тем более отрицать уже случившееся. Что было, то было, его уже не изменишь и не вычеркнешь. Здесь, как говорил философ, "нужно не плакать и не смеяться, а понимать".

Беседа доктора исторических наук, заведующего сектором Идеологического отдела ЦК КПСС В. МЕЛЬНИЧЕНКО с академиком АН СССР П. ВОЛОБУЕВЫМ и членом-корреспондентом АН СССР Ю. ПОЛЯКОВЫМ

Октябрьская революция: главное событие XX века или трагическая ошибка?

В. Мельниченко. Еще несколько лет назад обсуждение вынесенной в заголовок темы было бы попросту немыслимо. А сегодня дискуссия о том, чем же была Октябрьская революция — главным событием нашего завершающегося столетия или трагической ошибкой, приобретает все более широкий характер. Как известно, в столкновении мнений рождается истина.

К сожалению, в разноголосице споров об Октябре нередко звучат весьма субъективные, непрофессиональные суждения, которые скорее уводят нас в сторону от правды, от истины, чем приближают к ней. Встречаются попытки представить Октябрьскую революцию да и всю последующую историю страны как ошибку, трагическую случайность. Ставится под сомнение историческая необходимость революции, ее закономерность.

В связи с этим просьба к участникам беседы прежде всего высказать свое отношение к утверждениям тех публицистов, которые считают, что в предреволюционные, особенно предвоенные, годы Россия находилась на подъеме. А отсюда их вывод: продвижение империи вперед эволюционным путем в рамках капитализма привело бы ее, дескать, в разряд процветающих буржуазных государств. Мысль, прямо скажем, не новая, но и хорошо забытое старое требует сегодня нового объяснения.

П. Волобуев. Вы правы, такое мнение высказывалось давно. Французский экономист Эдмон Тэри еще в 1914 г. заявлял, что если бы у России дела шли так же, как между 1900 и 1912 гг., то к середине XX в. она стала бы "доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях".

Конечно, было бы неверным отрицать, что всего за 50 лет своего развития капитализм существенно продвинул страну вперед в экономическом, главным образом промышленном, отношении. К началу мировой войны Россия занимала пятое место в мире (после Франции) по общему уровню производства промышленной продукции. При этом темпы роста ее промышленности в 90-х годах XIX в. и в предвоенные годы были довольно высокими, выше, чем, например, в США. И все же отставание России от передовых стран Запада в индустриальном отношении сохранялось и даже усилилось в первое десятилетие XX в. Д. И. Менделеев оценивал это отставание, например, от США как десятикратное (современная статистика называет цифру — в 8 раз). А по показателям выпуска основных видов промышленной продукции на душу населения Россия в 1913 г. была соседкой Испании, тогда самой отсталой страны в Европе.

Русский капитализм не смог решить задачу индустриализации страны, он лишь заложил ее основы. При этом индустриальный прогресс был куплен ценой разорения деревни, массового раскрестьянивания. Капиталистические методы хозяйствования (прибыль, себестоимость и т. п.) не коснулись крупнейшего в мире государственного сектора, представленного главным образом казенными заводами, работавшими на оборону. Великая держава не обладала развитым машиностроением. Даже товарами народного потребления промышленность России, вопреки общераспространенным представлениям, обеспечивала народ далеко не полностью. Скажем, одной из наиболее развитых отраслей была текстильная промышленность, однако деревенское население в громадной массе своей носило домотканую одежду. Капитализм не успел перестроить на буржуазный лад сельское хозяйство — главную отрасль народного хозяйства России, в нем преобладали формы примитивного капитализма, не говоря уже о засилье остатков крепостничества — худшей разновидности феодализма.

В нашей публицистике настойчиво подчеркивается, что в предвоенные годы (1909—1913 гг.) Россия ежегодно вывозила 9—14 млн тонн зерновых, то есть была в отличие от нынешнего времени крупным экспортером зерна. На основе сопоставления личного потребления городского населения в России (1913 г.) и США

доказывается, что мы по этим показателям не уступали или почти не уступали американцам.

В действительности громадная часть сельского, крестьянского населения империи систематически недоедала, жила в бедности, нищете, обреченная на безграмотность и темноту. А в 1911 г. разразился очередной неурожай, охвативший 20 губерний Европейской России. Голодало и нуждалось в продовольственной помощи, по официальным данным, 20 млн человек. Конечно, это не сталинские масштабы, но все же... Экспорт зерновых осуществлялся за счет недопотребления, недоедания широких народных масс, а не из-за переизбытка сельскохозяйственной продукции. "Сами недоедим, а вывезем" — такова была установка творцов экономической политики того времени. Как видим, нет оснований для идеализации дореволюционной России, для замены одной утопии другой, обращенной в "прекрасное прошлое". Его попросту не существовало.

В. Мельниченко. Меньшевики, как известно, надеялись, что русский капитализм, освободившись от груза тянувших его вниз докапиталистических остатков, и прежде всего от прогнившей политической надстройки — царского режима, выполнит свою миссию по модернизации страны...

П. Волобуев. Но история не предоставила ему такой отсрочки, а имевшиеся возможности русской буржуазией не были использованы. Нужен был перевод развития капитализма с "российско-прусского" пути на передовой "американский". Однако реформистские методы для этого были малопригодными. В то же время российская буржуазия боялась буржуазно-демократической революции. Правда, непомерно восхваляемый ныне П. А. Столыпин хотел реформами сверху расчистить почву для развития капитализма по старому, наиболее консервативному, "прусскому" пути. И тем ускорить это развитие. По незнанию наши публицисты, в том числе экономисты, изображают его сторонником фермерского варианта аграрно-капиталистической эволюции. А Столыпин стремился наделить землей одних крестьян за счет других и прежде всего сохранить помещичье землевладение, не открывавшее, а закрывавшее путь к свободному фермерскому хозяйствованию. Это же было лишь полурешение задачи. Да и сами меньшевики, оказавшись вместе

с эсерами после Февральской революции в составе Временного правительства, палец о палец не ударили, чтобы очистить русскую деревню от помещичьих латифундий.

Как и следовало ожидать, в годы первой мировой войны среднеразвитая система русского капитализма не выдержала военного напряжения и вступила в полосу затяжного и острого кризиса. В 1917 г. этот кризис принял не предвиденные никакой теорией формы распада — распада не только самих капиталистических отношений и производительных сил (промышленности, транспорта) и финансов, но и функционирования всего народнохозяйственного организма. Россия шла навстречу национальной катастрофе. А разница между кризисом и распадом, развалом та, что кризис можно пережить и даже выйти из него окрепшим, а распад — это тупиковый вариант. Распад хозяйственной системы в 1917 г. показал, что русский капитализм себя исторически исчерпал, он, как провидчески писал в 1884 г. Г. В. Плеханов, отцветет, не успевши окончательно расцвесть. Он тем самым как бы самодискредитировал себя в глазах широких народных масс.

В. Мельниченко. А как вы отнесетесь к следующему тезису: если таков был отечественный капитализм, значит, правы те, кто считает, что Россия не созрела для социализма и внутренних условий для его победы в стране не было?

П. Волобуев. С точки зрения "классического", то есть доктринерски понимаемого, марксизма действительно для совершения социалистической революции и перехода к социализму необходим высокий уровень производительных сил, которым стало тесно в рамках капиталистических производственных отношений. В этом смысле Октябрьская революция произошла не "по Марксу". Но она произошла "по Ленину", который, исходя из реалий новой исторической эпохи, существенно скорректировал по этому вопросу марксизм. Он, в частности, отбросил постулат о прямой, непосредственной зависимости между готовностью отдельно взятой капиталистической страны к социализму и высоким уровнем развития производительных сил. Не нужно забывать, что Ленин, как и Маркс, подходил к оценке готовности страны к социализму во всемирно-историческом контексте. Социалистическая революция в России рассматривалась им как начало

и составная часть мировой революции, поскольку вся капиталистическая система к началу XX в. в целом созрела для перехода к социализму. Социализм, победив в передовых странах Запада, окажет помощь — материальную, техническую, организационную — отсталой России в ее социалистическом преобразовании. Эти надежды, как известно, не сбылись, и мы вправе сегодня сказать о серьезном теоретическом просчете Ленина в ставке на мировую революцию.

Однако хорошо известно, что Ленин вовсе не строил свои планы только на этих надеждах. Проведенный им конкретно-исторический анализ показал, что Россия достигла "известной высоты" капитализма, причем в ее крупной промышленности, на транспорте и области кредита, то есть в ведущих отраслях экономики, как и на Западе, господствовали капиталистические монополии и крупные банки. В индустриальном секторе, следовательно, были определенные, назовем их минимальными, материальные предпосылки для перехода к социализму. Что касается деревни, то она еще находилась накануне буржуазно-демократической революции и ни о каких предпосылках социализма там не могло быть и речи. Поэтому социалистический проект Ленина не предусматривал немедленное "введение" социализма в России, поскольку страна для этого в целом не созрела экономически, а первоначально исходил из необходимости постепенно начать переходные шаги и мероприятия, ведущие к социализму (национализация банков, монополий и земли, рабочий контроль над производством и т. п.).

Центр тяжести в своем обосновании необходимости социалистической революции Ленин перенес на анализ конкретно-исторических факторов, поставивших в порядок дня переход России к социализму. Среди них назовем два главных: первая мировая война и отсталость страны. По мнению Ленина, высказанному им в сентябре 1917 г., война так ускорила развитие, что "за три года подтащила нас вперед лет на тридцать..." (*Полн. собр. соч. Т. 34. С. 113*). Хотя от порожденной войной разрухи страдали все воюющие страны (кроме США), но масштабы и глубина расстройства экономической жизни в России приобрели катастрофический характер, поставив ее в безвыходное положение. Отсталость, относительная слабость капитализма облегчили его революционный штурм. В част-

ности, тем, что пролетарская революция против буржуазии соединилась с крестьянской революцией против помещиков.

Итак, Россия первой совершила социалистическую революцию не благодаря высоте своего капиталистического развития, не из-за мнимой зрелости материальных предпосылок, как у нас десятилетиями утверждалось, а как раз наоборот — "наша отсталость, — подчеркивал Ленин, — двинула нас вперед" (*Полн. собр. соч. Т. 36. С. 235*).

В. Мельниченко. Здесь, очевидно, важно отметить, что ввиду крайней остроты внутренних противоречий, порожденных как капитализмом, так и остатками крепостничества, по силе революционных классов, то есть по зрелости политических предпосылок революции, Россия превзошла другие страны. Именно это давало возможность вывести ее революционным путем из тупика?

П. Волобуев. Да. Ход ленинской мысли был таков: раз страна отстала, а войной и разрухой поставлена на грань национальной катастрофы и в то же время обладает мощным революционным потенциалом, надо революционным путем видоизменить обычную историческую последовательность, порядок ее развития, то есть не ждать "полного" созревания материальных предпосылок социализма, а сначала свергнуть буржуазию, неспособную обеспечить прогресс страны, установить рабоче-крестьянскую власть, а затем на основе этой власти двинуть вперед производительные силы. Залог спасения от национальной катастрофы и социального возрождения родины Ленин видел в разрыве с капитализмом, революционном обновлении всех сторон общественной жизни. Революция для нашей страны не национальная катастрофа, а средство ее предупреждения или спасения, новая политическая основа для всестороннего развития цивилизации.

Пора, отказавшись от старых догм и новых мифов о преждевременности Октября, понять следующее. Первое. Социалистический проект Ленина представлял собой не план "осчастливливания" россиян, а программу практического выхода из кризиса буржуазно-помещичьего строя, из войны и разрухи, из того тупика, в котором оказалась наша страна в 1917 г., то есть он был конкретным ответом на конкретные проблемы и потребности общественного развития России. Вто-

рое. Октябрьская революция представляет собой наш, российский, отличный от западноевропейского, вариант пути к современной индустриальной цивилизации.

Октябрьская революция не только не преждевременна, но, как и все великие революции в мировой истории, она произошла тогда, когда в начале XX в. пришел ее черед. Не позже и не раньше. Смешно предполагать, что у истории есть расписание сроков или очередности революций. Наш народ выстрадал Октябрь, пройдя перед этим через тернии двух буржуазно-демократических революций и поняв, что иначе ему не удастся очистить страну от завалов средневековья. Характерно, что эту истину стали постигать и русские эмигранты. Так, один из них, правый эсер Ф. Степун, в 1929 г. писал: "Нет слов, путь, пройденный большевизмом, ужасен, но как знать, был ли историей дан иной путь революционной победы над старой Россией".

Ю. Поляков. Совершенно очевидно, что революция была не преждевременной, а закономерной. В старом облике Россия оставаться не могла. Действительно, в стране за 12 лет произошло три революции, вовлекшие в свою орбиту десятки миллионов людей. Разве это обстоятельство могло быть случайным? Разве можно его объяснить действиями отдельных партий, течений, групп? Разумеется, нет. Три массовые революции подряд объективно свидетельствуют о том, что перемены назрели, стали жизненной тенденцией, требованием большинства классов и групп страны.

Еще один аргумент, тоже представляющийся мне, как и предыдущий, неопровержимым. Многочисленные противники революции, борясь с ней, ненавидя ее, признавали вместе с тем, что устои старой России были подточены задолго до Февраля и Октября. Один из крупнейших лидеров контрреволюции, А. И. Деникин, в эмиграции написал огромный — шеститомный — труд "Очерки русской смуты". Он констатировал, что знаменитая формула, на которой испокон веков держалась идеология армии и всей страны — "За веру, царя и отечество", — оказалась накануне революции расшатанной, размытой. "Религиозность русского народа... к началу 20 столетия несколько пошатнулась... — писал он, — постепенно терялась связь между наро-

дом и его духовными руководителями". Ослабели и монархические чувства среди солдат и офицеров. По словам Деникина, у русского народа было налицо неверие в общегосударственную идею: "...его психология не подымалась до восприятия отвлеченных национальных догматов".

Подобных признаний можно привести множество. А ведь деятели контрреволюционного лагеря не вспоминают о других, еще более важных противоречиях, разъедавших общество, — о нараставшем недовольстве угнетенных национальностей, о борьбе крестьян против помещиков, о стремлении рабочих ликвидировать капиталистическую собственность и т. д. Революция не была выдумана большевиками, не была навязана народу "кучкой фанатиков-террористов". Она назрела, стала исторически неизбежной. Большевики оказались у руля не волей случая, а потому, что они предложили идеи, направленные не на подновление, а на обновление, переустройство общества.

В последнее время в спорах вокруг Октября 1917 г. все чаще звучит мысль о других вариантах исторического развития России. Одним словом, приобрел особую остроту вопрос о том, почему революция приняла социалистический характер.

П. Волобуев. После победы Февральской революции историческая альтернатива была такова: социализм или капитализм. Других путей развития не было и быть не могло. Речь могла идти лишь о различных формах, способах решения обеих альтернатив: мирном, революционно-демократическом или революционно-пролетарском пути к социализму, соответственно реформистском пути утверждения в России демократического строя на базе капитализма, очищенного от остатков крепостничества, или военно-террористической буржуазной диктатуре, неизбежно обрекавшей страну на социальный, политический, экономический регресс. Не исключался и возврат к монархии.

Как известно, Февральская революция, свергнув царизм, не решила основных общедемократических и общенациональных задач (о мире, о земле, о борьбе с хозяйственной разрухой и голодом, рабочий и национальные вопросы). Это и стало внутренней пружиной развития революционного процесса в социалистическом направлении.

После Февральской революции пришли в движение многомиллионные массы трудящихся — рабочих, крестьян, солдат, демократической интеллигенции, беднейших городских слоев. Массами двигало неодолимое стремление к переменам, к социальной справедливости, к улучшению и обновлению своей жизни, к закреплению и развитию демократических завоеваний. Поскольку буржуазная республика во главе с кадетами, эсерами и меньшевиками не смогла удовлетворить этих чаяний масс, не провела никаких социальных реформ в их интересах, они левели, радикализировались, проникались антибуржуазными настроениями и в конечном счете осенью 1917 г. стали на сторону большевиков. Собственный политический опыт — вот что привело народные массы под знамена большевиков. Большевистская же партия дала народу на поворотном рубеже его истории четкую социалистическую ориентировку, увязав их демократические требования с лозунгами социалистического переворота ("Вся власть Советам!").

Большинство народа, поставленное перед решающим выбором — власть Советов или диктатура контрреволюционной военщины, — вполне сознательно, по собственному выбору стало на сторону Советов. Правда, смысл социалистического выбора массы осознали много позже, в Октябре они боролись за укрепление демократии, за утверждение народовластия. Социалистический характер Октябрьской революции придала также руководящая роль рабочего класса, возглавляемого партией большевиков, выступавшей в блоке с левыми эсерами.

За большевиками стояли, подпирая их, многомиллионные массы трудящихся. В самый канун Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде левоменьшевистская газета "Новая жизнь" писала: "Большевики — это не шайка злоумышленников, которых можно легко расстрелять или посадить в Кресты (петроградская тюрьма. — *П. В.*); и их выступление не есть попытка дворцового переворота. Большевики опираются на подавляющую часть всего того населения, которое вообще способно за кем-либо идти, чтобы делать какую-либо политику".

И наконец, надо принять во внимание, что Февраль был бы обязательно сокрушен силами буржуазной и монархической контрреволюции. Это отчетливо

представляли себе не только лидеры большевиков, но и идеологи буржуазии — кадеты. Так, один из них, В. А. Маклаков, уже в эмиграции писал, что если бы революция остановилась на февральском этапе, то революционное волнение скоро бы улеглось. "В России остались бы прежние классы, остался прежний социальный строй, могла бы быть парламентарная монархия или республика", то есть коренного переворота в политических и социальных отношениях не произошло.

Ю. Поляков. Сейчас модно говорить об альтернативности, многовариантности развития. В самом деле, у каждого исторического явления, процесса всегда есть множество вариантов. Революция, к примеру, может победить или потерпеть поражение. Она может остановиться на полпути, на трети пути, на трех четвертях пути. Она может на каждом этапе уклониться влево или вправо, и все это зависит от множества объективных и субъективных факторов, множества причин, не поддающихся прогнозированию.

Мне кажется, правильнее говорить не об альтернативности вообще, а о реальных альтернативах. На мой взгляд, в нашей революции, наряду с социалистическим выбором, более или менее реальными были три пути. Это — установление военной диктатуры; парламентское (буржуазное) развитие; полная анархия, хаос, развал государства с непредсказуемыми последствиями.

Попытки — и достаточно серьезные — установления военной диктатуры и перехода на парламентский путь предпринимались, но жизнь показала, что они не решают назревших проблем и не поддерживаются большей частью населения. Народ сделал социалистический выбор.

П. Волобуев. Я бы к соображениям Юрия Александровича об альтернативах сделал одно дополнение. Дело не в моде на категорию "альтернатива", а в том, что еще два-три года назад такой подход — альтернативный анализ исторического процесса — не воспринимался большинством историков, да и сейчас не стал еще инструментом исторического познания.

В. Мельниченко. Юрий Александрович, вот вы сказали: народ сделал социалистический выбор. Но как убедить в этом нынешние поколения советских людей, которые явились свидетелями краха многих, казалось

бы, незыблемых постулатов? Ведь еще не завершился спор о том, какая часть населения поддержала социалистическую революцию: весь народ, его подавляющее большинство или просто большинство? Конечно, революцию совершил пролетариат в союзе с крестьянской беднотой, при поддержке всего крестьянства, заинтересованного в ликвидации помещичьего землевладения. Это обстоятельство, естественно, убеждает в массовом характере движущих сил революции, но, согласитесь, не дает исчерпывающего ответа на вопрос о социалистическом выборе.

Ю. Поляков. Сложность ответа на поставленные вами вопросы заключается в том, что отношение к революции, к ее целям и задачам было неоднозначным не только у различных слоев населения, но и в рамках одного класса, одного слоя или группы. Разброс политических взглядов определялся историческими, географическими, национальными и множеством других факторов. Поэтому так трудно сделать суммарный вывод применительно ко всей стране. Сама революция представляла собой сложнейшее переплетение различных течений и направлений, туго завязанный узел классовых, общедемократических, общенациональных тенденций, многослойное сочетание объективного и субъективного, позитивного и негативного.

Здесь и социалистические идеалы рабочего класса (весьма неоднородного по своему составу), и специфические требования российского крестьянства (еще более неоднородного прежде всего по социальной стратификации, а также по региональным условиям), и стремление народов к равноправию и самоопределению, и общее для большинства граждан, но по-разному понимаемое желание демократии. Очевидная и острая тяга к миру сочеталась с патриотическими настроениями, присущими всему народу, но особенно сильными у интеллигенции, офицерства, мелкой буржуазии.

Для победы революции важно не арифметическое большинство, а большинство активное, действенное, важно его сосредоточение в жизненных, решающих пунктах страны. Анализ расстановки политических сил осенью 1917 г., сделанный позднее Лениным, и поныне остается непревзойденным по глубине и точности (см.: *Полн. собр. соч. Т. 40. С. 5—10*). Ленин показал, что большинство, которое имели большевики в решающий

момент и решающих пунктах — в Петрограде, Москве, промышленных центрах, на Балтийском флоте, наиболее близких к столице фронтах, — определило победу.

Я глубоко убежден в том, что, так сказать, арифметический подсчет большинства, выступившего за Советскую власть, неправомерен. Здесь нужен алгебраический комплексный учет факторов, обстоятельств и количественных данных. Только он позволяет с достаточной очевидностью выявить определяющую тенденцию.

В. Мельниченко. Каковы же слагаемые этой тенденции?

Ю. Поляков. Первое. Состав Советов рабочих и солдатских депутатов был достаточно пестрым, но преобладание в них большевиков осенью 1917 г. значительно и несомненно. Это и показал Второй Всероссийский съезд Советов. При этом победа Советов на местах обеспечивалась не велением центра, а волеизъявлением трудящихся масс, преодолевавших серьезное сопротивление противников революции. Добавлю, что соперники большевиков в Советах — меньшевики, эсеры, анархисты, склоняясь к соглашению с буржуазией, все же выступали в своих программах за социалистические идеалы.

Следовательно, не подлежит сомнению, что действительно подавляющее большинство рабочих и солдат по всей стране поддержало большевистские призывы или, во всяком случае, так или иначе высказывалось за социалистическую ориентацию страны.

Второе. Крестьянство в конечном счете поддержало в своей массе лозунг "Вся власть Советам!", то есть лозунг победы революции. Большевики Декретом о земле, отразив настроения крестьянства, законодательно оформили их чаяния. Воля крестьянства совпала с действиями большевиков. Конечно, деревенская буржуазия не исповедовала социалистических идеалов. Однако она не выступала против Октября, имея в виду прежде всего получение помещичьей земли.

Наконец, немалая часть интеллигенции встала на сторону Октября благодаря демократическому наполнению лозунга "Вся власть Советам!", а многие группы национальных движений увидели в революции залог осуществления своих чаяний.

Сопоставляя состав Советов и Учредительного со-

брания, можно сделать совершенно определенный вывод: при всех существенных различиях (в Советах преобладали большевики, а в Учредительном собрании — эсеры и меньшевики) подавляющее большинство делегатов как Советов, так и Учредительного собрания стояло за социалистическую ориентацию страны. Следовательно, подавляющее большинство народа действительно сделало социалистический выбор. Лидер правых эсеров В. Чернов сказал в Учредительном собрании, что "страна показала небывалое в истории желание социализма".

Кто же выступил против социалистического выбора? Это крупная и средняя буржуазия, помещики и связанные с ними "генетически", экономически, идеологически, политически круги высшего чиновничества, интеллигенции, генералитета и офицерства. В октябре 1917 г. они потерпели политическое поражение и в дальнейшем были лишены привилегий и экономических рычагов, многие подверглись суровым репрессиям. Такова трагедия свергнутого меньшинства, охватившая в России сотни тысяч людей. С точки зрения общечеловеческих ценностей и гуманизма об этом не следует забывать. Но исторический опыт показывает, что на протяжении тысячелетий развитие общества не шло мирным, гладким путем и разрешение назревших противоречий происходило преимущественно при помощи революционных взрывов. А революция потому и революция, что она опрокидывает старое, уничтожает власть и привилегии меньшинства в интересах большинства. Быть может, лишь в конце XX в. начинают создаваться возможности для эволюционного или реформистского решения назревших в обществе противоречий.

В. Мельниченко. Итак, социалистический выбор был сделан. Но социалистический путь представляли не только большевики. На политической арене действовали меньшевики, левые и правые эсеры, другие социалистические группы...

П. Волобуев. Да, социалистические настроения масс, хотя и не пролетарско-социалистические, питались тем, что все основные политические партии, кроме кадетов, были социалистическими. Однако не следует забывать, что меньшевики и эсеры были в 1917 г. против самой постановки вопроса о переходе России

к социализму.

Меньшевики, ссылаясь на незрелость страны, дальше буржуазно-демократического устройства общества идти не хотели, откладывая переход к социализму на отдаленное будущее. Более того, они запугивали массы опасностью "прыжка" к социализму. Эсеры, как известно, развивали идею "особого пути" России к социализму через крестьянскую общину и кооперацию на основе социализации земли и уравнительного землепользования. Но после Февраля они положили свою программу "крестьянского социализма" под сукно и уверились в теоретической мудрости меньшевизма о преждевременности социализма в России.

В. Мельниченко. И все же эсеро-меньшевистские лидеры говорили о "третьем пути" — между буржуазной и большевистской диктатурой. Почему же не был избран "третий путь"?

Ю. Поляков. Действительно, после Октябрьской революции они заявили, что выступают и против открытой контрреволюции, и против большевистской диктатуры. В дальнейшем, в ходе гражданской войны, это нашло свое отражение в формуле "Ни Ленин, ни Колчак". Идея "третьей силы", "третьего пути" представляется сегодня некоторым весьма заманчивой. Но дело не в привлекательности той или иной альтернативы, а в ее реальности.

В. Мельниченко. Очевидно, нельзя не учитывать того, что в условиях небывалой классовой ожесточенности, поляризации революционных и контрреволюционных сил сама возможность лавирования между этими силами оказывалась ничтожной. Когда баррикады классовых боев разделили страну, нельзя было находиться посредине, между баррикадами.

Ю. Поляков. Вот именно, "третьего пути" не получилось. Попытки его осуществить, и в 1917 г., и позднее, неизбежно заканчивались неудачей. Практически "третья сила" работала против Советской власти, на пользу контрреволюции, хотя многие лидеры эсеров и меньшевиков были искренни в своем стремлении не допустить торжества белогвардейщины. Но объективно правые эсеро-меньшевистские вожди все больше и больше отражали позиции контрреволюционной буржуазии. Многие из них проявляли испуг, растерянность перед размахом

революции.

В этой связи особую важность приобрел вопрос о возможности коалиции между большевиками и другими социалистическими партиями. Думаю, что в принципе коалиция была желательна и возможна. Но коалиция коалиции рознь. Ее содержание зависит от обстановки, от соотношения сил. Вопрос о коалиции возникал и до Октября, а в конце 1917 г. он практически не сходил с повестки дня, чуть ли не каждую неделю приобретая новые формы и наполняясь новым содержанием. На Втором съезде Советов правые меньшевики и правые эсеры предложили начать переговоры с Временным правительством об образовании кабинета, который опирался бы на все слои общества. Но ведь Временное правительство было уже свергнуто, и попытки его реанимации вели к полному отрицанию победы революции. Такая коалиция была бы попросту нелепой. Поэтому съезд встретил предложения правых лидеров с возмущением, а они покинули Смольный.

Сразу после образования первого Советского однопартийного правительства вопрос о социалистической коалиции встал с новой силой, приобрел новые формы. Как известно, в ноябре 1917 г. в связи с требованиями Всероссийского исполнительного комитета железнодорожного профсоюза (Викжеля) создать "однородное социалистическое правительство" большинство членов ЦК высказались за такую коалицию, но при сохранении в ней большинства за большевиками. Меньшинство (Зиновьев, Каменев, Милютин, Ногин, Рыков) стояли за коалицию с меньшевиками и эсерами любой ценой. Уже тот факт, что обсуждение вопроса о коалиции привело к серьезному — первому после взятия власти — кризису в руководстве партии, говорит о чрезвычайной важности вопроса. Думаю, что на этот раз не все возможности для компромисса были использованы. Пожалуй, большевики могли бы быть и поуступчивей.

Но нельзя забывать и о позиции правых эсеров и меньшевиков. А они, от Февраля к Октябрю провозглашая социалистические лозунги, фактически препятствовали развитию революции, вели курс на соглашение с буржуазией. Оппортунистические лидеры открыто, явно, грубо отмежевались от большевиков,

с невиданной злобой обрушились на них за взятие власти, сомкнувшись, по существу, с корниловско-калединской белогвардейщиной.

В. Мельниченко. Юрий Александрович, мне представляется интересным ваш анализ этой, так сказать, коалиционной ситуации. Тем более что советскими историками вопрос этот пока не прояснен. К каким же выводам приходите вы?

Ю. Поляков. Прежде всего я считаю, что никакой компромисс, никакая коалиция в условиях конца 1917 — начала 1918 г. не должны были означать сдачу позиций силам, запутавшимся в соглашательстве с буржуазией и потому не способным отстаивать социалистический выбор. Эти силы, как показал последующий опыт, не смогли осуществить на практике "третий путь", а легко капитулировали перед открытой контрреволюцией.

Тем не менее коалиция со всеми действительно революционными силами была, несмотря на все трудности, все же возможна. Хотя блок с левыми эсерами в конце концов закончился неудачей, он на определенном этапе сыграл серьезную положительную роль и, главное, показал возможность объединения левых сил. Стоит вспомнить, что во многих районах страны существовали объединенные большевистско-меньшевистские партийные организации. В отдельных районах (например, на Тереке) успешно осуществлялся союз демократических сил в момент усиления контрреволюционной опасности.

В. Мельниченко. А широкая коалиция социалистических сил в конце 1917 — начале 1918 г. была возможной?

Ю. Поляков. Слишком разнородны были социалистические силы. Поэтому, повторяю, с действительно революционными элементами типа левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов — да. С Керенским, Даном, Гоцем, Авксентьевым — нет. Нужно иметь в виду исключительную обостренность классового сознания и нараставшую радикализацию масс, которая отталкивала правых лидеров. Нужно иметь в виду и сложность, запутанность, противоречивость внешних и внутренних обстоятельств, придававших особую окраску политическим решениям. Сказались также давние разногласия, тяжесть новых наслоений, озло-

бление эсеров-меньшевиков и максимализм большевиков. В результате взаимное неприятие нарастало. Приоритет принципа "кто не с нами, тот против нас" усиливался с обеих сторон. Доходившая до зоологической ненависть соглашателей к большевикам усугублялась твердостью и решительностью, с которой последние осуществляли диктатуру. Непримиримость большевиков к оппортунистическим лидерам, резкость предъявляемых им обвинений, в свою очередь, отталкивали тех от идеи сплочения революционных сил. Меньшевики и эсеры мечтали стать "третьей силой". Большевики хотели остаться единственной силой, способной разгромить буржуазно-помещичью контрреволюцию без помощи эсеро-меньшевиков, а если требовалось — против них. Большевики отвергали соглашательство эсеров и меньшевиков, а последние отвергали большевистскую непримиримость. Трагическая логика политической борьбы, перераставшей в гражданскую войну!

Не противопоставленный оплоту революции — большевикам — "третий путь", а единство социалистических партий и групп на действительно революционной платформе при помощи компромиссов, взаимных уступок, расширения демократии — вот задача, оставшаяся тогда не только нерешенной, но даже непоставленной. Между прочим, судьбе эсеров и меньшевиков в дальнейшем не позавидуешь. Большевики видели в них пособников контрреволюции, Колчак и Деникин — своих противников. История подтверждает, что центристское лавирование может приносить определенные дивиденды, но потом оборачивается серьезными потерями.

В. Мельниченко. Ваше мнение, Павел Васильевич?

П. Волобуев. При всей верности наблюдений у Юрия Александровича все же налицо известное противоречие: то он считает коалицию социалистических партий возможной, то невозможной. Я же полагаю, что ни в конце 1917 — начале 1918 г., ни тем более позже она практически была невозможна. И дело не только в бескомпромиссности позиций потенциальных участников однородно социалистического правительства — большевиков, меньшевиков и эсеров, а в радикализме настроений масс, во всяком случае в Петрограде. Массы, для которых осенью 1917 г. слова "со-

глашатель", "эсер", "меньшевик" стали почти ругательными, не позволили бы большевикам, при всем их влиянии, иную правительственную комбинацию, кроме блока с левыми эсерами. А осуществись такая коалиция социалистических сил, мы, может быть, тогда, 74 года назад, положили бы первые кирпичи в здание демократического социализма.

В. Мельниченко. Участники беседы привели весьма убедительные аргументы в пользу того, что Октябрьская революция была исторической необходимостью, а не трагической случайностью, что выбор в пользу социализма был единственно возможным, верным для нашей страны. Однако достаточны ли они, чтобы объявить Великий Октябрь главным событием XX в.?

П. Волобуев. Сейчас нужны новые подходы к оценке значимости Октябрьской революции. Для начала необходимо отказаться от рецидивов мессианства и эйфории в трактовке этой проблемы. Что конкретно имеется в виду? Во-первых, надо перестать твердить, что мы проложили магистральный путь к социализму. Мы на самом деле пробили первую брешь в капиталистической системе и проложили один, к тому же, как оказалось, далеко не лучший путь к социализму. Но и это по всем историческим меркам уже немало. Капитализм вовсе не конечная "станция" в историческом развитии человечества, как в том нас убеждают и зарубежные буржуазные, и иные наши публицисты. Было положено начало становлению новой, социалистической общественно-экономической формации, преимущества которой предстоит еще раскрыть. Следовательно, человечество, как и после Великой французской революции, сделало громадный исторический шаг вперед, хотя при сталинизме были попятные и боковые движения.

Во-вторых, надо перестать заниматься самообманом о возрастающем влиянии Великого Октября на мировое развитие. В действительности мы имеем дело с волнообразными импульсами. Например, мировое воздействие идей и дела Октября во времена застоя снизилось до нулевой отметки. Пора признать, что нам не принадлежит особая историческая роль, а тем более монополия в освобождении человечества от терзающих его социальных, политических и националь-

ных бед и конфликтов.

Тем не менее для меня Октябрьская революция представляется главным событием XX в. потому, что именно она в решающей мере определила тот многомерный облик мира, который мы знаем и видим. Без этой революции, без ее идеалов, без ее сражений, щедро оплаченных кровью защитников и врагов, мир был бы другим, полагаю, менее человечным и социально перспективным. Главный итог революции — народные массы пришли в движение во всем мире.

Ю. Поляков. Быть может, это покажется спорным, но я хочу предложить такую формулу: российский Октябрь не положил, как мы тогда надеялись, начало мировой революции, но он, как и французский 1789 год, в значительной степени способствовал мировой эволюции.

В. Мельниченко. В заключение хотел бы сделать, может, несколько неожиданный поворот в нашей беседе. В одном из стихотворений Владимира Маяковского есть такие слова:

> Мы живем приказом октябрьской воли.
> Огонь "Авроры" у нас во взоре.
> И мы обывателям не позволим
> баррикадные дни чернить и позорить.

Как вы сегодня относитесь к такой позиции поэта?

Ю. Поляков. Я ее приемлю, хотя время (стихотворение написано 63 года назад) смягчило остроту и категоричность постановки вопроса. Убежден, что развенчивание и дискредитация нашего прошлого, его дегероизация вредны и ненаучны. Они не имеют ничего общего с обоснованной, документированной, научной критикой многих негативных явлений, трагедий, преступлений. За последние два-три года, к сожалению, возникли новые, далекие от правды стереотипы, новые перекосы. В какой-то мере это реакция на допускавшиеся ранее фальсификации, умолчания, единственность мышления. Есть люди, разочаровавшиеся в социализме, его идеалах. Эти люди отвергают соответственно и Октябрь, и все с ним связанное. А у немалой части населения стал модным нигилизм в отношении ко всей нашей истории. Критическое поветрие — штука опасная. Когда очерняют историю лишь потому, что "так модно", "так принято", тогда науке делать нечего. Впрочем, это относится и к некритическому восхвале-

нию наших побед, которое так долго было у нас в ходу. Я — за объективное, подлинно научное освещение нашего прошлого с его успехами и неудачами, подвигами и трагедиями.

П. Волобуев. В свете исторической ретроспективы приведенные поэтические строки представляются мне в целом верными. Мне не нравится жупел очернительства и то, как им оперировали в прошлом и оперируют сейчас определенные группки людей. С заключительными строками поэта я согласен и сегодня. Подвиг, равно как революционный романтизм и страсть, фантазию и иллюзии, присущие поколению творцов революции, недопустимо предать забвению. Тем более недопустимо пытаться умалить судьбоносное значение Великого Октября.

Беседа корреспондента журнала "Диалог" В. ПАВЛЕНКО с историками А. РАБИНОВИЧЕМ (США) и Ф. МУЧИ (Венгрия)

Это событие определило судьбу России и Европы

В. Павленко. Прежде всего разрешите представить участников нашей беседы.

Александр Евгеньевич Рабинович — профессор Индианского университета, историк и политолог, автор переведенной на русский язык и выпущенной в 1989 г. издательством "Прогресс" книги "Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде" (за рубежом она вышла в 1976 г.). Его родители эмигрировали из Советской России во время гражданской войны. А. Е. Рабинович уже выступал в советской печати со статьями, посвященными революции, был участником научных симпозиумов в нашей стране. Он — один из вице-президентов Международной комиссии по истории Октябрьской революции.

Ференц Мучи — доктор исторических наук, более 20 лет он был заместителем директора Института истории Академии наук Венгрии, ныне руководит отделом общественных наук Венгерской АН, специализируется по истории России начала XX в., истории венгерского и международного рабочего движения, автор статей по истории Февральской и Октябрьской революций. Ф. Мучи тоже вице-президент Международной комиссии по истории Октябрьской революции.

А теперь вопрос к зарубежным гостям:

Вы оба знакомы с точкой зрения участников триалога — П. В. Волобуева, Ю. А. Полякова и В. Е. Мельниченко — о характере и значении Октябрьской революции. А какова ваша позиция по этому вопросу? Октябрь 1917 г. — это главное событие XX в. или трагическая ошибка?

Ф. Мучи. Я считаю, что Октябрьская революция в России была и остается главным событием нашего века, выдающимся событием мировой истории.

Правительство Советской России предложило мир воюющим державам без аннексий и контрибуций. Это дало надежду народам стран, прежде всего Европы, на прекращение длившейся уже несколько лет бессмысленной кровавой бойни.

Международное социалистическое движение видело в Октябрьской революции не только свержение капитализма в России, но и начало мировой социалистической революции, залог победы рабочего класса. События в России оказали огромное революционизирующее влияние на другие страны.

Для мира в целом трагедией XX в. был не Октябрь, а приход к власти в Германии фашистов, развязанная ими вторая мировая война. Для вашей страны трагедия — в сталинщине, в ее последствиях для народа. Хотя, конечно, и гражданская война принесла немало горя народам Советской России. Но ее развязала российская буржуазия при поддержке мирового империализма. А Сталин вел войну против своего народа.

А. Рабинович. Я тоже считаю Октябрьскую революцию одним из главных событий XX в. Она стала не только поворотным пунктом в истории самой России, но оказала в нашем столетии огромное влияние, как позитивное, так и негативное, на судьбы Европы. В частности, страх перед коммунизмом, на мой взгляд, и дал возможность определенным кругам в Германии привести к власти Гитлера. Что же касается второй части вопроса — был ли Октябрь трагедией, — то с определенностью могу сказать — нет. Трагедия не в самой революции, а в том, что за ней последовало, — гражданская война, сталинские преступления. Трагедия в том, что программа большевиков, их идеалы были позднее деформированы. Революционную волну в России в 1917 г. остановить уже было невозможно, но социалистическая революция и приход к власти большевиков не были неизбежными.

В. Павленко. Вы считаете, что трагические события начались сразу же после свершения революции, с началом гражданской войны?

А. Рабинович. Трагедию я вижу не только в самой гражданской войне, но и в ее влиянии на партию, на эволюцию всей советской системы в целом. Мне кажется, что основы административно-командной системы были заложены во время гражданской войны, в процессе борьбы за выживание Советской России.

Административно-командная система не имела идеологической основы, она не задумывалась В. И. Лениным специально, а родилась в огне гражданской войны как средство спасти власть большевиков. После окончания войны Лениным были намечены большие экономические реформы, они начали осуществляться, но в политической сфере изменений не произошло. Идеалы и структура большевистской партии 1917 г. были утрачены, господствовала ультраавторитарная власть. Хочу напомнить, что на X съезде партии, который принял решение о введении нэпа, была принята резолюция "О единстве партии", запрещающая фракции.

Ф. Мучи. Первая мировая война, последовавшая за ней империалистическая интервенция и гражданская война оказали огромное негативное влияние на широкие народные массы. С одной стороны, гибель людей, их одичание от бедствий, разрухи, голода, с другой — все более утверждающееся в руководстве партии мнение, что все вопросы можно решить силой, приказом, принуждением. Государство стало тоталитарным, и в новых условиях все еще продолжали действовать старые административно-командные методы.

В. Павленко. Но в своих последних работах В. И. Ленин уже ставил вопрос о необходимости политических изменений, предлагал осуществить перемены в нашем политическом строе. К сожалению, руководители партии и государства тех лет не осмыслили и не восприняли ленинские советы.

Ф. Мучи. Да, ставил. Видимо, он пришел к выводу, что экономические реформы, введение нэпа нельзя проводить без соответствующих реформ в области политики. Но Ленин уже был смертельно болен, а его преемники таких реформ не провели. Более того, Сталин посчитал, что проще идти привычным путем администрирования и командования.

А. Рабинович. Конечно, Ленин хотел провести серьезные демократические реформы в стране и в партии. Он понимал ущербность, антидемократичность сложившейся за пять лет Советской власти системы.

В. Павленко. Считаете ли вы, что гражданская война в России была неизбежна?

Ф. Мучи. Теоретически войны можно было бы избежать. При условии создания коалиции из социалистических партий.

А. Рабинович. Я вспоминаю слова Ленина, высказанные им в начале сентября 1917 г., о том, что союз большевиков, меньшевиков и эсеров сделал бы гражданскую войну невозможной. Думаю, что Ленин преувеличил возможности такой коалиции. Но сотрудничество представителей всех партий социалистической ориентации могло изменить характер гражданской войны, сократить ее продолжительность. Было бы меньше крови. Против буржуазии и ее союзников выступили бы единым фронтом все социалистические силы. Но этого не произошло.

В. Павленко. Хотелось бы узнать ваше мнение по поводу развития политических процессов в России от Февраля к Октябрю. Что все же позволило большевикам свергнуть Временное правительство?

А. Рабинович. К февралю 1917 г. в России сложилась революционная ситуация, и это хорошо показано в работах советских историков. Три года мировой войны до крайности обострили положение в стране. Нужда, потери на фронте, углубляющийся общенациональный кризис, желание масс покончить с войной усилили выступления народа против царского правительства. Революционную волну уже невозможно было остановить в рамках прежней системы. Отречение Николая II было неизбежным. Однако и буржуазно-демократическая революция не могла остановить революционный процесс. Был ли неизбежным Октябрь в тех формах, которые он приобрел? Здесь стоит подумать о возможных альтернативах. Их, на мой взгляд, было несколько: сохранение власти Временного правительства, буржуазии, что являлось маловероятным; установление военной диктатуры (такая попытка была предпринята в августе 1917 г.) с восстановлением монархии. Можно предположить еще варианты развития событий. Это полная анархия, хаос, что вполне могло произойти, установление однопартийной власти, что и случилось, или же многопартийная социалистическая Советская власть. Думаю, что самыми возможными являлись последние два варианта.

Ф. Мучи. Безусловно, Февральская революция была закономерной, крах самодержавия неизбежен. Что же касается альтернатив развития политической ситуации осенью 1917 г., то я присоединяюсь к мнению А. Рабиновича: возможен был или широкий блок социалистов, или однопартийная система. Некоторые ис-

торики считают большевиков виновниками несостоявшейся коалиции. Я не стал бы всю вину возлагать на них. Позиция эсеров, меньшевиков, меньшевиков-интернационалистов была жесткой, бескомпромиссной. Лишь левые эсеры временно пошли на сотрудничество с большевиками.

В. Павленко. Мог ли соперничающие партии и группировки объединить общий лозунг "Вся власть — Советам!"?

А. Рабинович. На VII (Апрельской) конференции РСДРП(б) Лениным была выдвинута идея мирного перехода власти к Советам. В то время в Советах первенствовали меньшевики и эсеры, но в состав Советов входили и большевики, что способствовало их популярности в массах. Но я не совсем согласен с тем, что позиции эсеров и меньшевиков были бескомпромиссными, не изменялись. Эти партии под давлением революционной волны в стране левели, эволюционировали. Часть меньшевиков-интернационалистов вошла летом 1917 г. в РСДРП(б), от эсеров осенью откололась левая фракция. Левые фракции внутри партий умеренных социалистов приобретали все бо́льшую силу. Они стали высказываться против коалиции своих партий с буржуазными либералами и за создание коалиционного социалистического правительства. За социалистическую власть высказывались и большинство делегатов в Советах. В конце сентября — начале октября внимание левого блока партий и большевиков было сосредоточено на формировании однородной социалистической власти на II съезде Советов. В том, что этого не произошло, виноваты не только меньшевики и эсеры, которые проявляли колебания, а в конце концов испугались и отказались от этой идеи. Свою роль сыграли и действия большевиков накануне II съезда. Ленин все время настаивал на захвате власти большевиками до съезда Советов. Его тревожила политическая обстановка, намерение Временного правительства сорвать работу съезда. Я понимаю беспокойство Ленина в 20-х числах октября, но когда Петроградский гарнизон уже перешел на сторону большевиков и правительство оказалось изолированным, угрозы подавления съезда отпали. Тем более что к 24 октября стало ясно, что бо́льшая часть делегатов, прибывших на II съезд (505 из 670), была за передачу власти Советам. Но Ленин продолжал настаивать на

захвате власти до съезда. Вечером 24 октября и произошло под его нажимом вооруженное восстание. Я считаю, что этот факт и возбудил у представителей социалистических партий страхи и опасения по поводу сотрудничества с большевиками. Во время заседания съезда все еще продолжался штурм Зимнего дворца.

В. Павленко. И это оказало психологическое влияние на позицию партий социалистической ориентации?

А. Рабинович. Видимо, так. Известно, что бóльшая часть меньшевистской фракции была за передачу власти Советам, близки к ним были эсеры. Хочу еще напомнить, что в Предпарламенте по инициативе левых эсеров была принята резолюция о недоверии Временному правительству, выдвигались требования проведения коренных реформ. Керенский отказался проводить какие-либо реформы. Условия для создания коалиционного правительства созрели. Но в это время произошло восстание, большевики создали правительство в союзе только с левыми эсерами. Возможность образования коалиции была упущена.

Ф. Мучи. Мне кажется, что вопрос достаточно сложен и требует тщательного изучения. Нужно изучить глубинные причины, воспрепятствовавшие коалиции. Да, большевики спешили. Но нельзя забывать о тех глубоких идейных противоречиях, которые разделяли большевиков и другие партии. Они были настолько велики, что исключали переговоры между ними, так же как и с Временным правительством. Разве можно было включать премьера Керенского в круг социалистов, с которыми можно вести переговоры? А он был эсером. Идею социалистической революции в России отвергали в то время именно партии социалистической ориентации.

В. Павленко. Значит, эти партии, провозглашая социалистический идеал, на деле отвергали его?

А. Рабинович. Левые эсеры и меньшевики-интернационалисты, например, поддержали декреты, принятые Вторым съездом Советов о земле, мире. Необходимо подчеркнуть, что массы не всегда в полной мере видели различия в позициях большевиков, эсеров, меньшевиков. Они считали, что все эти партии за власть Советов. Но один из лидеров меньшевиков, Мартов, например, выдвигал идею образования чисто социалистического правительства, без передачи власти Советам. В конце августа, после разгрома корниловс-

кого мятежа, подобные взгляды высказывал и Л. Каменев. Он выступал за создание демократического коалиционного правительства. Правда, тогда большевики еще не имели перевеса в Советах. Когда же они его получили, а это случилось в сентябре, Ленин вновь стал настаивать на вооруженном восстании. Вождь большевиков, по-моему, переоценил революционную ситуацию в Западной Европе. Он полагал, что революция в России подтолкнет революционные процессы в Европе. Каменев и Зиновьев восстание считали преждевременным. "Мы глубоко убеждены, — писали они, — что объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции". Ленин на заседании ЦК 16 октября отстоял свое предложение о восстании: "Выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу" (*Полн. собр. соч. Т. 34. С. 395*). Этот прогноз не подтвердился.

Ф. Мучи. Надежда на мировую революцию не главная причина, по которой Ленин настаивал на восстании. Гораздо серьезнее были внутренние факторы, а именно угроза новой корниловщины. Ленин неоднократно подчеркивал в октябре 1917 г., что военщина готовит новое выступление против масс, против Советов.

В. Павленко. Считаете ли вы, что установление в России военной диктатуры привело бы к ликвидации тех демократических свобод, которые Россия получила после Февральской революции?

Ф. Мучи. Разумеется. Диктатура означала бы начало гражданской войны. Массы, как известно, стояли за Советы. В этой связи можно говорить, что большевики захватили власть с помощью масс, при их поддержке, опираясь на большинство Второго съезда Советов. Октябрьская революция не верхушечный переворот, как утверждают некоторые историки. В той кризисной ситуации, которая сложилась в Петрограде к концу октября, большевики действовали быстро, смело, решительно, опираясь на поддержку широких слоев народа.

А. Рабинович. И все же многие аспекты обстановки накануне вооруженного восстания в Петрограде требуют переосмысления, более глубокого изучения. Историкам необходимо более продуманно, тщательно ана-

лизировать обстановку в большевистской партии, борьбу мнений среди ее руководителей. Письма, воспоминания большевиков, протоколы заседаний ЦК, Военно-революционного комитета, не введенные еще в научный оборот документы могут помочь более четко представить себе и позицию Ленина накануне восстания, выяснить, что руководило его действиями, как он оценивал обстановку. Для меня ясно, что свержение Временного правительства было неизбежно, оно не имело сил, чтобы удержать власть.

В. Павленко. Вы, Александр Евгеньевич, этим еще раз подтверждаете свою мысль о том, что Октябрьская революция была неизбежной?

А. Рабинович. Фундаментальные изменения в политической ситуации, сложившейся в России осенью 1917 г., назрели, и падение Временного правительства — закономерный итог развития этой ситуации.

В. Павленко. Значит, неизбежна была и победа именно большевистской партии, которая руководила массами?

Ф. Мучи. Подавляющее большинство рабочих, крестьян, солдат в России было за власть Советов, за власть народа. Это и объясняет, почему победили большевики, почему после свержения Временного правительства в течение полугода было "триумфальное шествие Советской власти", почему, наконец, революция развивалась вширь мирным путем.

А. Рабинович. Я вижу две основные причины победы большевиков. Первая заключается в том, что большевистская партия в 1917 г. представляла собой демократичную и децентрализованную организацию, имеющую широкие связи с массами. Большевики лучше, чем другие партии, знали настроение масс, их чаяния. Вторая причина, прямо вытекающая из первой, в том, что программа действий большевиков исходила из знания масс. Лозунги, выдвигаемые большевистской партией, более всего отражали желание народа: мир, земля крестьянам, власть Советам!

В. Павленко. В своих ответах вы несколько раз подчеркивали необходимость углубленного изучения событий 1917 г., от Февраля к Октябрю. Какие проблемы, на ваш взгляд, в этой связи являются первоочередными?

А. Рабинович. Почти все вопросы политической истории того периода нужно изучать по-новому. До

последнего времени советские историки не имели возможности трудиться в полную силу. В СССР нет даже по-настоящему научной биографии Ленина — выдающейся личности в мировой истории XX в. Мы многого еще о нем не знаем. Нужна книга о Ленине-политике, государственном, военном деятеле, руководителе большевистской партии, книга о Ленине-человеке, его успехах, ошибках, сильных и слабых сторонах. На Западе имеются объективные биографические работы о Ленине, но и они основаны на узком документальном материале. То, что издано в вашей стране, носит откровенно апологетический характер и не показывает истинного Ленина. По-моему, ленинская биография стала одной из первых жертв культа личности Сталина.

Еще одна тема — деятельность большевистской партии в 1917 г. Сталин хотел скрыть от народа правду о большевиках 1917 г., о демократической сути партии, он хотел показать, что большевики были всегда такими, какими они стали под его руководством, тем самым продемонстрировать преемственность своей диктатуры в партии от Ленина. Но это совсем не так. Историю 1917 г. почти полностью придется переписывать.

Ф. Мучи. Да, начинать нужно сызнова. В советской исторической науке уже начался пересмотр того, что сделано и что нужно сделать, происходит переосмысление многих проблем, в том числе и относящихся к 1917 г. Для успешной работы специалистов нужен свободный доступ в архивы, к новым документам. Нельзя требовать от историков и немедленных результатов своих разысканий. Знакомство с документами, их изучение, подготовка статьи, а тем более монографии, публикация рукописи — все это требует времени. А пока вышло большое количество публицистических статей по исторической тематике. Часть из них основывается на документах, но немало поверхностных, рассчитанных лишь на сенсационность. Отсюда, например, тезис об Октябрьской революции как трагической ошибке. У вас в стране много серьезных, хорошо подготовленных историков, но почему-то они редко выступают в газетах, журналах, основывая свои позиции на документах, фактах. Волне антиисторизма нужно противостоять. В стране идет политическая борьба, и история стала оружием в этой борьбе. Зачем же

из конъюнктурных соображений идти по пути смены знаков в оценках прошлого? История — наука, и если ее извращали долгие годы в прошлом, то зачем же вновь прибегать к передержкам?

А. Рабинович. Бо́льшая часть перестроечных процессов в советской исторической науке еще впереди. Нужно время, чтобы произошло накопление новых фактов, произошел пересмотр уже сделанного. Здесь важна проблема кадров. Часть историков все еще продолжает мыслить по старым схемам. Вся надежда на новое поколение специалистов.

Ф. Мучи. Историческая наука формирует историческое сознание народа. Без исторического сознания не может существовать ни одно общество. И если научные учреждения, отдельные ученые будут издавать книги по истории со своими концепциями, трактовками исторического процесса, то историческое сознание будет формироваться правильно. Не должно быть монополии на истину какой-то группы историков или целых учреждений. В соперничестве концепций, в профессионализме авторов, в аргументированности их позиций вижу основу для формирования исторического сознания.

А. Рабинович. Молодежь должна иметь доступ к разным интерпретациям истории. Недавно я видел новый учебник по истории для 10-го класса. Там многое изложено не так, как в прежних изданиях, рассказывается о событиях, о которых раньше вообще не упоминалось. Но почему учебник лишь один? Можно издать несколько учебников разных авторов. Их взгляды, оценки могут не совпадать. Но они могут хорошо помочь школьникам и студентам в изучении истории, дадут возможность глубже знать прошлое своей страны.

Г. ИОФФЕ,
доктор исторических наук

Почему Февраль? Почему Октябрь?

Прежде чем попытаться ответить на вынесенные в заголовок нелегкие вопросы, хотелось бы сделать одно существенное замечание. Как это ни парадоксально, наша историография, долгое время развивавшаяся в рамках, установленных "Кратким курсом истории ВКП(б)", сама косвенно способствовала распространению концепции, согласно которой Октябрьскую революцию можно было и не "делать". Сколько трудов написали мы на тему "Подготовка и проведение Великой Октябрьской революции"! Несть им числа. И пока мы не откажемся от такого странного для марксистов взгляда на революцию, нам не следует вступать в полемику с нашими оппонентами. Революцию нельзя подготовить и "сделать"! Революция, предполагающая могучее движение радикализованных масс, стремящихся ниспровергнуть существующий режим, в основе своей всегда спонтанна. Это относится и к Февралю, и к Октябрю — к Октябрьской революции, если рассматривать ее как органическую часть революции 1917 г. и сводить к Октябрьскому восстанию.

Справедливости ради следует сказать, что бытовала не только "антиоктябристская", но и другая — "антифевралистская" точка зрения. Так, П. Струве считал, что не нужен был не только Октябрь, но и Февраль, что оппозиционным силам следовало затормозить борьбу с "традиционной властью" — царизмом, способствовать ее "мирной трансформации". Февраль, по его убеждению, породил Октябрь. Если принять утверждение, согласно которому следовало "остановиться" на черте Февраля, то с тем же основанием можно принять мнение, что не надо было и подходить к этой черте.

Однако произошли и Февраль, и Октябрь. И важно уяснить факторы, повернувшие эволюционное разви-

тие страны к тем социальным взрывам, которые называются революциями.

В начале XX в., на протяжении жизни только одного поколения Россию потрясли три революции: в 1905—1907 гг. и в 1917 г. Уже только одно это заставляет задуматься над вопросом о случайности или обусловленности той революционной полосы, через которую прошла страна в начале XX в. Значит, существовали корни, была почва и подпочва. Их следует искать далеко в дофевральской России. "Верхи" здесь господствовали, может быть, особенно грубо и цинично. Их социальный и политический эгоизм, как и эгоизм их власти — царизма, тормозил и ограничивал проведение даже тех преобразований, необходимость которых становилась властной потребностью времени. Великая реформа 1861 г., с большим запозданием освободив крестьян, фактически лишила их земли. Однако силы, вызванные к жизни этой реформой, уже начали действовать. Либерально-буржуазная оппозиция расширялась и крепла. На политическом горизонте маячил еще более грозный враг — революционный демократизм. Как же в этих условиях действовала власть?

В 1894 г. после вступления на престол нового царя — Николая II тверские либералы верноподданно просили его разрешить общественным учреждениям — земству — выражать свое мнение по вопросам, их касающимся. В короткой ответной речи 17 января 1895 г. молодой царь назвал тверских и других земцев людьми, увлекающимися бессмысленными мечтаниями, и заявил, что будет твердо охранять начала самодержавия. Тогда же Струве — в то время он принадлежал еще к антицаристскому лагерю, был марксистом — написал "Открытое письмо Николаю II". В нем, между прочим, говорилось: "Русская общественная мысль напряженно и мучительно работает над разрешением коренных вопросов народного быта, еще не сложившегося в определенные формы со времени великой освободительной эпохи и недавно в голодные годы (речь идет о голоде 1891—1892 гг. — *Г. И.*) переживавшего тяжелые потрясения... И вот в такое время... представители общества... услышали лишь новое напоминание о Вашем всесилии и вынесли впечатление полного отчуждения царя от народа..." И Струве делал вывод, что при таком положении дело самодер-

жавия "проиграно", что "оно само роет себе могилу и раньше или позже, но во всяком случае в недалеком будущем падет под напором живых общественных сил". Почему? Потому, отвечал Струве, что позиция, занятая главой режима — царем, лишь "обострит решимость бороться с ненавистным строем всякими средствами". "Вы первый начали борьбу, — предсказывал Струве, — и борьба не заставит себя ждать".

Так и произошло. 9 января 1905 г. началась первая российская революция. Самодержавный режим затрещал и зашатался. Только тогда он решился на некоторые уступки.

Царский манифест 17 октября 1905 г., может быть, с неменьшим запозданием, чем отмена крепостничества, "даровал" некоторые демократические свободы. Но как только натиск революционной атаки ослаб, они стали выхолащиваться и сводиться на нет. Это было воспринято как обман. "Вместо того чтобы внять истине и остановиться, — писал позднее В. Короленко, — царское правительство только усиливало ложь, дойдя, наконец, до чудовищной нелепости, "самодержавной конституции", т. е. до мечты обманом сохранить сущность абсолютизма в конституционной форме". Но, как говорил Т. Карлейль, чаще всего правительства погибают от лжи...

Так или иначе решение многих кардинальных проблем вновь откладывалось и затягивалось. Они уходили вглубь и там все более обострялись. Происходила консервация застоя и отсталости, сквозь которые мучительно, тяжело пробивались ростки прогресса. Социальные контрасты и противоречия от этого только усиливались, приобретали особенно болезненный характер. В начале XX в. земский врач, кадет, будущий министр Временного правительства А. Шингарев в книге "Вымирающая деревня" констатировал: "Низкий культурный уровень населения и его ужасающая материальная необеспеченность и безземелие стоят в непосредственной зависимости от социальных ошибок прошлого времени и от общих современных условий русской жизни, лишивших ее свободного развития, самодеятельности и просвещения..." И Шингарев призывал к немедленной широкой "переоценке ценностей", призывал "открыто и громко заявить о полной негодности существующего всевластного бюрократизма, указать вопиющие факты постепенного разорения

народных масс”. В противном случае Шингарев предсказывал неминуемые ”грядущие потрясения”. Это писал либерал, кадет, в общем отвергавший насилие как метод социального переустройства. К Шингареву не прислушивались. Слушали больше тех ”верноподданных” из черносотенных рядов, которые уверяли, что самодержавие искони присуще русскому народу. Слышали то, что хотелось слышать...

Теперь, после всего пережитого — трагической гражданской войны, репрессий сталинщины, разложения периода застоя — дореволюционная Россия иногда видится в ностальгически благостных картинах. Но разве исторично смотреть на прошлое сквозь толщу тяжелых наслоений того, что произошло впоследствии? Разве не искажает такой взгляд ”чистоту”, подлинность восприятия прошлого? Лучший исторический источник — творения наших великих писателей от Пушкина и Гоголя до Чехова и Горького. Какой же в их произведениях отражена русская жизнь, сдавленная ”оковами самовластья”?

Блок был поэтом, пожалуй, особенно обостренно чувствовавшим и осознававшим ”ход истории” и ”исторический момент”. В 1909 г. он писал матери после того, как совершенно потрясенный вернулся домой с чеховских ”Трех сестер”: ”Это — угол великого русского искусства, один из случайно сохранившихся, каким-то чудом не заплеванных углов моей пакостной, грязной, тупой и кровавой родины... Несчастны мы все, что наша родная земля приготовила нам такую почву для злобы и ссор друг с другом. Все живем за китайскими стенами, полупрезирая друг друга, а единственный общий наш враг — российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники — не показывают своего лица, а натравливают нас друг на друга”. Можно сказать, эти слова продиктованы поэтической эмоциональностью Блока. Но вот ум не менее нравственно чистый, но, может быть, более холодный. Короленко писал об эпохе последних лет царизма: ”Общественная мысль прекращалась и насильно подгонялась под ранжир. В земледелии воцарился безнадежный застой, нарастающие слои промышленных рабочих оставались вне возможности борьбы за улучшение своего положения. Дружественная народу интеллигенция загонялась в подполье, в Сибирь, в эмиграцию...”

Такие вот горькие слова, и таково было восприятие многих честных, порядочных людей, болевших, страдавших за свою страну и свой народ. Они его плохо знали? Может быть, но они искренне вели борьбу за новую, свободную Россию.

Но надо быть справедливым: уже первая революция показала суровый, грозный лик восставшего народа, униженного и оскорбленного, ультралевизну, экстремизм некоторых революционных групп, вставших на путь террора. И многие из тех, кто еще вчера причислял себя к противникам самодержавия, испугались этого лика. Тот же Струве впоследствии, уже в эмиграции, писал: "Начиная с декабря 1905 г., с момента московского вооруженного восстания, — как бы ни оценивать политику правительства в период 1905—1914 гг. — реальная опасность свободе и правовому порядку грозила в России уже не справа, а слева..." Но, по словам Струве, ни либеральная оппозиция, ни власть не поняли, не осознали этого. И перед лицом "стихии революционного максимализма", поднимающего "низы", они не пошли по пути взаимных уступок, причем со стороны оппозиции эти уступки, как считал Струве, "должны были быть гораздо более глубокими и решительными, чем со стороны исторической верховной власти". "Pecatum est intra et extra muros", — сокрушался Струве ("грех был и на защитниках стен, и на штурмующих").

Все, о чем писал Струве спустя годы, уже вскоре после первой революции, нашло свое выражение в "веховстве" — идейном течении, возникшем в некоторых интеллигентско-либеральных кругах. Его главная мысль — ненужность, бесполезность революции как рычага, способного изменить общество; единственный путь к такому изменению — культурно-религиозное возрождение. "Веховство" требовало отказа от революции, от борьбы с "исторической властью". Ленин назвал его "либеральным ренегатством" (*Полн. собр. соч. Т. 19. С. 167—171*). Он не верил, что, оставаясь рабом, человек внутренне может стать свободным. "Веховский" и революционный пути еще и сегодня ведут спор между собою, хотя наш горький опыт мог бы сказать многое...

Но разве практически не был испробован "веховский" путь? И каковы же были его результаты? Отмена крепостного права в 1861 г. и царский манифест 17

октября 1905 г. — два важнейших шага на этом пути, открывая дорогу прогрессу, тут же сопровождались шагом, а то и двумя назад, к исходному "самодержавному началу". По словам В. Ключевского, реформы меняли старину, но и старина меняла реформы. Режим, страшась крутых перемен, пребывал как бы в состоянии качающегося маятника, проводил "центристскую" политику в такой исторический период, когда требовались смелые, радикальные решения. Он оказывался как бы в заколдованном круге: "надо, но нельзя, нельзя, но надо...". В таких условиях, может быть, требовался реформатор с пионерским духом Петра I, но, по словам В. Шульгина, "съездившийся" правящий класс уже не был способен рождать таких лидеров. Николай II в лучшем случае мог лишь маневрировать. Это раздражало даже сторонников самодержавия, правых, видевших в таком "качании" слабость, нерешительность власти. В одном из писем царю группа черносотенных политиков писала: "Полумера только раздражает... Решительная мера ударяет сильно, но с ней сразу примиряются". В левом же лагере крепла мысль о том, что накопившиеся проблемы надо не развязывать, а разрубать. Еще Н. Чернышевский писал: "Штука в психологической невозможности уступок без принуждения". Может быть, тут проявлялось и то, что Ю. Трифонов назвал нетерпением. ("История, — говорит в его романе А. Желябов, — движется ужасно тихо. Надо ее подталкивать".) Но так думается нашим "холодным умом" спустя много десятков лет. Тогда думалось и чувствовалось иначе. О революции мечтало не одно поколение лучших людей России...

Однако как бы ни было велико значение идейной борьбы в предшествующие революции периоды, сама по себе эта борьба не могла ее вызвать. Важнейшим фактором, обусловившим Февральскую революцию, стала, конечно, война, долгая, малопонятная, жестокая, мучительная. Оторванность огромных масс наиболее трудоспособного мужского населения от работы, родного дома, семьи. Упадок хозяйства, расстройство транспорта, продовольственные трудности. Это — в тылу, а на фронте — несравненно хуже. Скошенные германскими пулеметами роты, раненые и калеки, беспросветность отступлений по длинным, разбитым дорогам, залитые водой окопы за колючей проволокой... Многие тогда, говоря о войне, о ее по-

следствиях и влиянии на нравственный уровень народа, не страшились произнести слово "одичание". М. Горький писал: "Третий год мы живем в кровавом кошмаре и озверели и обезумели... За эти годы много посеяно на земле вражды, пышные всходы дает этот посев!"

"Человек с ружьем" воевать с "германцем" не хотел, да уже и не мог. Это превращало его в мощный фактор политической реальности, способный круто изменить ее. И все-таки, несмотря на все более грозный характер нарастания массового недовольства, на все усиливавшееся революционизирование масс, не исключено, что эти процессы могли бы и не проявиться с такой огромной силой, если бы не наличие еще одного фактора: ослабления, а можно сказать, и дискредитации правящих верхов, царской власти. Ее неспособность руководить в столь сложный, ответственный период, когда отсталая, еще далеко не завершившая буржуазной модернизации страна подверглась таким жестоким испытаниям, как мировая война, становилась очевидной. Престиж власти катастрофически падал. Распутин и распутинщина сыграли в этом процессе роль катализатора. Расхожая поговорка "Россия под хлыстом" имела двойной смысл: под хлыстом самодержавия и под "хлыстом" — Гришкой Распутиным (подозревали, что он принадлежал к секте "хлыстов").

Идея чуть ли не патологической бездарности правительства последнего царя, этой, по выражению А. Гучкова, "жалкой, дрянной, слякотной власти", неплохо послужила обоснованию необходимости ее устранения. Было бы, конечно, упрощением объяснять все одним только "коварным" пропагандистско-политическим расчетом либеральных и фрондирующих групп. Нельзя не учитывать общей атмосферы негодования, которое вызывалось тяжелыми поражениями русской армии, экономическими трудностями и неурядицами в стране. В своих воспоминаниях кадет В. Оболенский замечает: "Ощущение, что Россия управляется в лучшем случае сумасшедшими, а в худшем — предателями, было всеобщим". Развал власти, безусловно, облегчил победу Февральской революции, ускорил ее. Как писал Ленин, понадобился один из крутых поворотов истории, чтобы "телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться *сразу*" (*Полн. собр. соч. Т. 31. С. 13*).

Стремительное крушение царизма, приведшее к тому, что вчерашняя самодержавная Россия, по словам Горького, внезапно "обвенчалась со свободой", способствовало формированию фактора, который сыграл непосредственную роль в повороте событий от Февраля к Октябрю, — небывалой по глубине радикализации масс. Рабочие, средние городские слои, крестьяне, солдаты осознали и почувствовали свою силу. Триумф победы, еще недавно казавшейся почти невероятной, рождал веру в неограниченные революционные возможности. Требования безотлагательного решения не только политических, но и социальных проблем — мира, земли, рабочего контроля — звучали все настойчивее. Они стали вызовом, испытанием для всех партий, претендовавших на руководство массами, — от кадетов до большевиков. И как кадеты, так и правые социалисты (правые эсеры и меньшевики) по разным практическим и теоретическим соображениям пошли по пути поддержки не народа, а Временного правительства, стремившегося ввести революцию в "спокойные берега", остановить ее на "февральском рубеже".

Что же получилось? Один из лидеров меньшевизма, И. Церетели, уже после Октября с горечью признал: "Все, что мы тогда делали, было тщетной попыткой остановить какими-то ничтожными щепочками разрушительный стихийный поток". Беспощадная, но верная оценка. К массам и с массами, такими, какими они были — раскрывшими свою душу революции, — пошли только большевики. Бывший марксист, а впоследствии кадет и монархист Струве уже в эмиграции писал: "Логичен в революции, верен ее существу был только большевизм, и потому в революции победил он". Кадет П. Милюков дополнял Струве: "Пойти по этому пути могли лишь железные люди... по самой своей профессии революционеры, не боящиеся вызвать к жизни всепожирающий бунтарский дух". Значит, если уж сетовать на то, что Февральская революция "не остановилась", а пошла к октябрьским рубежам, то эти сетования нужно обратить не к большевикам, а к их противникам: осуществи они чаяния масс, и Октябрь, возможно, был бы не нужен... Позднее, в марте 1920 г., Ленин, обращаясь к меньшевикам и эсерам, спрашивал: "Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы начали социальную реформу?" (*Полн. собр. соч. Т. 40. С. 179*).

А. Керенский впоследствии уверял, что Временное правительство уже почти обрело устойчивость, почти контролировало ситуацию и Россия как никогда близко подошла к триумфу демократической государственности. Но это были жалкие слова, говорившиеся для самооправдания. За полгода своего правления буржуазные и правосоциалистические партии, представители которых входили в состав Временного правительства, показали почти "тотальную" неспособность руководить страной. Уже к осени 1917 г. она фактически лежала на руинах. Многие великие ожидания Февральской революции не оправдались. Временное правительство не бралось кардинально решить земельный вопрос, проклятая война продолжалась, промышленная разруха росла, продовольственный кризис усиливался, окраинные народы не получили свободы.

Несбывшиеся надежды — грозный революционный потенциал. Они рождают отчаянную решимость, которая может быть использована двояко. По убеждению многих политических деятелей — от Ленина до Милюкова, — реальная политическая альтернатива все более сводилась к следующему: либо победа левых сил и переход власти в руки большевизировавшихся Советов, готовых осуществить требования народа, либо победа контрреволюции, которая, воспользовавшись растущим недовольством масс, под лозунгом "твердого порядка" попыталась бы установить военную диктатуру, а возможно, и реставрировать монархию. Позднее Милюков четко сформулировал эту альтернативу: "Ленин или Корнилов?" Так ли это? Не слишком ли много тут категоричности? Возможно, и Керенский мог бы идти путем "посредине", если бы не наделал столько ошибок. Возможно...

Корниловщина была не чем иным, как открытой попыткой контрреволюции переломить ход событий 17-го года в свою пользу посредством силы, т. е. на путях гражданской войны. Не удалось. Столкнувшись со сплотившимися в этот критический момент в единый фронт революционно-демократическими массами, корниловщина потерпела крах. Поражение корниловщины могло стать исключительным моментом в истории всей революции, направить ее в русло мирного развития. Ленин от имени большевистской партии предложил эсерам и меньшевикам взять власть, сохранить единство революционно-демократического

фронта. Но меньшевики и эсеры прошли мимо этого предложения, опасаясь стремительного роста большевизма, начавшегося после крушения корниловщины. И вновь протянули руку Временному правительству, ранее явно попустительствовавшему корниловщине, а теперь повернувшему фронт против "левой опасности", против большевиков. Раскол, разъединение верхов революционной демократии, обозначившиеся на Демократическом совещании в сентябре, имели пагубные последствия. Ленин считал бесспорным фактом, что "исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками... сделал бы гражданскую войну в России невозможной" (*Полн. собр. соч. Т. 34. С. 222*). Увы, этого не произошло...

Поражение Корнилова нарушило весь "баланс сил", доселе с трудом удерживаемый Временным правительством. Тяжелый удар по правому флангу резко усилил и выдвинул левый фланг. Теперь Керенский, Временное правительство оказались перед прямой угрозой "левой опасности": движением масс за переход власти к Советам, возглавляемым большевиками. Обуздать эту опасность, как удалось в случае с корниловщиной, было задачей несравненно более трудной и, как показали дальнейшие события, невыполнимой. Опереться на правые (прокорниловские) силы было уже невозможно: корниловщина, хотя и не была раздавлена, но подавлена, бесспорно, была. Протянуть руку помощи Керенскому устоявшие корниловцы, главным образом военные, не могли, да и не хотели. В критический для Временного правительства момент они показали это с очевидностью: лишь несколько казачьих сотен удалось наскрести Керенскому в конце октября для похода на Петроград...

"Левое крыло" керенщины — социалистические партии (меньшевики и правые эсеры) перед лицом "большевистской опасности" еще пытались подвести под Временное правительство "демократические подпорки" (Предпарламент), а когда это не удалось, толкнуть Керенского на осуществление мер, способных, по их мнению, выбить почву из-под ног большевиков: объявить о мирных переговорах, наделить крестьян землей и т. д. Это, однако, было несовместимо с позицией Керенского, суть которой состояла в балансировании и лавировании между правыми и левыми. Временное правительство было обречено — это чувствовали и понимали многие. По остроумному выражению

одного из бывших корниловцев, при виде министров казалось, что даже брюки сидели на них, как на покойниках.

Но каким ударом должно было быть сметено правительство: правым, контрреволюционным, или левым, ультрареволюционным? Реакционеры, потрясенные провалом корниловщины, по всем данным, решили не торопиться. Их тактика, по-видимому, исходила из того, что приближающийся окончательный распад режима неизбежно вызовет разлив анархии, что и создаст благоприятную почву для установления "твердой власти". А если при этом большевики даже и придут к власти, не страшно, долго им все равно не удержаться. Они лишь усилят бушующую анархию... Девиз этих кругов был: "Чем хуже, тем лучше".

Ленин сознавал грозную опасность, нависавшую над революцией и партией. Неудовлетворенность, разочарование масс легко могли перейти в апатию и усталость — благоприятную почву для анархических бунтов. Революционный, политически сознательный авангард в этих условиях мог быть захлестнут волной анархистской стихии. В чем мог быть ее источник? В революции и демократии, как уверяли контрреволюционные элементы. Но "...было бы ошибочно думать, — писал Горький, — что анархию создает политическая свобода, нет... свобода только превратила внутреннюю болезнь — болезнь духа — в накожную. Анархия привита нам монархическим строем, это от него унаследовали мы заразу".

Большевистские силы должны были действовать немедленно. Так родился Октябрь 1917 года. Выбор момента для него оказался максимально благоприятным. В этом была заслуга Ленина, своими аргументами и своей волей сумевшего преодолеть сопротивление и колебания многих членов ЦК. Лидера, равного Ленину, не было ни у одной другой партии. Как знать, может, и прав был Л. Троцкий, который писал: "Если бы большевики не взяли власть в октябре—ноябре, они, по всей вероятности, не взяли бы ее совсем. Вместо твердого руководства массы нашли бы у большевиков все то же уже опостылевшее им расхождение между словом и делом и отхлынули бы от обманувшей их ожидание партии в течение 2—3 месяцев, как перед тем отхлынули от эсеров и меньшевиков. Одна часть трудящихся впала бы в индифферентизм, другая сжи-

гала бы свои силы в конвульсивных движениях, в анархических вспышках, в партизанских схватках, в терроре мести и отчаяния. Полученную таким образом передышку буржуазия использовала бы для заключения сепаратного мира с Гогенцоллерном и разгрома революционных организаций".

Легко ли далось ленинское решение, открывавшее во многом неизвестный путь в будущее? Мы знаем, что нет. Такие видные большевики, как Л. Каменев и Г. Зиновьев, выступали против, приведя в обоснование своей точки зрения, казалось бы, весьма серьезные доводы. Многие сознавали, и Ленин не меньше других, что "революция всегда рождается в больших муках" (*Полн. собр. соч. Т. 36. С. 482*), что большевики возьмут на себя "тяжелую задачу", при решении которой придется сделать "много ошибок". Но, как считал Ленин, "бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба *масс* даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе" (*Полн. собр. соч. Т. 14. С. 379*). Таков был образ мышления Ленина...

Большевики решились, и часть масс пошла за ними, веря, что переход власти к Советам откроет наконец путь к лучшей, достойной жизни. И как писал один из наблюдателей событий, Временное правительство пало, "не успев даже крикнуть "уф!".

Власть перешла ко II съезду Советов, собравшемуся в Петрограде. Он отменил смертную казнь, провозгласил Декреты о мире и о земле, создал Советское правительство.

Кроме большевиков на съезде присутствовали и другие социалистические партии, в том числе меньшевики и правые эсеры. Для них победа Октябрьского вооруженного восстания была свидетельством поражения тактики соглашения с буржуазными партиями. Они демонстративно ушли со съезда, рассчитывая путем изоляции большевиков вынудить их к капитуляции. Уход этих партий со съезда, их политические маневры и ультиматумы в процессе последовавших переговоров о формировании однородно социалистического правительства также способствовали созданию у нас однопартийной политической системы.

С точки зрения сказанного, Октябрьское вооруженное восстание было, конечно, актом гражданской вой-

ны. Ленин не раз говорил об этом, например в выступлении на VII съезде РКП(б) *(см.: Полн. собр. соч. Т. 36. С. 4)*. Но, как показывают дальнейшие события, Октябрь отнюдь не повлек за собой полномасштабную гражданскую войну, ту войну, которая сопровождалась огромными материальными и моральными потерями и которая наложила свой отпечаток на последующую историю страны. Советская власть относительно быстро устанавливалась на всей огромной территории Российской империи. Примерно к февралю—марту 1918 г. "мы, — писал Ленин, — в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец огромной страны" (*Полн. собр. соч. Т. 36. С. 79*). Это произошло и потому, что к Октябрю контрреволюция не успела еще консолидировать свои силы после провала корниловщины и пребывала в определенной деморализации.

Те вооруженные сопротивления, с которыми сталкивалась Советская власть в ходе этого "триумфального шествия", несмотря на порой драматическое восприятие их современниками, имели все-таки ограниченный, локальный характер. Поход Керенского—Краснова, в котором участвовали несколько казачьих сотен, окончился провалом. Упорными были бои, происходившие в Москве, но сегодня совершенно очевидно, что кратковременная московская контрреволюция не имела серьезных шансов на успех. Без особого труда была ликвидирована Ставка в Могилеве, где жертвой солдатского самосуда пал верховный главнокомандующий генерал Н. Духонин. Даже мятежи атаманов А. Каледина (на Дону), поддержанный Украинской Радой, и А. Дутова (на Южном Урале), так же как и некоторые другие, при всей их несомненной опасности не представляли собой серьезной угрозы существованию Советской власти. Очень скоро они пошли на убыль. Что же в таком случае означал переход от отдельных вспышек гражданской войны, вызванных Октябрьским вооруженным восстанием, к той гражданской войне, которая по крайней мере на три года разделила страну на противоборствующие лагери, втянула в нее внешние, иностранные силы?

Дантон говорил, что революцию по настоящему может любить тот, кто вышел из народа. Это, навер-

ное, справедливо. Революция — праздник для угнетенных и униженных. Однако общество состоит не только из них, хотя их, конечно, большинство. В обществе, помимо привилегированных классов, существуют и такие слои, которые, не сознавая своей угнетенности или униженности, смиряются с существующими порядками и, главное, приспосабливаются к ним. Для них революция — разрушение, потеря благополучия и положения, разными путями создававшихся годами, десятилетиями, утрата надежд, крах планов на будущее. Кроме того, в обществе было немало и тех, кто до революции хаял и проклинал существовавший режим, но когда настало его крушение, испугался: лицо у реальной революции действительно оказалось намного суровее воображаемого. Горький в дни революции писал: "Было очень удобно верить в исключительные качества души наших каратаевых... Теперь, когда наш народ свободно развернул перед миром все богатства своей психики, воспитанной веками дикой тьмы, отвратительного рабства, звериной жестокости, мы начинаем кричать: "Не верим в народ!" Но Ленин, большевики верили. Как же должны были поступить они, если история теперь делалась не в тихих и уютных кабинетах, а в промерзших окопах, разоренных деревнях, голодающих городах? Надо было идти с массами, иного пути не было...

Мы часто пишем и говорим, что всякая революция, и в том числе, конечно, наша российская революция, — неизбежное, закономерное явление. Но если это так, то с тем же правом мы должны сказать о неизбежности и, если хотите, закономерности контрреволюции, о ее почвенности, ее глубоких социальных корнях. Ленин писал о "связи между революцией и контрреволюцией в России", понимал их как "одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике". "Революция без контрреволюции не бывает и быть не может" (*Полн. собр. соч. Т. 12. С. 171*).

Очень скоро стало ясным, что расчеты на быстрое крушение Советской власти не оправдались: практически она легко побеждала по всей стране. Зимой 1918 г. надежды всех разномастных антисоветских и антибольшевистских сил в той или иной степени сконцентрировались на Учредительном собрании. Им казалось, что правоэсеровское Учредительное собра-

ние сумеет продиктовать свою волю большевикам и отстранить их от власти. Советское правительство распустило Учредительное собрание.

Но надо признать, что для значительных кругов населения — интеллигенции, выражавшей настроения мелкобуржуазных слоев, да и для некоторой части рабочих, крестьян и солдат, — понятие демократии все еще связывалось с всеобщностью выборов, с парламентаризмом. Правые эсеры, получившие в Учредительном собрании большинство и потому "законно" рассчитывавшие на власть, естественно, оказались политическим центром этих настроений. Их лозунг "Вся власть Учредительному собранию!" сплачивал против большевиков не только вчерашних корниловцев, но прежде всего широкие круги вчерашней революционной демократии — левый фланг рухнувшей керенщины. Меньшевик И. Майский (впоследствии известный советский дипломат и историк) дал этому течению, этому лагерю довольно парадоксальное название "демократическая контрреволюция".

И все-таки роспуск Учредительного собрания, как бы отрицательно он ни был воспринят частью общества, сам по себе еще не предрешал неизбежность полномасштабной гражданской войны.

Не менее существенным обстоятельством было и то, что лидеры "демократической контрреволюции" — правые эсеры — не обладали достаточными силами, способными оказать вооруженное сопротивление Советской власти. Их боевые дружины фактически были незначительны. Потребовался антисоветский мятеж чехословацкого корпуса в мае 1918 г., чтобы создать благоприятную почву для развертывания сил "демократической контрреволюции" на востоке страны. За этим мятежом стояли антисоветские круги Антанты, но не исключено, что более гибкая политика по отношению к эвакуировавшемуся из России чехословацкому корпусу могла предотвратить мятеж. Впрочем, мы забежали вперед...

Одним из важнейших событий, способствовавших повороту к гражданской войне, стал, как нам кажется, Брестский мир. Да, он также был необходим, так как спас Советскую власть, революцию. Выбора у нее не было. Но не забудем, что Ленин называл его не только грабительским, похабным, но и несчастным. И несчастье его заключалось не только в том, что он отрезал

от России огромную территорию, принес ей невероятный материальный ущерб. Он сильно ударил по чувствам тех людей, которые традиционно воспитывались в духе российского патриотизма. Прежде всего, конечно, это было офицерство, вышедшее из дворянской и разночинной среды, интеллигенция, тесно связанная со старым государственным строем и "верхними" классами, а также часть мелкобуржуазной массы. Герой "Хождения по мукам" А. Толстого офицер Вадим Рощин, пожалуй, лучше всего дает нам представление об этой уязвленной, оскорбленной среде. Но именно эта среда и обладала боевыми кадрами, которые отсутствовали у правых эсеров. Она и сформировала то, что позднее получило название "белое дело". Летом 1917 г. она уже проявила себя в корниловщине; в 1918 г. стала концентрироваться на Дону и Кубани. Формировавшаяся здесь Добровольческая армия рассматривала свою борьбу с Советской властью как продолжение войны с кайзеровской Германией. Большевики для многих добровольцев были лишь... ее агентами.

Таким образом, роспуск Учредительного собрания, а затем Брестский договор постепенно консолидировали два антибольшевистских движения: "демократическую контрреволюцию" с ее лозунгами передачи власти Учредительному собранию и возврата к завоеваниям Февральской революции и "белое дело", выступавшее под лозунгом "непредрешения" государственного строя до ликвидации Советской власти, что ставило под вопрос не только октябрьские, но и февральские завоевания революции. Антиоктябризм одних неизбежно должен был соединиться с антиоктябризмом и антифеврализмом других, хотя это соединение и не могло стереть социальное и политическое различие между ними.

Именно после Бреста усилилось размежевание классовых, политических сил. По одну сторону оказался советский лагерь, возглавляемый большевиками, по другую — антисоветский, антибольшевистский, часть которого на первых порах действовала либо соединенным (эсеро-белогвардейским) фронтом, либо только белогвардейским. Географически эти лагеря со временем распределились примерно следующим образом: в центре страны — советский лагерь;

на востоке — правоэсеровско-белогвардейский, а затем только белогвардейский (Колчак), на юге — "чисто" белогвардейский (Деникин), на северо-западе — белогвардейский (Юденич), на севере — правоэсеровско-белогвардейский, затем "чисто" белогвардейский (Миллер). Страна распалась на отдельные регионы, столкнувшиеся в смертельной схватке. Внутри их тоже развернулась ожесточенная борьба, и ожесточение ее нарастало. Диктаторские тенденции власти усиливались в обоих противоборствующих лагерях.

Советская власть, укрепляя сложившуюся однопартийную систему, перешла к политике "военного коммунизма" как в городе, так и в деревне. Антисоветские, антибольшевистские силы неуклонно правели. В конце 1918 г. "всероссийская власть" — обосновавшаяся в Омске кадетско-эсеровская Директория — была сметена офицерами-монархистами. Установилась контрреволюционная военная диктатура "верховного правителя" Колчака. "Военному коммунизму" контрреволюция пыталась противопоставить "военный антикоммунизм". Если до Октября 1917 г. одной из альтернатив политической борьбы фактически формулировалась как "Ленин или Корнилов?", то для периода гражданской войны ее можно было сформулировать как "Ленин или Колчак?". Сражавшиеся стороны все более уверовали в то, что борьба между ними может кончиться только смертельным исходом для одной из них. Советская власть победила, однако из этой борьбы Россия, по точному словарю Артема Веселого, вышла "кровью умытая".

В 1921 г. начался, наконец, поворот от гражданской войны к гражданскому миру. Даже в эмигрантских кругах крепла мысль о том, что перед новой Россией открываются широкие возможности. Движение "сменовеховства" обозначило поворот некоторых эмигрантских кругов к сотрудничеству с Советской властью. Многие стали возвращаться в Россию. Сотрудничество сил, пробужденных к жизни революцией, и сил, все более осознававших, что от вражды к большевикам надо переходить к их поддержке, открывало определенные перспективы. Преждевременная смерть Ленина, вероятно, нанесла по ним жестокий удар.

Мы не ответили на поставленные в названии статьи вопросы. Рассуждая, мы лишь хотели предложить некоторые варианты возможных ответов. Историческая наука — это постоянный спор, приближающий к истине. Но как тяжел этот путь! Где его окончание? Или правó старое изречение: "От ложного знания к истинному незнанию"?

Ответы Ж. ЭЛЛЕНСТЕЙНА,
независимого французского историка и публициста,
на вопросы сотрудника журнала "Коммунист" В. БУШУЕВА

Революция, демократия, социализм

В. Бушуев. Обществоведами и публицистами высказываются сейчас самые разноречивые оценки исторической роли и значения Октября, тех сложнейших процессов, которые развивались в нашей стране в послереволюционные годы. Среди прочего приходится слышать утверждения, что Октябрьская революция явилась случайностью, не продиктованной исторической необходимостью, что она практически ничего не дала народным массам. Какова ваша точка зрения по этим вопросам?

Ж. Элленстейн. Действительно, в настоящее время советские люди по-разному оценивают результаты Октябрьской революции. Мне кажется, однако, что о ее значении следует судить не только с точки зрения того, что она непосредственно дала. Надо помнить и о том, что сделало ее необходимой.

Следует иметь в виду, что после Февральской революции Россия пережила целый демократический период, который среди прочего таил в себе и неизбежную угрозу анархии и хаоса. Вспомним — война с Германией продолжалась, бунтовали различные народы и национальности страны, крестьяне не обрабатывали землю, в стране ощущалась нехватка всего и вся. Временное правительство оказалось не в состоянии решить ни одной из этих проблем. И по всей стране росло недовольство, происходила радикализация настроений, причем как справа, так и слева. Россия оказалась перед реальной опасностью государственного переворота, который вполне мог произойти в результате действий генерала Корнилова. По существу, речь шла в тот момент о выборе между властью большевиков и военной диктатурой.

Большевики сгруппировали все силы, чтобы противостоять военному перевороту, и взяли в свои руки власть, которая, по сути, осталась вакантной. Трудности начались после взятия власти. Большевики попробовали править в одиночку. Лишь на какое-то время они пошли на сотрудничество с левыми эсерами.

Между тем ситуация в России осложнялась. С одной стороны, усиливалось стремление различных народов к обретению независимости. С другой стороны, вскоре началась иностранная интервенция, в частности немецкая и турецкая. Столкнувшись с этими трудностями, новая власть вынуждена была принять самые суровые меры. Большевикам пришлось действовать весьма решительно, зачастую уступая динамике развития самих событий.

Например, роспуск Учредительного собрания принес совершенно иные плоды, чем можно было первоначально ожидать. Началась гражданская война. Как и все гражданские войны, она была ужасна. И надо признать, что обе стороны прибегали в ней к террору. Ни ту, ни другую сторону нельзя здесь оправдать. Надо только попытаться понять те условия, в которых развернулись все эти события. Совершенно очевидно, что, не будь приняты крайние меры, это означало бы конец власти большевиков. Жертвами войны и террора стали многие сотни тысяч людей, которые добавились к огромному числу погибших в первой мировой войне. Новые жертвы принесла и иностранная интервенция, сначала немцев и турок, а потом англичан, французов, японцев.

Проблема сейчас состоит не в том, чтобы спорить, были большевики правы или нет. Возможно, если бы они в то время не удержали власть в своих руках, в России воцарилась бы военная кровавая диктатура такого типа, как в Чили при Пиночете. И вполне вероятно, что если бы они не разбили своих противников, то были бы сметены. Нет ни малейшего сомнения, что руководители белых — Деникин, Врангель, Колчак — стремились восстановить прежние, дореволюционные порядки. Не только большевики, но и представители всех других социалистических течений и даже либеральные буржуазные демократы подвергались белыми преследованиям и расправам.

Главная проблема, на мой взгляд, заключается в том, что, оказавшись перед необходимостью отста-

ивать свою власть, большевики полностью монополизировали ее. С одной стороны, в сложившихся условиях они, конечно, и не могли поступить иначе. Но, с другой стороны, это неизбежно повлекло за собой очень серьезные последствия. В конечном счете гражданская война привела Россию на край катастрофы, вызвала голод 1921—1922 гг., унесший миллионы человеческих жизней. Сюда надо прибавить и огромное число погибших от эпидемий, и прекращение, по сути, всякой промышленной деятельности в стране, и громадное сокращение сельскохозяйственного производства.

Все это при желании можно было бы, разумеется, представить как результат действий большевиков. Но нужно быть честным, когда занимаешься историческими исследованиями. И надо видеть все без исключения аспекты тогдашней действительности. Следует учитывать поэтому и экономическую блокаду, введенную западными державами, и трагические плоды многолетней войны с белыми. В совокупности это и определило сумму условий и причин катастрофического положения, в котором оказалась страна. Вот почему Ленин объявил в 1921 г. о введении новой экономической политики. В чисто экономическом плане нэп означал признание большевиками необходимости рынка. И экономический прогресс Советского Союза, который был достигнут после его введения, оказался в 20-е годы достаточно быстрым.

Новая экономическая политика не сопровождалась, однако, мерами политической демократизации. Большевики продолжали оставаться у власти, не проявляя ни малейшего намерения делить ее с кем бы то ни было. Более того, в тяжелейших условиях гражданской войны демократическая жизнь в самой большевистской партии была, по существу, сведена на нет. Фракции были запрещены, и все бразды правления оказались в руках тонкого слоя руководителей, как отметит со временем в письме Молотову Ленин. В период нэпа возникли, таким образом, явные противоречия между экономической свободой, которая регулировалась государством, и полным отсутствием политической свободы.

В. Бушуев. Какими в этой связи вам представляются взгляды Ленина и его сподвижников по вопросам соотношения революции и демократии? Усматриваете ли вы в обстановке, сложившейся в послеоктябрьской

Советской России, условия для формирования политической демократии?

Ж. Элленстейн. Я считаю, что все они — Ленин и Троцкий, Сталин и Бухарин — исходили из того, что политическая демократия носит буржуазный характер и в силу этого должна была быть ликвидирована. Можно обнаружить самые разнообразные источники такой позиции. Коренятся они среди прочего и в прошлом России.

Политическая демократия не была традицией Российского государства. Лишь в результате революции 1905 г. возникли определенные формы демократии, связанные с выборами Думы, была введена некоторая, хотя и весьма ограниченная, свобода печати. Это, конечно, сыграло крайне отрицательную роль. И хотя, безусловно, данное обстоятельство не может служить оправданием всех действий большевиков, иметь его в виду необходимо для того, чтобы верно понять причины происшедшего в Советской России впоследствии, в 20-х годах.

Я считаю, что основной просчет большевиков того времени заключался именно в том, что они не рассматривали демократию как категорию универсального значения. Сама по себе практика демократических свобод должна была позволить успешно бороться против авторитарности власти и любых видов коррупции. Это полностью соответствовало марксистской теории. Маркс еще в 1849 г. неоднократно писал об этом в "Новой Рейнской газете". Было бы очень опасно запрещать свободу печати, предупреждал он, потому что без нее может возникнуть и существовать бог знает что.

Если серьезно задуматься о том, что же в самых широких масштабах произошло в Советском Союзе в начале 20-х годов, то можно прийти к выводу, что подход большевиков к политической демократии учитывал только один из ее аспектов. В то же время буржуазия сумела использовать все аспекты демократии. Это подтверждает ход истории.

Несомненно, в период гражданской войны идеи большевиков обрели особенно весомую силу. Они оказались вынуждены предельно ограничить все свободы, поскольку это было вызвано необходимостью гражданской войны. Можно, конечно, спорить на эту тему, как можно дискутировать и по вопросу оправданности

или неоправданности роспуска Учредительного собрания. Но существует какая-то, я бы сказал, инфернальная логика, которая толкала большевиков гораздо дальше того, на что они первоначально рассчитывали. С 1921 г. они изменили свою линию. Тем не менее структуры, обеспечивавшие стабильность установленной ими диктатуры, остались в сохранности. Да и было, вероятно, очень трудно ликвидировать их.

Я считаю, что нужно глубоко разобраться в переходе от теории большевистской критики буржуазной демократии, существовавшей до революции, к практике диктатуры, которую гражданская война сделала необходимой, и ее закреплению после победы в этой войне. Простых объяснений здесь нет, все очень неоднозначно.

История опирается на факты. А фактом является то, что во имя революции были принесены в жертву миллионы человеческих жизней, происходило упорное, многолетнее противоборство политических сил. Одержав победу, уверенные в своей правоте, большевики не проявляли ни малейшего намерения уступать или делить с кем бы то ни было власть, которой они добились такой высокой ценой, действуя, по их убеждению, во имя высших интересов масс. Как мне кажется, большевики стремились дать счастье народу, иной раз не принимая в расчет его подлинных настроений и желаний.

Существенным в этой связи является, на мой взгляд, вот что. Еще до того, как Ленин заболел и был парализован, он сам, как и некоторые другие руководители большевиков, в частности Троцкий, стал приходить к осознанию опасности, которая проистекала из обретенного партией полновластия, значительного усиления бюрократии. Но было уже поздно. Сама структура диктатуры к этому времени слишком окрепла. У Ленина попросту не осталось времени донести все мучившие его вопросы до партии, до народа. Он не успел принципиально обосновать задачи борьбы с бюрократией, то есть, по сути, за политическую демократию. Не успел и довести эту борьбу до логического конца, вынести ее на всенародное обсуждение, довести идею необходимости ведения такой борьбы до осознания каждым. Он начал схватку, но оказался не в состоянии завершить ее.

После смерти Ленина Сталин, который как политик был весьма ловок, сумел расколоть и разъединить всех своих явных и потенциальных противников. Он с изощренным искусством использовал опасения соратников Ленина перед возможностью создания личной диктатуры, вроде той, что во времена французской революции установил Наполеон Бонапарт. В глазах всех, кто окружал Сталина, опасность такого рода таил в себе Троцкий, являвшийся наркомом по военным и морским делам и сыгравший выдающуюся роль в гражданской войне. Он и казался многим кандидатом в Бонапарты советской революции. Парадокс истории заключается в том, что хотя ждали попыток установить личную диктатуру от Троцкого, на деле их предпринял — и добился своих целей — Сталин. Троцкий уступил в этой ситуации. Объединившись сначала с Каменевым и Зиновьевым, а затем с Бухариным, Сталин опирался в то время на крестьянство, которому обещал землю и сохранение свободного рынка. Он представлял себя лидером, способным дать населению страны определенные гарантии процветания на последующие годы.

Все это противопоставлялось теориям Троцкого, который продолжал выступать за перманентную мировую революцию. На деле, однако, другие страны, как известно, не последовали по большевистскому пути революции. И Россия оказалась в одиночестве, в положении осажденной крепости. Это обстоятельство и было использовано Сталиным в интересах дальнейшего укрепления диктаторского характера своей власти.

Опираясь на эту неограниченную власть, он повел страну по пути ускоренной индустриализации, использовав на эти цели те средства, которые были изъяты у крестьянства. Под предлогом борьбы с кулаками миллионы крестьян были высланы или заключены в концентрационные лагеря. Но репрессированы были не только богатые крестьяне. Преследованиям и арестам подверглись представители всех слоев сельского населения. Насильственным путем в массовом порядке создавались колхозы. В конце концов концентрация власти стала практически тотальной, а рынок подвергся уничтожению. Едва ли не вся экономика была огосударствлена, частная торговля уничтожена, а роль

кооперативов, которые широко развивались в эпоху нэпа, сведена к нулю.

В начале 30-х годов сформировавшиеся в стране условия стимулировали дальнейшее расширение политики репрессий. В глазах Сталина эта политика была необходимой, поскольку в реальной жизни он все чаще сталкивался с оппозицией внутри Коммунистической партии. Она особенно усилилась к 1934 г. И по этой причине Сталин решил идти дальше по пути террора, чтобы ликвидировать всякую большевистскую оппозицию — как со стороны старых, ленинских кадров, так и со стороны потенциальных противников.

В отличие от политики террора времен гражданской войны на сей раз эта политика совершенно не соответствовала тем условиям, которые ее вызвали. В ней не было никакой политической необходимости. Ее двигателем была исключительно политическая воля Сталина и его ближайшего окружения, которые стремились любой ценой сохранить свою власть.

Я абсолютно убежден, что глубинной причиной, предопределившей такую политику, было изначальное отсутствие политической демократии. Это и позволяло Сталину развернуть массовый террор против самих же коммунистов, не разделявших его представлений о социализме.

В. Бушуев. Имея в виду все ту же диалектику политической демократии и социализма, в чем вы усматриваете основные проблемы истории советского общества в послевоенный период? И какими представляются вам перспективы осуществляемых ныне в СССР радикальных преобразований?

Ж. Элленстейн. После второй мировой войны характер Советского государства не претерпел крупных перемен. Сталин, в частности, продолжал следовать своей теории террора и стремился изолировать Советский Союз от остального мира. Хотя Красная Армия освободила народы Европы от гитлеровского господства, советские люди продолжали жить в условиях не только экономической автаркии, но и культурной, идейной изоляции. Это способствовало усилению шовинизма, который сопровождался с 1948 г. открыто антисемитской политикой, прикрывавшейся борьбой против так называемого космополитизма. Это было особенно поразительным, если учесть, что только что

завершилась вторая мировая война и проведен Нюрнбергский процесс.

После смерти Сталина Хрущев и большая часть руководства Компартии нашли в себе силы порвать с кровавой политикой Сталина. Но корни тоталитарного в своей сущности государства продолжали существовать. Таким образом, можно сказать, что был совершен переход от "кровавого тоталитаризма" к его "мягкому" варианту. Конечно, перемены были, и очень значительные. На мой взгляд, именно тогда было положено начало перестройке и гласности. Несомненно, в то время еще не созрели условия для того, чтобы можно было развивать эту тенденцию дальше. И Хрущев стал в конце концов жертвой противоречий своей собственной политики. Он был отстранен от власти и заменен группой руководителей, которые навязывали идею достижения превосходства при решающей роли военного фактора в ущерб развитию гражданских отраслей экономики. Стоит немного поразмышлять о причинах возникших в связи с этим деформаций.

В гражданских областях советской экономики в условиях абсолютного огосударствления полностью отсутствовала всякая конкуренция. Оборонные же отрасли неизбежно сталкивались с внешней конкуренцией — со стороны Соединенных Штатов. Это постоянно диктовало им необходимость осуществления целого ряда мер по совершенствованию структуры и технологии производства. Эти меры, однако, совсем не затрагивали гражданских отраслей экономики. Мало-помалу эти отрасли приходили во все больший упадок, перед ними вставали все более серьезные проблемы. Чрезмерное развитие военной промышленности, роль бюрократии и отсутствие внутреннего рынка — все это вело к постепенному загниванию, накапливанию нерешенных проблем.

Политическую демократию в этом контексте следует, на мой взгляд, рассматривать как составную часть всего процесса экономического развития, а не только как этическую или политическую сторону данного процесса. Конечно, она необходима и как таковая, охраняя права граждан от произвола и монополизма со стороны государства. Но все же особо я хотел бы подчеркнуть ее экономическую роль. Мне кажется, что сегодня особенно важно рассматривать ее и с точки зрения развития новой технологии. Если мы приглядимся бо-

лее внимательно к экономически развитым странам — США, Франции, Англии, ФРГ или Японии, то увидим, что все они после второй мировой войны прошли переходный период к новой технологии в электронике, средствах связи, во всем, что касается современных отраслей производства. И мы можем констатировать, что практически все экономически развитые страны являются одновременно демократическими. Это ни в коей мере не случайность. В современных условиях политическая демократия является не чем иным, как жизненной необходимостью. История убедительно продемонстрировала, что нельзя стать экономически развитой страной без политической демократии. Можно сказать, политическая демократия ко всему прочему выгодна экономически. Это закон развития современной экономической и политической жизни.

Если мы нуждаемся в развитии информатики, средств массовой коммуникации, без которых нет современной экономики, то крайне нужна политическая демократия. Я не говорю, что она совершенна. Вовсе нет. У нее есть целый ряд внутренних противоречий. Но при всем этом она может быть использована для того, чтобы способствовать решению проблем, не являющихся чисто политическими. Хотя, конечно, она и сама порождает новые проблемы, ведет к возникновению новых противоречий.

Я совершенно уверен, что отсутствие политической демократии в Советском Союзе, в частности на протяжении последних 20—25 лет, во многом объясняет его экономическое отставание. К этому надо добавить практически полное отсутствие рынка. Наличие рыночной экономики, разумеется, не означает, что рынок абсолютно свободен. Но не вызывает сомнения, что для развития производства на современном уровне в нынешних условиях жизненно необходимо соединить хотя бы минимум рынка с максимумом политической демократии. Политический же монополизм, монолитность общества, которые на каком-то промежутке развития способны обеспечить порядок и удовлетворить какие-то — обычно мизерные — потребности, в то же самое время создают смертельную опасность для будущего экономического развития. Ситуация, в которой оказался Советский Союз начиная с середины 60-х годов и которая требовала скорейшего проведения радикальных перемен, и породила, как мне кажется,

кризисные явления, отравляющие жизнь вашей страны сегодня.

Конечно, очень трудно развивать демократию в стране, в которой не было соответствующих традиций и которая пережила десятки лет политической жизни в условиях тоталитарного режима. Отсюда тоже проистекают трудности сегодняшнего дня.

Можно сказать, что СССР сейчас оказался в совершенно новой исторической ситуации. Тоталитарное государство быстро разрушается с помощью развивающихся ныне процессов, и речь идет о том, чтобы и дальше добиваться перемен, избегая поспешных и резких действий. Больше всего мы, люди на Западе, симпатизирующие Советскому Союзу, хотели бы, чтобы этот переходный процесс прошел гладко.

Хочу особо заметить, что авторитет СССР на Западе никогда не был таким большим, как сейчас, когда Советский Союз мужественно признал ошибки и преступления прошлого, наличие острейших проблем в сегодняшней жизни и реально встал на путь политики разоружения. Раньше получалось так, что люди на Западе, с одной стороны, боялись военного могущества СССР, а с другой — вроде бы уважали его за эту мощь. Теперь же, несмотря на все очевидные внутренние трудности СССР, люди видят развитие демократии в вашей стране, явное ослабление угрозы. Поэтому страх исчезает, а уважение резко возрастает.

Безусловно, советское общество переживает сейчас тяжелый момент. Старые порядки уже почти развалились, а новые пока еще не утвердились. Этим и объясняется запутанность нынешней ситуации. Текущий период вызывает поэтому очень много вопросов, сомнений, опасений. Это действительно тяжелейший момент для советского общества.

Но, внимательно наблюдая извне, со стороны, за событиями в вашей стране, мне кажется, что подобные моменты бывали и в прошлом, а нынешний нужно рассматривать не изолированно, а именно в процессе своего развития. На наших глазах постоянно происходят и грядут новые очень важные изменения. И приведут они Советский Союз — я уверен в этом — к демократическому социалистическому обществу. Конечно, все проблемы не могут быть решены в одночасье — быстро и безболезненно. Но думаю, что само развитие политической демократии, появление

некоторых форм рыночной экономики создадут условия для успеха начатого дела и гарантии его необратимости.

Важно подчеркнуть, что всегда самое трудное — это начать, сдвинуться с мертвой точки. Безусловно, еще возникнут новые противоречия, новые трудности, к этому надо быть готовыми. Однако они преодолимы, если страна не откажется от избранного ею пути. В противном же случае ситуация обречена на дальнейшее ухудшение, а это может в конечном счете привести к новой драме. Избранный вашей страной путь не из числа самых легких, но это единственный путь, который позволит Советскому Союзу выйти из трудного положения и ускорить экономическое развитие, поднять уровень производства и жизни населения, покончить с теми проблемами, которые отравляют сегодняшнюю жизнь народа. Еще раз повторю — это нелегкий путь, но ведь и тот путь, которым страна следовала раньше, тоже никак не назовешь легким. И если бросить взгляд на всю историю Советского государства, при всех трудностях нынешний путь может оказаться даже легче прежнего.

Разумеется, ни я, ни кто-либо другой не вправе давать какие бы то ни было советы вашей стране. Я всего лишь рассматриваю переживаемый ею момент с точки зрения историка, сравнивая его с прошлым и вглядываясь в будущее вашего общества. В современных условиях, по моему убеждению, оно не может быть иным, нежели демократически-социалистическим, с учетом, разумеется, всех особенностей исторического развития не только Советского Союза, но и дореволюционной России.

В. СТАРЦЕВ,
доктор исторических наук

Альтернатива: фантазии и реальность

Вообразим себе такую ситуацию. Очень пожилой москвич передает мне пачку ветхих, пожелтевших газет. Я развязываю бечевку, беру верхнюю и замираю от изумления. Судите сами. Передо мной "Московские ведомости" от 29 ноября 1917 г. Через всю первую страницу идет шапка: "Открытие Учредительного собрания — хозяина земли русской". Крупными буквами набрано: "Вчера в Петрограде открылось Всероссийское учредительное собрание. Старейший депутат социалист-революционер Шевцов предложил избрать председателем собрания лидера партии большинства — эсера Виктора Михайловича Чернова. В первом чтении принят закон о земельной реформе. Временное правительство сложило полномочия перед народными избранниками. Председатель Предпарламента эсер Н. Д. Авксентьев предложил ввести в России президентскую форму правления. А. Ф. Керенский — всенародный кандидат в первые российские президенты. Заявление большевиков: Каменев — "мы были на волосок от гражданской войны". Лидер меньшевиков-интернационалистов Лев Мартов предложил избрать правительство национального согласия "от народных социалистов до большевиков". Партия народной свободы заявляет, что поддержит такое правительство, если оно представит реалистическую экономическую программу. Керенский — "Россия не созрела для социалистического эксперимента". Учредительное собрание большинством против 97 голосов приняло заявление о моратории на военные действия до 1 апреля 1918 г.".

Несколько придя в себя, я стал лихорадочно листать следующие номера. Из них узнаю, что в декабре 1917 г. было образовано однородное социалистическое

правительство В. Чернова, в котором министром внутренних дел стал большевик М. Покровский, а министром просвещения — А. Луначарский. Кресло министра иностранных дел досталось Л. Мартову, правительство пригласило на пост председателя Главного экономического совета кадета А. Коновалова, а П. Милюков отправлен послом России в Лондон. Немцы согласились на пятимесячное перемирие, началась демобилизация трети состава русской армии. Земельные комитеты организованно проводят изъятие и распределение помещичьих земель, а в Петрограде заседает главный трудовой арбитраж — Центральная примирительная камера — с равным участием рабочих, профсоюзов и предпринимателей. Увеличился подвоз хлеба к столицам. Впервые повысилось среднемесячное количество добытого угля в Донецком бассейне...

Но больше всего меня потрясают события в большевистской партии. Оказывается, еще 10 октября 1917 г. (как это явствовало из "заявления" Л. Каменева на открытии Учредительного собрания) в ЦК большевиков произошел раскол. Ленин и Троцкий оказались в меньшинстве. По их настоянию срочно был созван съезд партии, состоявшийся 17—19 октября в Петрограде. На этом съезде большинство делегатов с мест одобрили линию Каменева и Зиновьева о поисках компромисса с другими социалистическими партиями! Ленин и Троцкий и их немногочисленные сторонники вышли из РСДРП(б) и заявили о создании ими новой партии — Коммунистической. Опасность гражданской войны ликвидирована. Большевики, отмечается в газете, станут серьезной оппозиционной силой в Учредительном собрании.

Что это? — скажет читатель, события из параллельной вселенной, розыгрыш, неумные шутки? Вы правы — это, конечно, фантазия, но основывающаяся на фактах, которые могли произойти, если допустить, что ход событий в октябре 1917 г. пошел по другому пути.

Вопрос об альтернативах Октябрю не нов. Его еще в сентябре—октябре 1917 г. поставил Ленин. Страстно агитируя большевиков за подготовку скорейшего свержения вооруженным путем Временного правительства, он неоднократно предупреждал: если мы не выступим, если упустим момент, то можем остаться без власти. Либо, предостерегал Ленин, Временное правительство соберет казаков ко дню открытия Второго Всероссийс-

кого съезда Советов и просто не даст выступить большевикам, арестует их штаб, разоружит Красную гвардию, либо произойдет вторая корниловщина, которую готовит Керенский вкупе с контрреволюционными генералами. Фактически так же смотрели на дело и руководители главной партии российской буржуазии, партии народной свободы (кадетов). "Корнилов или Ленин" — так формулировал позднее в своей книге "История второй русской революции" главное направление развития политических событий осенью 1917 г. Милюков. Он фактически не оставлял места для третьего варианта — сохранения у власти Временного правительства.

Поскольку вопрос о позиции Ленина весьма важен, я позволю себе процитировать статью "Кризис назрел", где его точка зрения на возможные варианты событий выражена очень четко. "Ждать" съезда Советов есть полный идиотизм, — резко заявляет в ней Ленин в конце сентября, — ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все*. Это значит трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно (и политически и технически: соберут казаков ко дню глупеньким образом "назначенного" восстания)" (*Полн. собр. соч. Т. 34. С. 281*). К слову "назначенного" Ленин делает такое примечание: "Созывать" съезд Советов на 20 октября для решения "взять власть", — чем же это отличается от "назначения" восстания по-глупому?? Теперь взять власть можно, а 20—29 октября ее вам не дадут взять" (*Полн. собр. соч. Т. 34. С. 281*).

Хотя Ленин и употребляет здесь безличные обороты — "соберут", "не дадут", но каждому было ясно и тогда и теперь, что речь шла персонально о Керенском, о Временном правительстве в целом. Именно оно было хозяином положения, именно от него зависело развитие событий. Ни о какой корниловщине № 2 Лениным здесь не упоминалось. Но из текста рукописи листовки "К рабочим, крестьянам и солдатам", написанной Лениным на стыке сентября и октября 1917 г., но так и оставшейся неопубликованной, видно, что Ленин обвинял Керенского в том, что он "стакнулся опять с корниловскими генералами и офицерами, стоящими за помещиков". Ленин призывает: "*Долой правительство Керенского*, который сговаривается с корниловскими генералами-помещиками,

чтобы подавлять крестьян, чтобы стрелять в крестьян, чтобы затягивать войну!" (*Полн. собр. соч. Т. 34. С. 284, 286*). Таким образом, "вторую корниловщину" Ленин отождествлял с происками самого Временного правительства и Керенского, а вовсе не с новым заговором правых генералов с целью свержения правительства. Эта линия прослеживается вплоть до финального письма Ленина от 24 октября 1917 г.: "Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор" (*Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435*).

Наша же историко-партийная наука постепенно отделила "вторую корниловщину" от правительства Керенского и сконструировала другую альтернативу: если бы большевики не свергли Керенского и Временное правительство, то выступили бы вновь корниловцы и свергли его, установив террористическую буржуазную диктатуру. Так, известный исследователь корниловщины Н. Иванов писал в своей вышедшей в свет в середине 60-х годов монографии: "Изучение "второй корниловщины" позволяет еще глубже раскрыть великую мудрость исторических решений Центрального Комитета партии большевиков о восстании в октябре 1917 года. В конкретной обстановке тех дней только немедленное вооруженное восстание могло спасти страну от опасности установления кровавой генеральско-кадетской диктатуры". И в недавней, очень интересной и теоретически новаторской книге П. Волобуева говорится: "Но выбирать массам осенью 1917 г. пришлось уже не между буржуазной демократией и властью Советов, а между угрозой контрреволюционной диктатуры и Советами, как органами диктатуры пролетариата".

Собственно, и Милюков не может быть "союзником" тех, кто высказывает такую точку зрения. Он пишет: "Корнилов или Ленин?", а не "Ленин или Корнилов?". То есть, в соответствии с историческими фактами, констатирует: раз в конце августа не победил Корнилов, то на очередь дня вставал Ленин. Итак, на мой взгляд, настоящую, "правильную" альтернативу, очевидно, следовало бы формулировать применительно к осени 1917 г. следующим образом: или продолжение развития России по буржуазно-демократическому

пути при сохранении у власти правительства Керенского и в условиях подготовки и проведения Учредительного собрания, или насильственное низвержение этого правительства большевиками с целью положить начало мировой социалистической революции. Причем надо различать объективную возможность осуществления каждой из этих альтернатив и их практически-политические шансы.

Возможность продолжения развития России по буржуазно-демократическому пути не только существовала, но и была, как мне кажется, в сложившихся условиях наиболее вероятной. Ее обеспечивали победа Февральской революции, вооруженное свержение царского строя и существенное преобразование государственного аппарата, значительная поддержка массами демократического Временного правительства. Создание после апрельского кризиса правительственной коалиции из представителей Петроградского Совета — от руководства партий эсеров, меньшевиков и народных социалистов — значительно расширило социальную базу Временного правительства. Вместе с тем имелись и силы, по разным причинам выступавшие против правительства. Прежде всего это были затаившиеся до поры до времени ультраправые элементы (в первую очередь среди высшего офицерства), заинтересованные в реставрации старых порядков. Это была, с другой стороны, большевистская партия, где после возвращения Ленина победило радикальное левое крыло, а также федерации и группы анархистов в Петрограде, Москве, ряде других городов. К этому направлению примыкали и маленькие группки эсеров-максималистов. После июльских дней большинство населения все еще поддерживало Временное правительство, не шло за большевиками и анархистами. Вплоть до мятежа генерала Корнилова несомненное большинство всех классов и социальных групп — важное исключение составляли рабочие в столице и ряде промышленных центров страны — поддерживало Керенского (и его правительство) как общенационального лидера, символ государственного единства.

Мятеж Корнилова сам по себе и то, как он был разгромлен, изменили политическую обстановку в стране. Социальная база Временного правительства и сторонников коалиции, национального согласия заметно сократилась. С одной стороны, правые силы

и партия кадетов фактически стали отказывать правительству в поддержке по целому ряду вопросов. С другой стороны, вновь выдвинутый большевиками лозунг "Вся власть Советам!" и перспектива созыва в этой обстановке Второго Всероссийского съезда Советов создавали новый антиправительственный фронт. Как показало голосование по вопросу о переходе власти к Советам на советской курии Демократического совещания в конце второй декады сентября, около половины представителей местных Советов поддерживало эту идею.

Но успешное формирование Керенским третьего коалиционного правительства, одобрение руководством Демократического совещания идеи коалиции вообще, формирование Предпарламента (Временного Совета Российской республики) вновь несколько увеличили доверие к Временному правительству Керенского. Поддерживавшие его партии продолжали представлять большинство населения России. Это показали и результаты выборов в Учредительное собрание. Большевики смогли получить на них только около четверти голосов, а эсеры, меньшевики, народные социалисты и прочие — свыше 70 процентов. А ведь выборы проходили в середине ноября 1917 г., через 20 дней после прихода к власти большевиков в Петрограде. Так что вполне можно допустить, что Временное правительство Керенского имело шансы довести страну до Учредительного собрания, если бы не было свергнуто Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде.

Но и для той альтернативы, которая осуществилась в реальности, объективные политические предпосылки существовали и, более того, на протяжении осени 1917 г. увеличивались с каждой неделей, а в определенный период буквально с каждым днем. Возможность для захвата власти большевистской партией коренилась в неравномерном развитии политической борьбы в столицах и провинции на фоне общего "левения" страны. Недовольство рабочих и солдатских масс Временным правительством в Петрограде проявилось уже 20—21 апреля 1917 г. На всеобщих выборах в районные думы Петрограда в конце мая — начале июня большевистская партия получила 20 процентов голосов, хотя на Первом Всероссийском съезде Советов (именно Советов, то есть одной революционной демо-

кратии!) большевики составляли 10 процентов. Июньский и июльский кризисы показали резкое возрастание популярности большевиков, а также анархистов в Петрограде. В августе они укрепили свои позиции и в Москве. В сентябре, после разгрома корниловщины, рост влияния большевиков, левых сил в целом особенно усилился, превратившись в существенный фактор общенационального масштаба.

В пользу большевиков "работали" и такие обстоятельства, как оттягивание Временным правительством земельной реформы и растущее недовольство крестьян. Оно вылилось в сентябре 1917 г. в волну стихийного крестьянского движения по захвату помещичьих земель, разгрому и разграблению помещичьих усадеб. "Помогала" большевикам усталость масс от войны, тяга к миру на фронте и в тылу, распад (особенно после корниловщины) воинской дисциплины в армии, нежелание солдат проводить еще одну зиму в окопах. Промедление правительства в решении кардинальных проблем народной жизни и желание дотянуть без издания важнейших законов до Учредительного собрания, равно как затяжка созыва самого этого собрания, вели к общему росту недовольства в стране, падению авторитета властей, распространению анархии во всех звеньях общественной жизни.

Эти объективные предпосылки для претворения в жизнь социалистической альтернативы дополнялись и субъективными. Слова "социализм", "социалистический", "социалистические партии" приобрели огромную популярность среди самых широких слоев народа уже в первые месяцы после Февральской революции. Кадеты жаловались в своей газете "Речь", что все в России вдруг сделались "социалистами". Естественно, что на практике простые люди мало разбирались в различиях между разными социалистическими течениями и партиями, еще меньше понимали, что такое социализм вообще, но уже из одного чувства протеста против власть имущих — как это часто происходит в нашей стране и сегодня — заявляли о своих симпатиях социалистам и голосовали за них на выборах.

Уже первые муниципальные выборы дали почти повсеместно победу "советскому блоку", то есть союзу партий эсеров, меньшевиков и народных социалистов. В марте 1917 г. и большевики входили в этот единый советский блок социалистических партий, и только

энергия Ленина заставила большевиков в Петрограде и во многих других городах (но не всех сразу!) порвать уже становившиеся в ряде случаев довольно тесными узы с лидерами других социалистических партий. Большевики круто повернули на собственный независимый путь к социалистической революции. Так, они смогли сплотить к октябрю армию своих сознательных политических сторонников из числа промышленных рабочих и солдат столичного и части фронтовых и тыловых гарнизонов. Но к "социалистическому выбору" по самому своему положению были склонны в своих симпатиях и почти все солдаты, и значительное число крестьян. Это подтвердили те же выборы в Учредительное собрание. За все социалистические партии от большевиков до народных социалистов голосовало 83 процента избирателей. Это создало дополнительные благоприятные возможности для осуществления альтернативы "социалистической", или "рабочей и крестьянской, революции" и передачи всей государственной власти Советам.

Теперь о субъективном факторе, о практически-политических шансах каждой из этих альтернатив. Начнем со второй — с большевистского восстания. Ленин, как известно, поставил этот вопрос впервые еще 8—10 июля 1917 г. (см.: *Полн. собр. соч. Т. 32. С. 434; Т. 34. С. 1—5*). В качестве перспективы курс на вооруженное восстание был одобрен VI съездом партии. Однако никто в июле и августе не рассматривал восстание как осуществимое в обозримом будущем. Никто, кроме Ленина, которому казалось, что уже в августе может настать удачный момент для начала восстания. Никто из большевистского руководства в то время не согласился с ним в этом, и сам Ленин в 1921 г. признал, что его предложение взять власть в Москве в августе 1917 г. после Государственного совещания было нереальным. Но в середине сентября он вновь обращается письменно в ЦК с таким же предложением. И опять оно отвергается. Более того, почти на месяц в ЦК складывается большинство из "правых большевиков" во главе с Каменевым, которое отстаивает необходимость политического компромисса с партиями меньшевиков и эсеров и отказа от курса на восстание и передачу власти Советам. Только 10 октября 1917 г., всего за две недели до того, как на самом деле произошло Октябрьское вооруженное вос-

стание в Петрограде, Ленину удается полностью разбить лидеров правого большинства и добиться принятия Центральным Комитетом большевистской партии решения об организации вооруженного восстания в ближайшее время. Объективные и субъективные возможности совпали, решение о выступлении руководством большевиков было наконец принято.

Но борьба продолжалась. Каменев и Зиновьев, несколько их сторонников в Петрограде и Москве обращались за поддержкой к меньшевикам-интернационалистам, к М. Горькому, который помог Каменеву открыто выступить против намерения Ленина и Троцкого свергнуть правительство Керенского. Как минимум, Каменев и Зиновьев хотели не допустить восстания до съезда Советов, чтобы попытаться на большевистской фракции съезда склонить ее членов в свою пользу. Это один раз уже удавалось Каменеву, когда на заседании большевистской фракции Демократического совещания он добился принятия решения о вхождении в Предпарламент вопреки возражениям Ленина и Троцкого. Данное решение фракции утвердил и ЦК. Эта борьба продолжалась до 24 октября, дня начала восстания.

А как обстояло дело в лагере Керенского? Что делал он, чтобы повысить шансы "своей" альтернативы? Документы показывают, что при всем хаотическом и разваленном состоянии секретной службы при Временном правительстве Керенский был достаточно информирован, чтобы представить себе масштабы вызова, брошенного ему в середине октября Лениным и большевиками в Петрограде. У него не было недостатка и в советниках, указывавших ему на срочные меры, которые необходимо было принять, чтобы ответить на этот вызов и не допустить выхода вооруженных масс на улицы. Но Керенский рассчитывал не на политическое решение вопроса, а только на силу, на то, что он сможет с помощью юнкеров и казаков рассеять вооруженные манифестации. Он ожидал лишь повторения апрельских или июльских дней. Керенский слишком недооценивал большевиков, чтобы допустить мысль об эффективности готовившегося ими выступления. Он упустил время, еще оставшееся ему для политического маневра, который мог бы заставить массы вновь поверить Временному правительству и ему лично.

Этот маневр мог бы заключаться в немедленном выступлении правительства и самого Керенского по крайней мере по любым двум из трех ключевых вопросов. Первый — вопрос о мире. Шанс главы правительства заключался в том, что он должен был принять решение относительно переговоров с Германией о перемирии, с согласия союзников или без этого согласия. Об этом ему надо было бы объявить публично: в газетах, по телеграфу, по радио. Немедленно и по всей стране. Второй вопрос: он должен был объявить о немедленной передаче помещичьей земли в ведение земельных комитетов. И так же быстро и публично. Учредительное собрание могло потом подтвердить или улучшить эти правительственные декреты. И третий вопрос — реорганизация власти. Хотя в третьем коалиционном Временном правительстве было 10 социалистов и только 6 "капиталистов", это все равно уже не устраивало массы. Керенский должен был взять на себя инициативу создания чисто "социалистического" правительства, даже без большевиков. Он мог пойти и на организацию "советского правительства" из членов ЦИК первого состава. Наибольшего эффекта, вероятно, можно было достигнуть, если бы 19—23 октября он объявил о всех трех экстренных мерах, но, очевидно, можно было ограничиться и двумя: скажем, мир и земля или земля и "Советская власть".

Вышесказанное отнюдь не фантазии. Это суть того, к чему призывали Керенского в те октябрьские дни американские советники Томпсон и Робинс из миссии Красного Креста, меньшевик Дан и эсер Зензинов, военный министр генерал Верховский. На экстренной необходимости выхода из войны настаивали бывший управляющий делами Временного правительства Набоков, другие руководители кадетской партии.

Керенский, однако, оказался не в состоянии предпринять ни одного из этих трех экстренных шагов, хотя вплоть до 24 октября еще имел такую возможность. "Пассивность" Временного правительства и самого Керенского в дни 19—23 октября сделали вооруженное восстание большевиков неотвратимым. 24 октября 1917 г. альтернативы власти Советов и большевиков больше не существовало.

Итак, если заострить вопрос, то суть проблемы альтернатив будет выглядеть так: или вооруженное свержение стоявшего у власти правительства и граж-

данская война, или гражданский мир и достижение гражданского согласия. Покушения на гражданский мир некоторые исследователи обнаруживают уже в лозунгах противоправительственных демонстраций 20—21 апреля и 3—4 июля 1917 г., правда с еще неясными перспективами. Но вот 27—28 августа генерал Корнилов и его сторонники и покровители практически поставили всю страну на грань гражданской войны. Удержание гражданского мира стало еще более сложной задачей в результате победы радикального крыла в большевистском руководстве 10 — 20 октября. Однако угрозу гражданской войны еще можно было отвести, если бы правительство проявило добрую волю и спешным удовлетворением ряда народных чаяний попыталось вернуть себе популярность и показать простым людям, что ни к чему рисковать новой революцией, раз власть идет им навстречу.

Жесткая, политически близорукая позиция главы правительства, сделавшего ставку на военное подавление нового "мятежа" и арест его зачинщиков, граничила с провокацией. Закрытие большевистской газеты "Рабочий путь" вызвало ответную реакцию неповиновения, быстро переросшую в столь долго назревавшее восстание. И хотя делались попытки возродить утраченную мирную альтернативу, история с переговорами о создании однородного социалистического правительства от народных социалистов до большевиков, победы Красной гвардии и революционных частей гарнизона под Петроградом и взятие власти большевиками в Москве показали им ненужность таких переговоров.

И все же, были ли возможности для другого поворота событий в октябре 1917 г.? Теоретически рассуждая, были. Ведь объективные предпосылки для обеих альтернатив существовали и в середине ноября 1917 г. Можно утверждать, что объективно большинство народа выступало за гражданский мир, за первую альтернативу, хотя и требовало определенных и неотложных перемен в положении по сравнению с серединой октября. Чашу весов склонили события, относившиеся к сфере субъективного фактора. Здесь уместно вернуться к той фантастической картине, с которой мы начали эту статью. Владеющий всем комплексом материала специалист заметит в ней несколько важных штрихов, отличающих описанную ситуацию от исходных пози-

ций октябрьского кризиса власти. В период между 10—17 октября и 25 октября могли произойти события, способные привести в своем развитии к картине воображаемого национального согласия на Учредительном собрании.

Первое — это, конечно, события внутри большевистской партии. Для реализации данной альтернативы необходимо было, чтобы большевики отказались от курса на вооруженное восстание, как это сделал Ленин, скажем, в своей статье "О компромиссах", написанной 1—3 сентября 1917 г. В рассматриваемый же момент, наоборот, Ленин, опираясь на тщательнейший анализ сложившейся ситуации, занимал твердую позицию в пользу восстания. В дни 15 сентября—5 октября Каменеву и его сторонникам удавалось удерживать большинство ЦК РСДРП(б) под своим влиянием. Для успеха альтернативы гражданского мира было необходимо, чтобы Каменев одержал верх и в середине октября. Конечно, с точки зрения, монопольно господствовавшей у нас до недавнего времени, это предположение звучит по меньшей мере кощунственно, но сегодня, как мне кажется, настал момент для условного допущения подобной возможности и ее трезвого анализа.

Надо сказать, что впервые такое допущение сделал в 1924 г. в статье "Уроки Октября" Троцкий, не без оснований отметив, что победа Каменева и Зиновьева означала бы смертный приговор большевистскому вооруженному восстанию. Нельзя полностью исключить вероятность того, что победа эта могла бы произойти на экстренном съезде партии, на необходимости которого, видимо, вновь стал бы настаивать Ленин, коль скоро ему не удалось одержать победу над Каменевым на заседании ЦК 10 октября. Если вообразить, будто за ним не пошел и съезд, то можно представить, что радикальное левое крыло в большевистской партии, скорее всего, решилось бы на раскол и образование собственной партии. Это существенно снизило бы авторитет большевистской партии в целом, внесло бы сумятицу и раскол в ее ряды и дало бы правительству Керенского время довести страну до Учредительного собрания, а ЦИКу Советов — удержать Второй Всероссийский съезд Советов под своим влиянием.

Но всего этого не произошло, и данное обстоятельство первым нарушает — а по сути, перечеркивает —

нарисованную воображением автора благостную картину Учредительного собрания. Второй фактор — Керенский. Недовольство им охватило не только широкие массы, но и руководство кадетской партии, правые круги. Его продолжала поддерживать лишь "звездная палата" (то есть большинство руководителей ЦИК первого состава из меньшевиков и эсеров). Но и эти силы, как было сказано выше, требовали от Керенского предпринять политические шаги, способные подействовать на народные массы, чтобы отвратить их от поддержки большевистского выступления.

Вообще следует заметить, что период с июля по август 1917 г. выдвинул минимум три личности, каждая из которых имела шанс стать вершителем судеб России. Это были Керенский, Ленин и Корнилов. В начале сентября Корнилов был посажен под арест и тем выведен из дальнейшей борьбы (ему удалось бежать из-под стражи только в середине ноября, уже после взятия власти большевиками). Если бы развитие событий внутри большевистской партии привело хотя бы к временному устранению возможности организовать вооруженное свержение Временного правительства, то и Керенский должен был быть как-то устранен от монопольного права принимать политические решения. Так как угроза свержения правительства отступила бы, то мирным путем не удалось бы устранить Керенского от власти. Тогда можно было "толкнуть" его наверх, то есть предложить пост президента Российской демократической республики, устранив тем самым от вмешательства в повседневную политическую жизнь. Идея президентства в России возникла еще в ходе первой российской революции как наиболее приемлемая форма перехода от монархии к республике. Называлась даже кандидатура С. Витте как возможного президента России в случае той или иной формы устранения императора. Кто знает, быть может, выдвижение Керенского в качестве президента России открыло бы возможность для создания более приемлемого однородного социалистического правительства под председательством Чернова.

И наконец, третье соображение, третья деталь нарисованной фантастической картины национального согласия. Это позиция кадетской партии. В качестве условия достижения национального согласия она должна была, хотя бы на время, отойти от прямого

участия в правительстве. Политическая история второй половины 40-х годов в ряде стран Европы демонстрирует нам немало случаев, когда экономически господствующий класс, буржуазия, вынужден был согласиться с формированием социалистических правительств, если в их программах отсутствовал пункт о немедленной "экспроприации экспроприаторов". Так и русская буржуазия и ее главная политическая партия, видимо, должны были в угоду требованиям времени и большинства народа согласиться на формирование однородного правительства социалистов. Это могло случиться уже на Учредительном собрании, где определилась партия большинства — социалисты-революционеры — и где социалисты в целом, как было сказано, получили 83 процента голосов избирателей. Выдвижение Чернова как главы такого правительства встречено было бы поддержкой не менее трех четвертей как собрания, так и всего народа. Таковы три существенных элемента картины воображаемого гражданского мира как альтернативы гражданской войне.

Но пора уже сделать некоторые выводы. Итак, теоретически исследователь проблемы вправе допустить, как это в фантазии автора сделала 74 года назад газета "Московские ведомости" и как это продолжают делать сейчас некоторые наши современники, что альтернатива Октябрьскому вооруженному восстанию действительно существовала. Однако для ее осуществления в 10 дней, остававшихся до восстания, должно было произойти слишком много событий, и, главное, таких, какие, как мы хорошо знаем, на деле не произошли. Случилось же совсем другое. Все эти допущения, все эти "если", которых накапливалось уж очень много, попросту не свершились. У большевиков победило леворадикальное крыло, пользовавшееся поддержкой масс, а осмотрительные "каменевцы" были разбиты. Ленин, преодолевая последнее сопротивление, настоял на начале и конкретных сроках вооруженного выступления. Керенский упрямо отвергал все советы, которые получал. Ну а кадеты были полны злорадства относительно трудностей, с которыми сталкивался Керенский на большевистском фланге. Они лелеяли надежду на то, что ближайший крутой поворот событий, высветив полную беспомощность "социалистов", вернет их собственную партию к власти. Таким образом, и в практически-политическом плане развитие событий в кри-

тические дни октября сделало большевистское восстание не только возможной, но и неизбежной альтернативой, наиболее логичным завершением возникшего политического кризиса и кризиса власти.

Сейчас время самых невероятных предположений, споров об истории, фантастических гипотез, обращенных в прошлое. В этих условиях исследователь-профессионал просто обязан дать обществу исторический материал для размышлений по вопросу об альтернативах. Выше мы рассмотрели один из возможных вариантов развития событий в октябре 1917 г. И из этого рассмотрения естественно вытекает разочаровывающий ряд сегодняшних критиков вывод: путь гражданского мира и согласия, теоретически возможный, оказался практически политически нереальным.

Идейные противники большевиков могут сколько угодно произносить сегодня гневные филиппики против них, но никуда не деться от единственного научно обоснованного вывода: победа большевиков в октябре 1917 г. не была случайностью или искусственным нарушением естественного хода событий. Строгие данные исторической науки и анализ на их основе любых самых смелых предположений и допущений относительно возможного хода событий 74-летней давности позволяют уверенно утверждать: всякого рода рассуждения о том, что Октябрьскую революцию можно было как-то "обойти" или "избежать", совершенно лишены каких-либо оснований и утопичны.

П. Волобуев,
академик АН СССР

1917 год: была ли альтернатива?

Вечером 24 октября (6 ноября) 1917 г., когда в столице революционной России — Петрограде неудержимо раскручивался маховик вооруженного восстания против буржуазного Временного правительства, произошло событие, которое хотя и не оставило заметного следа в истории, но бросило яркий свет на бесплодность попыток реформистского решения наиболее жгучих проблем страны. По инициативе эсеровской и меньшевистской фракций Временного Совета Республики (так называемого Предпарламента) была принята резолюция (согласно терминологии того времени — "формула перехода" к очередным делам). В ней, помимо осуждения большевистского восстания, Временное правительство призывалось — с целью ликвидации почвы для восстания — к немедленному изданию декрета о передаче земли в ведение земельных комитетов и решительному выступлению во внешней политике — с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры.

Уже давно эта резолюция справедливо оценена советскими историками как попытка мелкобуржуазных реформистов-меньшевиков и эсеров сорвать начавшееся восстание, спекулируя на популярных лозунгах о земле и мире. Это была, так сказать, демократическая альтернатива социалистической революции с весьма гипотетическими шансами на успех. Но, во-первых, она явно запоздала. Сам лидер эсеров В. М. Чернов тогда же заметил тщетность подобных попыток: "Уж если не удержался за гриву — за хвост и подавно не удержаться". Во-вторых, глава Временного правительства А. Ф. Керенский, ознакомившись с "формулой перехода", не сумел оценить ее и с порога отверг рекомендацию Предпарламента. Тем самым "послед-

ний шанс" на спасение буржуазной власти был утрачен.

Любопытны и некоторые лишь сравнительно недавно установленные детали этой истории. Как выяснил современный исследователь русско-американских отношений Р. Ш. Ганелин, примерно за неделю до Октябрьского переворота идею "украсть лозунг большевиков" о передаче земли крестьянам внушали Керенскому официальные представители США, выступавшие под флагом миссии Красного Креста, У. Б. Томпсон и Р. Робинсон. Мы далеки от мысли в духе наших недавних правил приписывать авторство "формулы перехода" агентам американского империализма и рассматриваем этот эпизод как попытку многоопытного старшего брата поучить политическому маневрированию молодую русскую демократию. Впрочем, идея что-то срочно предпринять по вопросу о земле и мире витала тогда в воздухе.

Вроде бы малозначительный на фоне грандиозных событий Октября эпизод с голосованием в Предпарламенте (питерские рабочие презрительно называли его предбанником) позволяет поставить действительно крупную проблему, а именно: была ли в 1917 г. альтернатива Октябрьской революции?

Не боясь впасть в преувеличение, можно сказать, что этот вопрос, вынесенный и в заглавие статьи, ныне стал одним из самых модных в исторической публицистике.

Дискуссии об альтернативах, стоявших перед нашей страной в 1917 г., в 1921-м, в конце 20-х годов и так далее, делаются компонентом не только нашей научной жизни, но и нового исторического сознания народа.

В условиях перестройки разработка проблемы исторических альтернатив имеет и огромное практическое значение, ориентирует нас на поиск наиболее благоприятных форм и методов общественных преобразований.

Среди советских обществоведов, в том числе историков, единого мнения по вопросу: была ли в 1917 г. альтернатива Октябрю — нет. Одни считают, что ее не существовало и не могло существовать, так как Октябрьская революция и переход к социализму были

исторической неизбежностью, порожденной всем ходом общественно-исторического развития.

Другие полагают, что альтернативы не возникло из-за реального соотношения общественных сил: осенью 1917 г. решающий перевес был на стороне Советов, большевиков.

Третьи исходят из того, что только свержение буржуазии и переход к социализму открывали выход из глухого тупика, в котором оказалась Россия в 1917 г. вследствие отсталости, войны и разрухи, и позволяли разрешить в интересах большинства народа острейшие проблемы — о мире, о земле, о национальном освобождении.

Если первая точка зрения воспроизводит, в сущности, наши прежние догматические стереотипы о "железной" непреложности действия общественных закономерностей, наперед исключающих иные варианты, кроме революционной развязки кризиса, то две последние кажутся мне основанными на различном понимании исторической альтернативы. Они, во всяком случае, не должны были бы вести к однозначному выводу об отсутствии в 1917 г. альтернативы Октябрю. (Для сравнения: общепринято и, по сути, бесспорно положение, что в нынешних условиях в нашей стране альтернативы перестройке нет. Но это вовсе не значит, что в реальной действительности нет иных вариантов развития.)

Читателю, вероятно, интересно будет узнать точку зрения зарубежных историков-немарксистов. Они начали разрабатывать вопрос об альтернативах Октябрю раньше нас и ведут исследования более активно. Делаются попытки воссоздать картину возможного развития России без Октябрьской революции и социализма. При этом за образец, как правило, берется "западный путь" капитализма и буржуазной демократии.

Историки-немарксисты в большинстве своем считают, что в 1917 г. не только была буржуазно-демократическая альтернатива социалистической революции, но более предпочтительны для России были бы капитализм и буржуазная демократия. Лишь отдельные американские исследователи видят в истории 1917 г. и другие упущенные возможности — например, образование однородно социалистического правительства, составленного из большевиков, меньшевиков и эсе-

ров. Надо заметить, что и известная часть советской интеллигенции, устав от наших догматических постулатов и победоносных схем, стала в годы застоя внимательнее вглядываться в предреволюционное прошлое и даже задним числом примерять к России западноевропейскую модель развития.

Мои размышления о 1917 г. (а впервые я задумался над проблемой выбора путей общественного развития более 30 лет назад) привели к выводу, что альтернатива Октябрьской революции действительно была, но она не была реализована.

Исходный пункт — Февральская буржуазная демократическая революция.

Известно, что после поражения первой российской революции 1905—1907 гг. между классами и партиями целое десятилетие шла борьба вокруг двух возможностей буржуазного развития: либо Россия путем реформ "сверху" превращается в конституционную буржуазную монархию, либо новая революция сметает царизм. Либеральная буржуазия, возглавляемая партией конституционных демократов (кадетов; официальное наименование — партия народной свободы), стремилась направить развитие страны по первому пути и тем предотвратить революционные потрясения. Но своей цели она старалась достигнуть путем соглашения и раздела власти с царизмом, добиваясь от него уступок в политической области и рассчитывая на "благоразумие" правящих кругов. "До последней минуты я всетаки надеялся, — говорил позднее один из кадетских лидеров, А. И. Шингарев, — ну вдруг просветит господь бог — уступят... Согласие с Думой (то есть буржуазно-помещичьей оппозицией. — *П. В.*), какая она ни на есть, последняя возможность избежать революции".

Но Николай II и дворцовая камарилья во главе с Распутиным непримиримостью к буржуазной оппозиции, нежеланием поступиться хотя бы частицей власти наглухо заблокировали возможность каких-либо реформ. Февральский взрыв стал исторической неизбежностью. А с ним и альтернатива: или социалистическая революция, или буржуазно-реформистское преобразование, очищающее социальные и экономические структуры страны от остатков феодализма и утверждающее буржуазно-демократический строй.

Итак, почему же не состоялся в 1917 г. буржуазно-реформистский путь развития? Почему Россия, не завершив еще буржуазной эволюции к зрелому и свободному от остатков феодализма капитализму, не закрепив демократического строя, круто повернула, причем раньше передовых стран Запада, на новый, социалистический путь?

Февральская революция, свергнув царизм, превратила Россию по политическому строю в одну из передовых демократических стран мира и тем не менее не разрешила давно назревших задач. В самом деле, и при новом, буржуазном правительстве продолжалась тяжелейшая, ненавистная народу война. Оставался нерешенным вопрос о земле, обостряя вековой конфликт между многомиллионным крестьянством и горсткой помещиков. Рабочий класс подвергался варварской эксплуатации, а его основные требования (о введении 8-часового рабочего дня, о повышении заработной платы и т. п.) осуществлялись правительством и капиталистами при сильнейшем напоре снизу. День ото дня усиливалась хозяйственная разруха. Крайне острыми были и противоречия между чаяниями народов национальных районов России и великодержавно-шовинистической политикой русской буржуазии. Народные массы, организовавшись вокруг возникших по всей Стране Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, стремились к удовлетворению своих требований и установлению подлинного народовластия. Буржуазия, напротив, жаждала скорейшего восстановления ”порядка” и ”твердой власти”.

”На бирже знали, — писал позднее крупный деятель московской торгово-промышленной буржуазии П. А. Бурышкин, — что революция только начинается, а до чего она дойдет — неизвестно”.

Придя к власти, буржуазия хотела либо оттянуть разрешение неотложных задач, либо пойти на реформы, но такие, которые не затрагивали бы коренных интересов и привилегий капиталистов и помещиков. В отличие, например, от французской буржуазии в 1793 г., русская не смогла пожертвовать отжившим свой век помещичьим землевладением и потому лишилась поддержки крестьянства. Точно так же правящая буржуазия не хотела отказаться и от продолжения войны, в сущности, из-за химерических планов импери-

алистических захватов. Совсем не случайно лидер кадетов П. Н. Милюков, в бытность его министром иностранных дел в первом Временном правительстве, получил прозвище Милюков-Дарданелльский.

Временное правительство, называвшееся временным именно потому, что управляло страной до Учредительного собрания, всячески саботировало его созыв: буржуазия резонно опасалась, что в обстановке демократической революции это собрание окажется слишком левым. Поэтому, по словам одного из кадетских деятелей, следовало вести дело так, чтобы Россия пришла к Учредительному собранию "измученная и обессиленная, растерявшая по пути значительную часть революционных иллюзий".

В отношении социальных реформ буржуазия заняла однозначную позицию: "сначала успокоение, а потом реформы". Она близоруко рассчитывала, как выразился один из ее авторитетнейших представителей, П. П. Рябушинский, что "все обойдется и русский народ никого не обидит". Не обошлось! Прав был Джон Рид, когда в своей знаменитой книге "Десять дней, которые потрясли мир" отметил: "...буржуазии следовало бы лучше знать свою Россию". История свидетельствует, что за незнание страны и народа, игнорирование его нужд правителям рано или поздно приходится расплачиваться...

До осени 1917 г. в народном движении главенствовали демократические партии — меньшевики и эсеры, с 5 мая они входили во Временное правительство, то есть стали наряду с кадетами правящими и правительственными партиями. Их целью было решить назревшие задачи реформистскими методами, вывести страну из кризиса и обеспечить ее развитие по буржуазно-демократическому пути. Меньшевики были убеждены, что Россия в силу ее отсталости еще не созрела для социализма, и считали, что "пределом возможных завоеваний... является полная демократизация страны на базе буржуазно-хозяйственных отношений".

В. И. Ленин так оценивал намерения эсеро-меньшевистского блока: "Партии эсеров и меньшевиков могли бы дать России немало реформ по соглашению с буржуазией". Но "реформами не поможешь. Пути реформ, выводящего из кризиса — из войны, из разрухи *нет*" (*Полн. собр. соч. Т. 32. С. 386, 407*). Действительно, ситуация, сложившаяся в 1917 г., особенно

в июле — октябре, после мирного периода развития революций, оставляла мало места для реформистских решений основных проблем. Во-первых, крайняя острота классовых противоречий затрудняла наведение реформистских мостов и достижение консенсуса между имущими классами и трудящимися. Во-вторых, узел многочисленных и сложных проблем был затянут так туго, что его реформистская "развязка" требовала большого искусства и времени. В-третьих, практика показала крайнюю слабость буржуазии и мелкобуржуазных демократов, их неспособность реализовать реформистские возможности.

Меньшевики и эсеры возлагали надежды на опыт, знания и созидательно-организационные способности русской буржуазии. Но она не оправдала и не могла оправдать их надежд. Сформировавшаяся в условиях царского абсолютизма и потому политически малоопытная, консервативная, экономически исключительно узкокорыстная, лишенная, в отличие от западноевропейской, какого-либо престижа в глазах народных масс, предрасположенная не к уступкам народу, а к авторитарным методам правления — такая буржуазия менее всего была пригодна стать носителем реформизма.

В связи с этим вспомним глубокое наблюдение Н. Г. Чернышевского: "Есть в истории такие положения, из которых нет хорошего выхода — не оттого, чтобы нельзя было представить его себе, а оттого, что воля, от которой зависит этот выход, никак не может принять его".

Конечно, неправильно не видеть, как мы это делали раньше, что русская буржуазия кое-чему научилась в ходе революции. Уровень ее политической сознательности заметно вырос. Она, например, быстро овладевала опытом политического блокирования с реформистскими партиями. Достаточно напомнить, что, когда в дни апрельского кризиса власть Временного правительства повисла в воздухе, правящие буржуазные круги совершили искусный маневр, проверенный опытом Запада, — пошли на создание коалиционного правительства с участием "умеренных социалистов" — меньшевиков и эсеров. И все же буржуазии по-прежнему роднее и ближе были старые, царистские — грубые и насильственные — формы политической борьбы и государственного управления. И уже в апреле, если

не раньше, она затосковала по военной диктатуре. А после июльских дней и временного поражения большевиков орган крупной московской буржуазии — газета "Утро России" поставила вопрос ребром: "Нечего бояться слова "диктатура". Она необходима!" В своей печально знаменитой речи на II Всероссийском торгово-промышленном съезде в Москве 3 августа Рябушинский цинично заявил, что "нужна костлявая рука голода и народной нищеты" для ликвидации "разных комитетов и советов".

Народные массы верно поняли смысл этого наглого призыва — революционный народ собирались удушить голодом. В свою очередь, в анархически настроенных кругах раздавалось — "сделать из буржуев антрекот". Нужно ли говорить, что подобные выступления лишь углубляли пропасть между имущими и трудящимися классами?!

Близорукая политическая позиция буржуазии предопределила и банкротство реформистской политики эсеров и меньшевиков. Предпринимавшиеся ими робкие попытки реформ разбивались о сопротивление и саботаж буржуазии, ее министров и старого чиновничьего аппарата. Осенью 1917 г. это вынуждены были признать сами вожди меньшевиков и эсеров. Так, один из руководителей меньшевиков, Б. О. Богданов, в речи на Демократическом совещании 14 сентября, заявив о своей принципиальной приверженности коалиции с буржуазией, сказал: "Одна часть правительства (буржуазная. — *П. В.*) непрерывно тормозит работу другой (социалистической. — *П. В.*); то обстоятельство, что все реформы тормозятся, оторвало правительство от широких слоев народа". А бывший министр Временного правительства В. Чернов, оценивая на страницах эсеровской газеты "Дело народа" деятельность правительства, заявил, что "оно оказалось пораженным творческим бесплодием". Соглашательство с буржуазией связывало по рукам и ногам и реформаторскую деятельность мелкобуржуазных демократов. Так, левоменьшевистская газета "Новая жизнь" писала о двойственности, фактически о двуличии политики эсеров в земельном вопросе: "Для народа — громы и молнии против помещиков. А на деле нечто иное". Разработанный эсерами в Главном земельном комитете проект земельной реформы предусматривал сохранение помещичьего землевладения. "Главные реакционные

гнезда", "главная опора старого режима — помещики — будут на своих местах".

В конечном счете лидерам меньшевиков и эсеров пришлось, по сути, отказаться от программы социальных реформ, принеся их в жертву политике сотрудничества (соглашательства, по терминологии того времени) с буржуазией. А ведь массы, особенно крестьяне и солдаты, в первые месяцы революции доверяли эсерам и меньшевикам, надеялись, что можно будет все вопросы разрешить ко всеобщему благу посредством реформ и соглашения с буржуазией.

Немалые шансы решить животрепещущие проблемы путем реформ существовали в первые месяцы революции. Но для этого буржуазия должна была пойти на компромисс с народом. Она этого не сделала и не смогла даже найти общего языка по вопросу о земле с зажиточной, кулацкой частью крестьянства.

В России 1917 г. вообще трудно давался политический диалог и неохотно заключались компромиссные соглашения. Так, известно, что руководящие центры меньшевиков и эсеров, кичившиеся своей политической культурой, отказались от компромисса, предложенного им большевиками после поражения корниловщины, — от перехода власти к эсеро-меньшевистским Советам и разрыва блока с буржуазией (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 244*). Сейчас трудно судить, какую перспективу политического развития это открыло бы перед страной, но одно несомненно: удалось бы избежать раскола революционных и демократических сил (или отсрочить его), а значит, предотвратить гражданскую войну.

Под влиянием официальной исторической науки у нас десятилетиями складывались представления о большевиках как бескомпромиссных и беспощадных революционерах. Но именно они в марте — октябре 1917 г. были единственной политической силой в стране, которая проявляла готовность к диалогу с демократическими партиями. Кстати, именно политический блок с левыми эсерами и компромисс с трудящимся крестьянством позволили Второму Всероссийскому съезду Советов принять знаменитый Декрет о земле и обеспечили победу Октября.

За восемь месяцев пребывания буржуазии и соглашателей у власти ни земли, ни мира, ни хлеба, ни закона о 8-часовом рабочем дне, ни ослабления хо-

зяйственной разрухи народные массы не получили. А ведь ради этого они боролись и проливали кровь в Февральской революции! Что касается Учредительного собрания, то о перспективах его созыва меньшевистская газета "Свободная жизнь" писала в начале сентября: "Не везет Учредительному собранию! Его откладывают, о нем забывают, к нему не готовятся". Оно отложено на девять месяцев — "страшно длинный срок, какого не знала ни одна европейская революция".

Как видим, причин для роста народного недовольства было более чем достаточно.

Чувствуя приближение развязки, эсеровская газета "Дело народа" 14 октября 1917 г. заклинала правительство: "...нужно дать, наконец, массам почувствовать осязательные результаты революции, ибо семь месяцев революционного бесплодия привели к разрухе, к анархии, к голоду". Добавим, что из-за военных поражений и политической нестабильности внутри страны резко ослабли международные позиции России и она, по сути, перестала быть великой державой. Более того, ей угрожало территориальное расчленение и удушение со стороны империалистических государств. По поводу этой угрозы били тревогу большевики, о ней заговорила и меньшевистская печать.

Большевистская партия трезво оценила катастрофическое положение страны осенью 1917 г. и указала на революционный выход из тупика как верный путь национального спасения. Если меньшевики и эсеры, хотя и считали себя революционерами, испытывали страх перед "революционными потрясениями" и "взбунтовавшейся чернью", то большевики, напротив, открыто провозгласили неотложную необходимость социалистической революции. Ленин и большевики рассматривали переход к социализму не как некий сверхъестественный "прыжок в неведомое", а как практический выход из кризиса буржуазно-помещичьего строя, то есть как конкретный ответ на конкретные проблемы общественного развития.

В самый канун Октября произошла резкая поляризация классовых и политических сил на два противостоящих друг другу фронта: революции и контрреволюции. Такова, как показывает опыт истории, логика революционных кризисов в буржуазном обществе — они подводят все классы и партии к аль-

тернативной формуле: либо диктатура пролетариата, либо диктатура контрреволюционной военщины. В таких ситуациях открытой конфронтации революционных и контрреволюционных сил у средних элементов, сторонников реформистского пути, шансы на промежуточное решение падают до нуля. Это, в частности, показала судьба "формулы перехода" Предпарламента, о которой мы вели речь в начале статьи.

На повестку дня выдвигаются новые альтернативы. Русская буржуазия, давно уже жаждавшая военной диктатуры, осенью 1917 г. окончательно отказывается от буржуазной демократии и, следовательно, от всяких реформистских идей. Позднее, находясь в эмиграции, это признал лидер кадетской партии П. Н. Милюков. Он писал, что в стране тогда создалось "парадоксальное положение": буржуазная республика защищалась "одними социалистами умеренных течений", утратив в то же время "последнюю поддержку буржуазии". Вот политический портрет резко поправевшего к осени 1917 г. русского либерализма, нарисованный не большевистским, а левоменьшевистским публицистом: "Выглянула на свет божий никому до сих пор неведомая ипостась либерала: искаженное бессмысленной злобой лицо без всяких признаков не только "благородства" или "культуры", но и какой-либо вообще мысли на челе; широко отверстые уста, брызжущие ядовитой слюной, извергающие целые потоки базарной ругани, самой нелепой лжи и клеветы, требующие жестокой расправы с волнующимися крестьянами, рабочими, солдатами и в особенности с агитаторами, злонамеренности которых приписываются все беды переживаемой нами "анархии". Буржуазия взяла курс на подготовку контрреволюционного мятежа — "второй корниловщины".

Теперь народным массам фактически приходилось выбирать не между властью Советов и буржуазной демократией (в лице резко поправевшего и ненавистного Временного правительства), как в первые четыре месяца революции, а между властью Советов и диктатурой контрреволюционной военщины. Суть сложившейся в канун Октября альтернативной ситуации вождь большевиков выразил так: "Выхода *нет*, объективно нет, не может быть, *кроме* диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата" (*Полн. собр. соч. Т. 34. С. 406*). Исторически бесспорно, что если бы

большевики промедлили со взятием власти и не упредили контрреволюцию, то слабое правительство Керенского сменила бы военная клика. Наступили бы десятилетия жесточайшего белогвардейского террора (вероятно, не уступающего сталинскому), социального, экономического и культурного регресса.

Одновременно осенью 1917 г. грозные очертания приобрела и новая альтернатива: возможность анархистского бунта — "бессмысленного и беспощадного", говоря словами А. С. Пушкина. О нарастании анархистского движения в стране с тревогой сообщали все левые газеты и со злорадством — правые. Стихийный бунт был чреват гибелью культуры и в конечном счете также обернулся бы иностранным вмешательством и торжеством контрреволюционной диктатуры. Одной из причин, почему Ленин торопил большевиков со взятием власти, были опасения, что стихийный взрыв анархии опередит все расчеты и планы.

Императив истории оказался таким: Россия, чтобы остаться Россией, должна стать социалистической.

Буржуазные историки в рассуждениях о нашей революции обходят главное — степень вероятности реформистской альтернативы. Мы, напротив, считаем необходимым подчеркнуть, что в условиях российской действительности 1917 г. она была невелика (неизмеримо меньше откровенно контрреволюционной).

Никому не возбраняется вздыхать по несостоявшимся буржуазным альтернативам Октября. Но реалии таковы: перевес сил был на стороне революционного народа, и он решил вопрос о выборе пути в свою пользу, избрав социализм.

В. СТАРЦЕВ,
доктор исторических наук

Человек с ружьем в Октябре

В события 1917 г. хлынули толпы политических дилетантов, выхватывая из них то, что им нравится, черпая из одних и тех же источников и аргументы, и контраргументы. На заре перестройки нам объяснили, что Октябрьская революция — закономерность, а ленинский нэп был верной дорогой к социализму, с которой столкнул страну Сталин, и все дело лишь в том, чтобы "вернуться" к Ленину. Теперь же многие печатные страницы громко кричат, что и революция была навязанной народу и ненужной, и ленинский план был неверен, и сам Ленин ничем не лучше Сталина.

Это уже не дискуссия и даже не перебранка. Дилетанты отбирают в истории лишь то, что подкрепляет их веру. Их ведет не научный поиск, а жажда реванша. Мы, похоже, подходим к черте, когда диалог исчерпал себя, а споры могут быть продолжены оружием, заряженным не словами, а настоящими патронами. Оглушительный крик взаимных обвинений заглушает лязг гусениц боевых машин пехоты на подмосковных дорогах, оглохшие уши спорщиков не слышат характерного шума двигателей десантных самолетов... Нас подстерегает грозная опасность, которая грозит всем — и реформаторам, и оппозиционерам, и антикоммунистам. Вот почему мне хотелось бы, отдавая историческую дань Октябрю 1917 г., напомнить нашим современникам о роли армии в тех давних событиях, о Человеке с ружьем в Октябре.

Десятимиллионная армия сыграла важнейшую роль и в свержении царского строя, и во всех политических кризисах, сотрясавших Россию в течение восьми месяцев небывалой свободы, и, наконец, в октябрьских событиях. А дальше? Четыре года гражданской войны! И по обе стороны десятков фронтов — полки, дивизии,

армии, артиллерия, танки, броневики, самолеты. Каждая из сторон старалась решить идейные споры силой оружия, имея, в сущности, равные шансы.

И есть еще одна причина, почему я выбрал эту "военную тему" для октябрьской статьи. Это сегодняшнее положение армии и та борьба против деполитизации, которую ведут некоторые военные. Пусть почитают, что сделала с армией безудержная политизация в 1917 г., пусть сделают выводы, если они способны на это. Ведь каждому ясно, что сохранение даже слегка перекрашенных президентским указом политорганов КПСС в Советской Армии приведет к безудержному желанию других, в том числе и антикоммунистических, партий иметь в армии своих представителей, а затем и закон о равных правах всех партий на ведение политической борьбы в Вооруженных Силах. Неизбежная демократизация армии приведет к созданию десятков параллельных структур, которые разрушат хваленую воинскую дисциплину, как карточный домик. В 1917 г. после Февральской революции, старое начальство во главе с главнокомандующим генералом Алексеевым всего месяц сумело противодействовать демократизации армии, созданию солдатских комитетов всех уровней. Октябрист Гучков, ставший первым революционным военным министром, вынужден был уволить сто генералов, высших воинских начальников. Уже в марте 1917 г. военные действия, еще до всякой большевистской пропаганды мира, фактически прекратились, дисциплина таяла с каждым днем. В тыловых гарнизонах была отменена вечерняя поверка: солдаты ночевали у подружек на частных квартирах, приходили поутру, халтурили на заводах и у частников, а главное — посещали бесчисленные митинги и быстро усваивали посильные уроки демократии...

Опасность этого процесса для армии, для государства, для национальных интересов России видели многие, в том числе и некоторые русские генералы. На этой почве в июле 1917 г. возникло корниловское движение, в котором соединились контрреволюционно настроенные генералы, верхи русских капиталистов и буржуазной партии кадетов. Добившись от Керенского назначения Корнилова Верховным главнокомандующим русской армией, они начали подготовку военного переворота. И это — архиактуальная глава истории революционного 1917 г. в ее военном

изложении. Уже в середине августа, в дни, когда в Большом театре шло собранное правительством "Государственное совещание", Корнилов под видом учений и стратегических перебросок начал подтягивать казачьи части к Москве. Но эти планы были вовремя разоблачены офицерами, членами социалистических партий. Руководители Московского военного округа выступили против заговора.

Но Корнилов не отступил, стал готовить поход на Петроград, Керенского же приказал привезти в Ставку, в Могилев, заставить его сначала "освятить" военный переворот, а потом — уничтожить. Однако хитрый политик переиграл храброго, но недалекого генерала. Керенский выдал Корнилова демократам —руководителям тогдашних Советов. Заговор был подавлен без единого выстрела. Но судьба армии была плачевна. Остатки воинской дисциплины улетучились. В начале сентября по армии прокатилась волна линчевания командиров. Солдаты вешали, расстреливали, топили своих начальников. Офицерская тирания в русской армии сменилась разудалой солдатской вольницей. Такая армия уже не могла сражаться. Единственной мечтой и целью солдат стал конец войны и демобилизация. Во всем этом нет никакой вины большевиков. Это следствие мощного стихийного влияния революции и межпартийной политической борьбы, тяги солдатской массы, скованной до этого мордобоем и заградительными отрядами, к таким же, как "на воле", демократии и гражданским правам.

Было, правда, существенное отличие от сегодняшнего положения. Большинство тогдашних солдат были крестьянами. И дома их ждала земля. Вернее, приращение земли. Ведь главным требованием крестьянства в Европейской России было ликвидировать помещичье землевладение и передать всю землю тем, кто ее обрабатывает. Это требование оформляла миллионная партия социалистов-революционеров.

Российское крестьянство до осени 1917 г. верило эсерам и Керенскому как главе правительства, надеялось на быстрое получение земли. Но эсеры и Керенский все медлили, призывали ждать Учредительного собрания, его же оттянули до начала декабря. И крестьяне как в деревне, так и на фронте устали ждать. В Центральной России заполыхал огонь крестьянского восстания: жгли помещичьи усадьбы, захватывали зе-

мли, делили скот и орудия труда, тащили барскую мебель, выкапывали из могил предков своих господ, обирали трупы и вешали вверх ногами. А на фронте солдаты стали отворачиваться от эсеров и поддерживать большевиков, которые обещали мир и землю на второй день после взятия власти.

Социалистические партии создали в армии стройную структуру параллельной власти: это были ротные, батальонные, полковые, дивизионные, корпусные и армейские комитеты. В высших звеньях они состояли главным образом из эсеров. Так вот, солдаты стали переизбирать комитеты вплоть до полковых, а высшие эсеровские комитеты превратились в штабы без армий. Особенно быстро шел этот процесс в тыловых гарнизонах, прежде всего в Петроградском, где только в самом городе находилось свыше 150 тыс. человек, а в пригородах — еще столько же. Сентябрь и начало октября 1917 г. — это время "большевизации" Петроградского гарнизона.

Только своими силами большевики — а их в начале октября в Петрограде было всего 49 тыс. — никогда не смогли бы произвести вооруженное восстание, захват власти. Рабочая Красная гвардия, при всем ее пролетарском духе и классовом чутье, была бы разбита армейскими частями, если бы они поддерживали Временное правительство. Да и было красногвардейцев к 25 октября чуть больше 20 тыс. Без солдатской массы, без регулярных гвардейских и армейских частей Октябрьская революция была бы делом безнадежным и самоубийственным для большевистской партии.

Могут возразить, что и среди солдат большевики имели членов своей партии. Да, но всего 5 тыс. человек. Это капля в 300-тысячном море солдат Петроградского военного округа. Главной причиной того, что солдаты гарнизона поддержали большевиков, была не "оргработа" этих 5 тыс., а политическая платформа большевиков, их лозунги, понятные и желанные для солдат.

Среди тех обстоятельств, которые сделали Октябрьский переворот не только возможным, но и неизбежным, была и позиция Временного правительства, Керенского и военных властей в Петрограде. Военный министр генерал Верховский еще 17 октября сказал Керенскому, что военных сил для подавления готовящегося восстания у правительства в Петрограде нет.

Его поддержал и морской министр адмирал Вердеревский. Это означало, что правительство может удержаться у власти только в результате политических мер и маневров. Керенскому подсказывали их: немедленные инициативы с целью выхода из войны, скорейшая передача помещичьей земли в руки крестьян без выкупа, реорганизация власти для создания правительства только из представителей социалистических партий. Но Керенский весьма высокомерно и упрямо отвергал эти советы. Тогда военный министр выступил на заседании комиссии Предпарламента и предложил свой план заключения сепаратного мира с немцами и реорганизации армии на добровольческих началах с демобилизацией всех частей старой армии.

Оставались буквально считанные дни, для того чтобы предотвратить восстание политическими мерами. Но Керенский опять не согласился, а военный министр был уволен в двухнедельный отпуск "по болезни" и отправлен на остров Валаам. Главнокомандующим войсками Петроградского военного округа был в этот момент подполковник Полковников. Керенский обратил внимание на этого казачьего офицера из-за забавного сочетания звания и фамилии. Премьер назначил его новым начальником округа и присвоил очередное звание полковника.

Не берусь утверждать, что Полковников сознательно вводил в заблуждение Керенского, утверждая, что обладает полным контролем над гарнизоном, что войска выполнят любое приказание правительства. Может быть, он и сам так думал. Но первые же столкновения с большевиками 21—22 октября показали, что солдаты выполняют их приказы, а вовсе не своего прямого начальства.

Большевики открыто создали вместе с левыми эсерами параллельный штабу округа Военно-революционный комитет. Он и стал высшей военной инстанцией в Петрограде в Октябрьские дни. Назначенные ВРК комиссары приняли политическое руководство большинством частей гарнизона. Солдаты на собраниях в частях признали их, и командиры вынуждены были подчиниться ВРК. Так Временное правительство оказалось фактически беззащитным в столице, став заложником сотен тысяч солдат.

Лишь около 3 тыс. человек находились в Зимнем дворце, когда к утру 25 октября весь Петроград нахо-

дился уже в руках частей, подчинявшихся Военно-революционному комитету Петроградского Совета. После осады Зимнего, продолжавшейся 8 часов, из этих 3 тыс. две с половиной покинули позиции с согласия осаждавших. В момент захвата дворца только 500 юнкеров еще оставались в здании. Они сдались без боя, и правительство было арестовано.

Так русская армия помогла утвердиться большевистскому Совету Народных Комиссаров. Советское правительство было посажено в Смольный главным образом штыками солдат Петроградского гарнизона, и без их поддержки большевистская власть не удержалась бы и дня.

...Сегодня в нашей армии не 10 млн человек, но разрушительная сила ее вооружения в десятки раз превышает силу русской армии времен первой мировой войны. Армия — это последний работающий инструмент общегосударственного единства в распадающемся СССР. Будем же оберегать ее. Деполитизация армии — единственное средство для ее сохранения. Но дни, когда это еще можно сделать, наперечет.

П. МИЛЮКОВ,
русский историк, белоэмигрант, один из ведущих лидеров партии конституционных демократов

Почему большевики взяли верх?[1]

Всего восемь месяцев (февраль — октябрь) отделяют первую революцию 1917 г. от второй. Мы теперь знаем, почему была неизбежна первая революция, Февральская. Но почему стала необходима вторая, Октябрьская? Этот вопрос тем естественнее, что обе революции стояли в полнейшем контрасте друг с другом. Первую, Февральскую, мы называли "бескровной" и считали национальной и разумной. Это был плод порыва всех частей нации и всех политических групп — включая и консервативные — к освобождению от устаревшей политической формы, мешавшей объединить все силы нации в общем усилии самозащиты от внешнего врага. Но вторая революция, Октябрьская, наоборот, разъединила нацию и стала сигналом длительной гражданской войны, в которой были применены худшие виды насилия. В противоположность национальному характеру Февральской революции Октябрьский переворот сам объявил себя интернациональным. Руководство революцией перешло при нем от признанных лидеров — оппозиционеров Думы последнего десятилетия — к группе вождей, только что бывших изгнанниками и собравшихся в Россию со всех концов света — из Женевы, Парижа, Лондона, Нью-Йорка. Самые цели, в противоположность определенному национальному заданию февральского переворота — спасти Россию от поражения, были явно утопическими — коммунизм в России и во всем мире. Как же случилось, что эта утопическая и интернациональная по своей вывеске революция победила разумную и национальную? И как случилось, что разумная и на-

---

[1] Отрывки из главы "Почему большевики взяли верх?" первого тома книги "Россия на переломе" (Париж, 1927). Публикация по журналу "Коммунист" (1990. № 15). — *Ред.*

циональная революция просуществовала всего восемь месяцев, тогда как утопическая и интернациональная приближается уже к своему десятилетию? Попытаемся ответить здесь на первый из этих вопросов...

Первый и общий ответ нетруден. Русская революция не была бы революцией, если бы она остановилась на первой стадии и не дошла до крайностей. Проделать все стадии — такова судьба всех настоящих революций. Все они начинались сравнительно скромно и сдержанно — и все развивали крайние тенденции, по мере того как власть ускользала из рук умеренных групп, захвативших ее первоначально, и попадала в руки импровизированных вождей неорганизованных масс. Чем эти вожди могли привлечь к себе внимание масс? Очевидно, прежде всего резкой критикой поведения своих предшественников. Массы, естественно, недоверчивы и подозрительны. Раз революция началась, у них появляется инстинктивная боязнь, как бы она не кончилась слишком рано и слишком близко к своему исходному пункту. Масса не хочет вождей и политических партий, которые становятся ей известны в готовом виде, но желают говорить от ее имени. Она не верит во все то, что имеет прошлое. Она хочет выбирать и санкционировать своих вождей сама — и останавливается на последних пришедших. Все предыдущие, хотя бы они были деятелями той же революции, очень скоро дискредитируются как "контрреволюционеры", желающие остановить революцию раньше ее естественного конца и, следовательно, лишить массы каких-то возможных, но неизведанных достижений. Уроки прошлого при этом не научают, даже если и становятся известны: каждая нация должна, очевидно, сама проделать свой собственный опыт.

Вот почему никакая большая революция не ограничивается своей первоначальной целью — более или менее драматическим свержением старой центральной власти. Революция есть сложный и длительный процесс: постепенная смена настроений в широких социальных слоях. Нужно время, чтобы этот процесс начался в массах и прошел через все свои естественные стадии. Пока они не пройдены, революция должна следовать своему неизбежному курсу и не может остановиться на середине. Революционный пожар должен выжечь дотла все, что уцелело от низвергаемого порядка, — не только все учреждения, но и все пережитки

психологии. Она останавливается среди созданных ею развалин и произведенного опустошения лишь тогда, когда с удовлетворением замечает, что среди элементов предстоящей реконструкции нет сомнительных: все зелено, но не гнило. Только тогда она успокаивается на социальных и политических достижениях, не допускающих реставрации и наверное не имеющих связи с прошлым.

С этой точки зрения и "коммунистическая" революция 25 октября 1917 г. не есть что-то новое и законченное. Она есть лишь одна из ступеней длительного и сложного процесса русской революции. Мы увидим, что никакого "коммунизма" не было введено в России и что сами коммунисты в процессе революции должны были приспособляться к условиям русской действительности, чтобы существовать. Большевистская победа в этом смысле лишь продлила общий процесс русской революции. Она только открыла новый период ее. Существенна в этой победе не поверхностная смена лиц и правительств — и даже не перемена их тактик и программ, а непрерывность великого основного потока революционного преобразования России, плоды которого одни только и переживут все отдельные стадии процесса.

Таков общий и предварительный ответ на вопрос, почему большевики победили. Он, однако, настолько общ, что в нем тонет и уничтожается отдельная роль лиц и партий и устраняется вопрос об их индивидуальной ответственности. Вопрос об ответственности для историка может быть неинтересен. Но и для него — для простого понимания индивидуального исторического процесса, для объяснения национального лица революции — эти подробности необходимы. Может быть, ничто не могло случиться иначе, чем случилось. Но почему оно случилось именно так, а не иначе?.. Мы не можем уклониться от выяснения тех же индивидуальных черт, унаследованных от этого исторического прошлого, в настоящем, в самом процессе революции.

Итак, что заставило русскую революцию в ее индивидуальном процессе развиваться по тем ступеням, которые она проходила? В Великой французской революции, например, мы знаем, каковы были эти движущие пружины, превратившие скромное начало в настоящую революцию, в глубокий национальный массовый процесс. Были ли налицо те же мотивы в русском

дореволюционном движении? Как будто их не было. Прежде всего, у нас не было той борьбы за и против старой неограниченной власти, которая составила содержание первого периода французской революции. Царская власть сдалась сразу — после отречения Николая и после отказа назначенного им преемника, великого князя Михаила, взойти на престол раньше решения Учредительного собрания. Наши монархисты сразу стушевались, и не было учреждения, в котором могла бы вестись словесная борьба за прерогативу царской власти. Формально или фактически все политические течения, продолжавшие активно участвовать в политике, — даже и консервативные — стали республиканскими. Затем, у нас не было того страха перед иностранным нашествием, не было тех опасений, что придут иностранцы и восстановят свергнутую власть, которые доводили до пароксизмов отчаяния и паники общественное мнение времен Национального собрания и Конвента французской революции. У нас не было в то время и знатных эмигрантов, которые бы настаивали перед иностранными дворами на интервенции. Эта опасность отчасти появилась потом, при классовой Октябрьской революции. Но в первой стадии, Февральской "бескровной" революции, русский революционный процесс не имел никаких видимых врагов — ни "внутренних", ни "внешних". Долгое время ссылка на "контрреволюционную опасность" оставалась лишь демагогическим приемом, лишенным реального основания, если не считать, что "контрреволюция" существовала потенциально.

И однако же этот аргумент постоянно употреблялся, чтобы "толкать" вперед революционный процесс. Целью было при этом выдвижение вперед "революционной демократии", сперва в ее умеренных, а затем и в ее неумеренных элементах. Самый термин "революционная демократия", придуманный специально Церетели для данной конъюнктуры, оказался достаточно неясен и эластичен, чтобы в пределах восьми месяцев между Февралем и Октябрем послужить для ряда политических модуляций из более умеренных в более крайние тона. Конечным результатом этих модуляций было то, что был откинут, как ставший ненужным, и самый термин "демократия". Но, очевидно, не эта политическая терминология, употребление которой ограничивалось верхами, могла сама по себе двигать

вперед революционный процесс. Действительные пружины, менявшие настроения масс, скрывались внутри; о них до времени не говорили, а отчасти даже их и не замечали. Тем не менее эти пружины были весьма реальны. В них надо разобраться, если хотим объяснить себе индивидуальное лицо русского революционного процесса.

Главной и основной пружиной, развертывавшейся в этом процессе постепенно, но неуклонно, надо считать войну — с ее внешним ходом и с ее последствиями на фронте и внутри России. Неудачный ход войны дал, в сущности, успех Февральской революции в лице ее решающих факторов (Дума, военные вожди). Но положительное отношение революционной власти к продолжению войны послужило затем первой причиной ее ослабления. Та же война еще до революции воспитала "пораженческие" кадры, помогла им организоваться в международном масштабе (Циммервальд), а после революции двинула эти кадры против деятелей Февральской революции и дала часть основной программы Октябрьскому перевороту. Наконец, последствия войны на фронте и внутри России заранее расположили народные массы в пользу тех, кто явился самым смелым отрицателем войны — и вместе с тем оказался отрицателем Февральской революции. Война в этом смысле приготовила народ к Октябрьской революции. Разобравшись во всех перечисленных моментах влияния войны на революцию, мы ближе подойдем и к пониманию главных особенностей русской революции.

Конечно, война не была единственным фактором. О нем даже меньше других говорили в процессе революционной борьбы. Только к концу февральской стадии значение этого фактора стало пониматься в широких кругах. На первом плане стояли другие задачи и другие лозунги. "Союзные обязательства", "Учредительное собрание", "земельный вопрос", "рабочий контроль над фабриками", задачи сохранения производительных сил, стремления национальностей... Но политическое содержание всех этих лозунгов по необходимости менялось, смотря по тому, защищались ли они сторонниками продолжения или сторонниками прекращения войны, защитниками Февраля или подготовителями Октября. Последние постепенно овладевали всеми этими лозунгами, отбрасывая одни, принимая другие в том толковании, какое давали сами

сторонники Февраля, истолковывая, наконец, по-своему в процессе политической конкуренции третьи. Так, по наследству или по контрасту, программа Февральской революции превратилась в программу Октябрьского переворота при активном содействии самой "революционной демократии". Здесь открывается место и повод уже не только для характеристики индивидуальных черт русской революции, но и для оценки поведения отдельных лиц и политических партий. Перейдем же теперь к более внимательному разбору всех отмеченных черт — поскольку это нужно для решения основного вопроса этой главы: почему одержали верх большевики?

"Война до победного конца в теснейшем единении с союзниками" — так формулировало одну из основных задач революции Временное правительство в своем обращении к гражданам 6 марта. Именно эта цель объединила вокруг революции консервативные группы общественного мнения с либеральными, Государственную думу с главнокомандующими армий на всех фронтах. Как бы ни преувеличивали левые элементы (в действительности застигнутые врасплох) свою роль в этой начальной стадии революции, даже и они не могли отрицать, что участие того и другого элемента, Государственной думы и официальных вождей армии, было существенно необходимо для самого успеха революции. Не будь Думы с ее признанными вождями общественного мнения, конечно, ответственные руководители армии, как Алексеев, Рузский и другие, не дали бы царю совета — отречься; вооруженная борьба, которую хотел царь и на которую побуждала его царица, приняла бы иной характер, чем неудачная попытка генерала Иванова. Одни только крайние левые элементы, оставшись без средоточия, которое могло принять на себя власть и овладеть настроением, не смогли бы удержаться. Лучшее доказательство этого — собственное сознание левых элементов. И в этот первый момент, и некоторое время спустя эти левые элементы признавали себя совершенно неподготовленными, чтобы взять власть. Они не хотели даже вводить в состав первого правительства кого-либо из своих (Керенский вошел в значительной степени за свой страх, оказав давление на Совет рабочих депутатов) и ограничивались лишь той или другой степенью контроля и "давления" над "буржуазным" Временным пра-

вительством с целью выиграть время и получить достаточный простор для организации дружественных себе элементов.

Совершенно правы поэтому, с другой стороны, и русские реакционеры, когда они считают думских лидеров ответственными за успех революции. Было бы неправильно со стороны умеренных элементов Думы отрицать свою ответственность после того, как революция приняла не то направление, какого они желали. Совершенно другой вопрос, ответственны ли они за самую эту перемену направления — за дальнейшее развитие революции и переход ее в другие стадии. Тут вопрос осложняется не только тем общим для всех революций законом полевения, который мы отметили выше, но также и тем фактом, что полевение это конкретно совершалось не сразу и не катастрофически, а путем целого ряда переходных оттенков, среди которых менее опытные политические лица и течения разбирались с трудом и разобрались не сразу. Каждое из более умеренных течений оказалось при этом ходе революции в противоречии с самим собой. Раньше чем каждое успело вполне осознать это противоречие, оно приведено было ходом вещей к фактической капитуляции. Так разрешились три основных противоречия, которыми страдали правительственные, оппозиционные и социалистические партии. Умеренная и лояльная, монархически настроенная в своем огромном большинстве Государственная дума первая сдала свою позицию — не только самодержавия, но и монархии вообще. Именно умеренные группы Государственной думы растерялись всего более перед напором крайних тенденций и панически капитулировали перед ними, чтобы затем окончательно исчезнуть с поля политической борьбы. Надо признать, что при огромном расстоянии, которое отделяло эти группы и их политические программы от устремлений эпохи революции, это исчезновение было совершенно неизбежно. Председатель Думы Родзянко имел намерение сделать из Государственной думы практический и правовой фактор, который мог бы влиять на события февральского периода революции. Но это начинание было совершенно безнадежно. Та репутация либерализма, с которой Дума могла выступить в первые дни революции, была создана ей исключительно речами ораторов оппозиции и стояла в решительном противоречии с действитель-

ным составом ее членов — продуктом избирательной кампании 1912 г., проведенной под сильнейшим правительственным давлением. "Прогрессивный блок" этой Думы был прогрессивным только по отношению к тенденциям двора и ставленников Распутина. Легенда о том, что Государственная дума как учреждение стала во главе революции, решив будто бы после своего официального роспуска 26 февраля "не разъезжаться", совершенно не соответствует действительности. Дума, наоборот, послушно подчинилась роспуску — и была в своем целом совершенно не способна на красивый революционный жест. Самый революционный взрыв этих дней не имел никакого отношения к роспуску Думы, о котором ни массы, ни восставшие солдаты совершенно ничего не знали. "Временный комитет членов Государственной думы" был частным учреждением, которое только ходом событий и молчаливым признанием масс было поставлено во главу революции. Вышедшее из среды этого комитета Временное правительство, возглавленное признанным вождем земско-городского движения князем Львовым, не имело другого титула для своего существования, кроме репутации своих членов, конечно связанной с деятельностью большинства их в Государственной думе...

Но у органа русской революции нашелся немедленно и конкурент, предъявивший свои права — пока еще не на участие во власти, а на контроль над нею. В первый же день революции рядом с Государственной думой появился в залах Таврического дворца наскоро созванный Совет рабочих и солдатских депутатов, учреждение, сохранившее в глазах революционизированных масс авторитет со времени неудавшейся революции 1905 г. При обстановке первых дней революции Совет не считал себя призванным захватить тотчас же власть, выпавшую из рук царя. Как только обнаружилась фактически инициатива думского комитета, Совет уступил ему место. Взаимные отношения между двумя учреждениями, из которых одно только — именно Временное правительство — признавало себя и было признано другими законной властью, были установлены на основе соглашения, заключенного 1—2 марта при участии пишущего эти строки. По этому соглашению "демократия" признавала создавшееся правительство "властью", хотя и "создавшейся из общественно-

умеренных слоев общества", но "в той мере, в какой она будет действовать в направлении осуществления (принятых) обязательств", заслуживающей "поддержки демократии", каковая и "должна быть ей оказана".

С момента заключения этого соглашения и фактической ликвидации монархии — при участии консервативных членов Государственной думы — мы вступаем в период действия второго внутреннего противоречия, которое в своей "истории революции" я формулировал словами: "буржуазная власть подчиняется целям социализма". Противоречие это развертывается в том же направлении, как и первое: в направлении капитуляции более умеренного течения перед более крайним, которое, в свою очередь, впоследствии капитулирует перед самым крайним — большевизмом. Обыкновенно этот переходный период революции характеризуется как период "двоевластия" правительства и Совета рабочих депутатов. Но при первом, единственно "буржуазном" из четырех революционных правительств февральского периода, по крайней мере в первое время, этого "двоевластия" еще не было. Правда, с первых же дней была организована "контактная комиссия" представителей Совета рабочих депутатов, которая в определенные дни заседала с представителями правительства в Мариинском дворце, предъявляя правительству свои жалобы или "требования". Но она не отрицала власти Временного правительства, и далеко не всегда ее претензии удовлетворялись. Из провинции уже начали приходить тревожные вопросы, свободно ли правительство и нет ли для него опасности со стороны Совдепа. На эти вопросы члены правительства неизменно отвечали заявлениями о своей полной свободе и о дружественном согласии с Советом. Меньшевик Дан говорил 8 апреля: "Это клевета, будто Совет хочет принять участие в осуществлении государственной власти... Власть — это Временное правительство". Однако вопрос оказался спорным уже на Первом съезде Советов, 30 марта. Стеклов, главный участник "контактных" совещаний, оправдывался тем, что "в первые дни революции не было еще на кого опереться; мы имели перед собою лишь неорганизованную массу... Со всех сторон сообщалось, что в Петроград идут войска с целью усмирения революции...".

В ожидании, пока, достаточно укрепившись, умеренные социалистические партии согласятся "делать буржуазное дело", участвуя в буржуазном правительстве, — первому буржуазному правительству предоставлялось делать "буржуазными руками социалистическое дело". Под этим условием его и терпели. Стеклов, конечно, несколько преувеличивал, когда на том же съезде заявлял, защищая резолюцию одобрения правительству: "...та же самая программа, которую ныне осуществляет Временное правительство под аплодисменты всей российской буржуазии, встретила бы со стороны командующих классов самое энергичное сопротивление, если бы ее проводили мы под фирмой Совета солдатских и рабочих депутатов". Но, во всяком случае, правительство не мешало проведению "той же самой программы" (в ее начальной стадии) и "постольку" до времени терпелось. Церетели, яснее других понимавший невозможность социалистической республики и неизбежность буржуазной, на этом основании защищал правительство. Он придумал, как сказано, для большего удобства защиты эластический термин "революционной демократии", объединявший социализм со всей той частью буржуазии, которая еще не "отпала от революции". Что с течением времени она должна будет "отпасть" и что положение остается временным и переходным, это принужден был признать и сам Церетели в качестве марксиста.

В таком, довольно неопределенном положении было дело, когда 3 апреля приехал в Петроград Ленин. Его тезисы, заявленные на другой же день по приезде, окатили холодным душем даже его приверженцев. Его противники из среды умеренных социалистов и некоторых более наивных радикалов торжествовали: теперь-то, по их убеждению, Ленин должен был разоблачить самого себя — и остаться одиноким в собственной среде. В действительности тут начинался новый, решающий период революции. Среди течений, ослабленных внутренними противоречиями, Ленин один был последователен. И развертывание революции, на котором так настаивали даже и умеренные социалисты, пошло не по их линии, а по линии Ленина. Вот почему, раньше чем мы перейдем к их колебаниям, познакомимся с линией большевиков.

Эту линию можно обозначить одним словом: циммервальдизм. Приехавшие в Россию большевики при-

везли ее из-за границы готовой. Созданная в интернациональной среде, она, естественно, была переполнена интернациональными элементами. Но ее основная пружина — непримиримое отрицание войны — "пораженчество" — давала могучее средство для внутренней демагогии.

Идея о связи грядущей социальной революции с внешней войной, именно с неудачей войны, несомненно, если не занесена в заграничную социалистическую среду, то сильно укреплена в ней русскими социалистами. Они уже сделали попытку, не совсем неудачную, утилизировать настроение, созданное поражением русского правительства в японской войне 1905 г. Но в неудавшейся революции 1905 г. единственный тактический прием русских социалистов-большевиков был тот, к которому, как к крайней и последней мере, учили прибегать западные социалисты. Это была всеобщая стачка. Политический успех октябрьской стачки этого года окрылил социалистов громадными надеждами. Но эти надежды были совершенно уничтожены полным провалом декабрьской стачки, долженствовавшей по их плану перейти в вооруженное восстание, разбитое на московских баррикадах. Они увезли с собой в эмиграцию разочарование в методе стачки и должны были искать другого. Эти поиски свелись к расчету на повторение пропущенного шанса — на новую неудачную войну. Западный социализм и даже крайнее его выражение, "революционный синдикализм", все еще продолжали рассчитывать на всеобщую стачку как на средство предупредить войну. Русские "товарищи", вероятно, уже в это время думали не столько о том, чтобы предупредить войну (они учили, что в капиталистическом строе войны неизбежны), сколько о том, чтобы ее утилизировать, переведя войну на фронте в социальную революцию внутри. Для этой цели уже и за границей была усвоена наряду с идеей международной всеобщей стачки (намеченной на случай войны международными конгрессами в Штутгарте (1907) и в Базеле (1912) также и идея антимилитаристской пропаганды в армии... Ленин был прав в своей полемике с Каутским, когда утверждал, что незадолго до войны все марксисты и все социалисты были согласны в том, что европейская война создает "революционную конъюнктуру" и что, "следовательно, ожида-

ние революционной конъюнктуры в Европе было не увлечением большевиков, а общим мнением всех марксистов".

Можно представить себе разочарование, негодование, гнев крайнего крыла социалистов-интернационалистов, когда после всех разговоров о предупреждении войны стачкой, о саботаже рабочих, о сопротивлении солдат, об отказе в кредитах воюющим правительствам и т. д. социалисты всех воюющих держав сразу поверили своим правительствам, что война "оборонительная", и не только дали им деньги, но даже вошли в состав правительств военного времени, разделив общий национальный порыв. Так было в Германии, Франции, Бельгии, потом и в Англии, Италии. В глазах этих крайних течений Второй Интернационал — интернационал "социал-патриотов" тем самым обанкротился и сам собой распался, вследствие такой измены собственным решениям и идеям. И при содействии русских "товарищей" очень скоро после начала войны явилась мысль о создании нового, Третьего Интернационала, который бы поспешил воспользоваться наступившей "революционной конъюнктурой". Ленин, живший тогда в Швейцарии, формально обсуждал в своем органе "Социал-демократ" вопрос о превращении войны в окопах в классовую борьбу внутри всех государств. Троцкий и Мартов в то же время участвовали в подобных же беседах небольшого кружка, собиравшегося по вечерам в маленькой книжной лавке Librairie du Travail...

Февральская революция в России, конечно, еще усилила крайние тенденции западного социализма. А перед циммервальдцами она прямо поставила вопрос о немедленном применении их тактики в ее крайней русской форме. "На экстренном заседании всех находившихся в Швейцарии западноевропейских и русских циммервальдцев, созванном в Берне, было выработано горячее воззвание к трудящимся массам всего мира, главным образом воюющих стран", — рассказывает Балабанова. Мартов так формулировал основной лозунг воззвания: "Либо революция убьет войну, либо война убьет революцию. Ибо борьба русского пролетариата против господствующих классов является в то же время борьбой против войны. Мир и республика или продолжение войны и контрреволюция — вот дилемма, решение которой зависит от мирового про-

летариата... Революционное выступление пролетариев других стран является единственной формой поддержки русской революции". Перевести "центр революционной борьбы за европейский мир", а вместе и центр деятельности Бернской комиссии, в Петербург — такова была теперь задача циммервальдцев. Русские эмигранты левого крыла ехали в Россию с этой целью...

Действительно, разрушение армии и достижение этим путем мира в окопах, чтобы начать классовую войну внутри страны, — такова была основная задача циммервальдцев — настоящих циммервальдцев — в России. Эта тенденция проходит красной нитью через все события революции, вплетаясь в эти события сперва как-то экспромтом, со стороны, неизвестно из какого источника — чаще всего в то время можно было подозревать, что из германского источника, — а затем она выдвигается все ярче и ярче, все более и более откровенно, — и наконец торжествует не только над основной тенденцией Февральской революции — войной "до победного конца", но и над компромиссной формулой умеренного большинства Совета рабочих и солдатских депутатов — "война до общего демократического мира без аннексий и контрибуций" — и без победы...

Уже в демонстрации 14 февраля, то есть за две недели до революции, рабочие петроградских заводов вышли на улицу с криками: "Долой войну!" В первые дни революции, в первом же номере "Известий", в манифесте большевистского Ц. К., датированном 26 февраля, встречаем вполне развернутый циммервальдский лозунг. "Немедленная и неотложная задача временного революционного правительства (тогда еще не созданного), — говорится в этом манифесте, — войти в сношение с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик, — и немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам". Затем появился, несомненно, под теми же влияниями знаменитый приказ № 1, усиленно проводившийся. Уже 7 марта большевистский Петербургский комитет социал-демократов постановил предложить Совету рабочих и солдатских депутатов принять немедленно меры "к свободному доступу на фронт и в ближайший его тыл

для преобразования фронта в организованную на демократических началах революционную армию и для революционной агитации, для чего послать на места эмиссаров Совета и свободно допускать партийных агитаторов; обратиться через социалистические партии всех стран с призывом к пролетариату вести революционную борьбу против своих угнетателей и начать братанье на фронтах с революционными войсками российской демократии..."

С этих пор двойной целью большевиков-циммервальдцев, окончательно установленной после приезда эмигрантов, становится, с одной стороны, разложение армии, с другой — агитация за немедленный мир без аннексий в международном масштабе. Бессознательно меньшевики и эсеры им помогают. Первой мишенью развертывающейся революции и становятся — военный министр Временного правительства, пытающийся сохранить дисциплину и боевое настроение армии, и министр иностранных дел, вынужденный сохранять соглашения с союзниками...

После приезда Ленина и его первого выступления 4 апреля большевистская "Правда" выразилась следующим образом. "Что касается общей схемы тов. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую". Как видим, все социалистические партии сходились тогда в признании, что Февральская революция есть революция буржуазная. Но отсюда Ленин и его партия делали выводы, что к "буржуазной" революции социалистам не следует прикасаться. К этому мнению склонялись и левые крылья других социалистических партий, отличавшиеся более или менее сильным интернационалистическим оттенком: меньшевики с настоящим лидером партии, Мартовым (приехавшим в Петербург как раз после составления коалиционного правительства), и эсеры — тоже со своим главным лидером — Черновым. Несомненно, с этой точки зрения было непоследовательно принять участие в буржуазной власти для проведения буржуазной революции. На это шли не старые, а вновь выдвинувшиеся вожди, как чужой для эсеров Керенский или успевший в ссылке оторваться от партии социал-демократов (меньшевиков) дипломат и тактик без програм-

мы Церетели. В момент заключения первой коалиции за ними, правда, шло большинство Совета и Исполнительного комитета. Но мы видели, что не без сопротивления эти органы подчинились крутому повороту во взглядах, приведшему этих подлидеров к власти. За пределами Совета уже тогда бурлила непослушная масса, готовая соблазниться более понятными крайними лозунгами. Из провинции тоже стали скоро приходить резолюции, не одобрявшие самый принцип коалиции. Роль посредников между компромиссной линией коалиции и главной, традиционной линией партии заняли у эсеров — Гоц и у социал-демократов — Дан. Комбинация кое-как держалась, но все время давала трещины — и все время для новых склеек приходилось делать уступки крайним течениям. Таким образом, социалисты, вошедшие в правительство, с самого начала были парализованы как своими партиями, так и развертывавшимся влево настроением масс. Обезоруживая своим присутствием в правительстве буржуазные элементы, они сами остались невооруженными для борьбы с растущей волной...

Керенский, как мы видели, взял военный портфель с обязательством перед союзниками — выполнить принятые до революции военные обязательства и перейти в наступление. Серьезные военные авторитеты, как мы упоминали, высказывались против этого риска — и пошли на него только в расчете на "невесомый" фактор — революционного возбуждения. Сильные дозы этого возбуждения Керенский и преподносил, объезжая фронты. Так удалось создать несколько "ударных" частей, которые первыми пошли в наступление — и первыми погибли. Теперь эта карта была бита, а вместе с нею и надежда умеренных и правых элементов на прочное улучшение внутреннего положения. После провала наступления оставалось или идти на мир, не обманывая себя насчет возможности убедить союзников заключить общий мир — решаться прямо уже на заключение сепаратного ("похабного", как его потом стали называть на фронте) мира, или же война должна была на самом деле "убить революцию" (опять-таки в левом понимании революции), то есть надо было путем экстренных и чрезвычайных мер, не мирившихся с установившимся режимом ослабления дисциплины, спешно восстанавливать боеспособность войск. Было ясно, что сделать этого нельзя, не устра-

нив влияния большевиков на Совет и Совета на правительство, то есть не изменив всей внутренней политики. Даже в левых кругах (Дан) заговорили о "военной диктатуре" как о единственном средстве достигнуть этой цели. Угроза вооруженного восстания, дважды висевшая над революционной властью — 10 июня и 4 июля, — развязывала руки. Диктатура требовала диктатора, и на место этого диктатора автоматически выдвигался Керенский. Левые признавали, что таков был объективный ход вещей, и готовы были молча с этим мириться. И Церетели недалек был от готовности защищать эту комбинацию.

При таком настроении, сложившемся в послеиюльские дни и в дни отступления, было ясно, что Керенскому надо сделаться формальным главой правительства, каким он уже был фактически при первой коалиции. Этому больше не мешали кадеты, которые ушли. Мешал только князь Львов, опоздавший уйти и теперь очутившийся в ложном положении. И Львов был вынужден подать в отставку. Надо признать, что выбор князя Львова главой революционного правительства был столько же неудачен, сколько он был в свое время неизбежен. Гамлетовская нерешительность, прикрытая толстовским непротивленчеством и облеченная в слащаво-елейный официально-оптимистический стиль, — это было прямо противоположно тому, что требовалось от революционного премьера. Керенский понял эту роль лучше. Он говаривал, что масса не умеет признавать власть "в пиджаке". Он облекся во френч и очень быстро усвоил себе наполеоновские позы, повелительный тон, не допускающий возражений, гремящий голос, переходивший в нервический крик при попытке сопротивления, отрывистую рубленую речь в распоряжениях и торжественные карамзинские периоды в декларациях. Именно отсюда пошла перемена тона Церетели и др. по отношению к большевикам, превратившая последних из "товарищей" в преступников. Перед Керенским после июльских дней должны были потесниться и советские органы, которые он только в исключительных случаях удостаивал своим присутствием, предоставляя в остальное время обработку их Церетели. В речах последнего в эту пору, несомненно, почувствовались отблески величия Керенского. Ввиду исключительности и серьезности положения все эти нововведения были приняты на первое время почти без ропота. Если Керенский и не

был настоящим человеком на настоящем месте, то нужно было, чтобы он по крайней мере казался таким.

Последовал целый дождь репрессивных мер в тылу и на фронте. Новое правительство, наскоро составленное Керенским по собственному усмотрению, с заменой ушедших членов случайными фигурами, начало с того, что потребовало и получило 9 июля от Исполнительного комитета Совета звание "правительства спасения революции" и признание "неограниченных полномочий для восстановления организации и дисциплины в армии, решительной борьбы со всякими проявлениями контрреволюции и анархии". Факт диктатуры, собственно, был налицо; но тут сказалось пристрастие нового премьера к словам. Большевики попрятались, населению приказано было выдать все "холодное и огнестрельное оружие", Кронштадт принужден был выдать своих вождей, на фронте введена была смертная казнь, Балтийский флот приведен в субординацию, большевистские газеты закрыты, введена военная цензура и произведена масса арестов. В то же время выступили впервые открыто с рядом заявлений организации определенно правого направления, как офицерский союз и торгово-промышленники. В частных совещаниях членов Государственной думы послышались ультраправые речи... Невский проспект увидел демонстрацию в старом стиле: торжественные церковные похороны убитых в июльские дни казаков при участии правительства и Керенского. Диктатурой пахло в воздухе; диктатуру предлагали в это время Керенскому справа, как он об этом засвидетельствовал позднее. Наконец, первоначальное предложение Церетели о созыве в Москве пленума Исполнительного комитета Совета превратилось, по выражению Мартова, в проект "земского собора" в Москве же, на котором Керенский хотел "растворить демократию", пригласив туда для уравновешения левых равное по числу представительство правых групп. В эти дни, казалось, историческая дилемма станет так: Ленин или... Керенский. Церетели готов был если не уступить, то — стушеваться, ибо "теперь методы идейного воздействия бессильны в борьбе с анархией" и "период розовой мечтательной юности революции прошел". Было очень символично, что в эти самые дни, 18 июля, Керенский с министрами перебрался в Зимний дворец, а советские органы начали переселение в Смольный...

Керенский тем не менее встретил препятствия: с одной стороны, в условиях, выставленных конституционными демократами для вступления в министерство, а с другой — в неприемлемой для конституционных демократов программе кабинета, одобренной 8 июля Советом. Он прибег тогда к экстренной мере, которая окончательно делала его бесконтрольным арбитром положения. 21 июля он сложил все свои полномочия. На заре 22-го эти полномочия были возвращены ему представителями всех политических партий и организаций после оживленных прений в Малахитовом зале Зимнего дворца. Савинков в этом заседании кончил речь глухой угрозой — диктатуры, которая выйдет из армии. Все понимали, что лучше все-таки дать полномочия, составить кабинет по личному выбору и не связывать его формальной ответственностью перед разными партийными органами, непримиримыми относительно друг друга. Ясно было также и то, что это не решение, а худой компромисс, судьба которого будет зависеть исключительно от личной политики Керенского. Так началось 25 июля, по окончании затянувшегося на три недели министерского кризиса, правление второго коалиционного кабинета. 11 министров этого кабинета были социалисты, 7 министров — несоциалисты (из них 4 кадета). Церетели в этой коалиции не участвовал, и его уход ярче всего знаменовал наступление нового периода. Вместо программы нового правительства, на которой нельзя было сговориться, Керенский опубликовал 26 июля краткое воззвание за своей единственной подписью, говорившее о "забвении споров перед лицом неприятеля", о необходимости "железной власти в суровых условиях военной необходимости" и о "героических усилиях", которыми только и "может быть спасена родина". "Революционная демократия" Церетели принуждена была всему этому покориться. "Бойтесь поставить народ перед выбором между собой и страной", — учил ее Церетели и убеждал дать власти диктаторские полномочия. Газета Чернова "Дело народа" ставила прогноз, совпадавший с прогнозом Ленина: "Это последняя попытка создать национальное правительство. С неудачей ее революция окажется окончательно откинутой либо в ту, либо в другую сторону".

Ясность положения была затемнена только тактикой Керенского, который не решался сделать выбора

ни туда, ни сюда и продолжал балансировать между обеими сторонами для сохранения собственной власти. Как первое наглядное проявление этой политики балансирования он собрал нелепое московское "Государственное совещание" 13—15 августа. В зале и на сцене Большого театра состязались готовые разойтись окончательно лагери русской общественности, довольно равномерно распределившиеся между правой и левой половинами обширного помещения. Когда хлопала ораторам одна половина, другая или молчала, или свистала. Никаких решений и не предполагалось выносить. Не было и голосований. Не предполагалось даже вначале и иных выступлений, кроме правительственных. Правительство делало смотр силам, противопоставляя левым правых и видя в этом средство самому удержаться посредине. В действительности оно, потеряв уже левых, теперь теряло и правых. Ибо за полтора месяца, протекших со времени июльских дней до московского совещания, левые успели оправиться от смущения, а правые успели выставить своего кандидата в "диктаторы". Это был действительно "кандидат из армии" — Корнилов, предварительно распропагандированный с фронта Савинковым и журналистами, а теперь приехавший в Москву уже со всеми атрибутами своей военной власти. Керенский ехал на совещание, напуганный слухами, что не только военный заговор готовится, но что он уже созрел и "провозглашение диктатуры" будет приурочено к самым дням совещания. Этим объяснялись его истерические угрозы "железом и кровью" по неизвестному адресу. Но это же сообщило особенный эффект выступлениям генералов Алексеева, Корнилова, Каледина. Впечатление силы осталось не на стороне правительства — и не на стороне поддерживавшей его части социализма, пытавшегося пойти на уступки, но все же выставившего, в дополнение к непринятой "буржуазией" программе 8 июля, неприемлемую программу 14 августа, плохо прослушанную совещанием. Большевики, герои будущего, отсутствовали в зале Большого театра. В общем итоге правительство опять получило внешнее признание и поддержку. Но авторитет его был в Москве поколеблен личным впечатлением, произведенным Керенским на тех, кто видел его здесь в первый раз. Не государственный человек чувствовался за туманными угрозами и надутыми декларациями собственного мо-

гущества, а запуганный двусторонними опасностями дилетант, с трудом удерживавший равновесие на той математической линии, на которой эти опасности сходились. Ясно было, что ни та, ни другая сторона не считает его вполне своим. На чью сторону он станет, когда эти стороны столкнутся в последней схватке над его головой? В Москве еще нельзя было найти окончательного ответа на этот вопрос. Ясно было лишь, что послеиюльский "диктатор" успел сделать несколько шагов влево, хотя в то же время вся его тактика использования чрезвычайных полномочий сближала его с правыми. Спор между "диктатурой" и Советами осложнился спором между "буржуазной" и "военной" диктатурой.

Почему Керенский колебался между противоположными шагами? Помимо его личных свойств тут было и другое объяснение. С одной стороны, в ближайшие дни после московского совещания "революционная демократия" не только пришла в себя, но и решительно выходила из повиновения. В Петербургском Совете эсеры вместе с большевиками потребовали отмены смертной казни и в первый раз оставили Церетели в меньшинстве 4 голосов против всех. Когда Церетели спрашивал, будут ли они свергать правительство, если оно смертной казни не отменит, в ответ слышались возгласы: да, пойдем на улицу! В выборах в городскую думу большевики собрали 200 тыс. голосов (33%), то есть шли тотчас за эсерами (37%). Это означало, что завоевание петербургских низов большевиками подвигается быстрым темпом. С другой стороны, росло также нетерпение и в противоположном лагере — военной диктатуры, — окончательно разочаровавшемся в Керенском. Корнилов уже с самого начала отступления обращался к правительству с требованиями, носившими характер ультиматумов, и грозил, что если правительство "не сумеет стать на определенный и твердый путь", то "придут другие люди, которые уничтожат завоевания революции" (телеграмма 7 июля). Его союзником тогда же оказался Савинков. На совещании в ставке 16 июля требования Корнилова были повторены и систематизированы другими военачальниками (особенно Деникиным). Требование "сильной власти" сказалось в назначении Корнилова главнокомандующим, а отчасти и в переговорах с конституционными демократами при

составлении второго коалиционного кабинета. Но никакой последовательности ни в том, ни в другом случае Керенский не обнаружил. Переговоры с конституционными демократами прервались, а с Корниловым немедленно же вышел первый конфликт из-за поставленных теми и другим условий. Это и повело к отставке Керенского 21—22 июля для получения чрезвычайных полномочий. Кабинетный конфликт разрешен был составлением нового (хотя отнюдь не "сильного") кабинета; но конфликт с Корниловым затянулся и еще обострился после личных свиданий 3 и 10 августа. Тут между премьером и главнокомандующим уже открыто обсуждался вопрос об отставке Корнилова или самого Керенского и о возможности и желательности государственного переворота для создания настоящей диктатуры. Мы видели, что реальной развязки этого конфликта Керенский ожидал уже в Москве. В это время он окончательно склонился к тому, чтобы самому стать главнокомандующим на место Корнилова, присоединив к "неограниченным полномочиям" премьера (подтвержденным 2 августа для специальной цели борьбы со ставкой) еще и эту должность. Корнилов недвусмысленно намекал Керенскому, что еще неизвестно, кто кого сменит, и в ожидании возможной отставки принимал свои меры. Керенский на отставку не решался. Тогда начал думать об отставке Керенского Корнилов. Политический спор капитального значения для России принимал, таким образом, личный характер. В ожидании неизбежного конфликта обе стороны стягивали вооруженные силы и обе были убеждены, что стягивают их для себя. Шансы успеха на стороне Корнилова учитывались следующим образом представителем дипломатического ведомства в ставке кн. Гр. Н. Трубецким (в телеграмме 28 августа к Терещенке): "Трезво оценивая положение, приходится признать, что весь командный состав, подавляющее большинство офицерского корпуса и лучшие строевые части армии пойдут за Корниловым. На его сторону станет в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части. К физической силе следует присоединить превосходство военной организации над слабостью правительственных органов, моральное сочувствие всех несоциалистических слоев населения, а в низах — растущее недовольство существующим порядком, в большинстве же народной

и городской массы — притупившееся ко всему равнодушие, которое подчиняется удару хлыста... С другой стороны, последние события на фронте и в тылу с наглядной очевидностью выяснили картину полной несостоятельности нынешнего порядка вещей и неизбежность катастрофы, если не произойдет перелома...”

Корнилов, бесспорно, задумал вооруженный переворот — и задумал его давно — во всяком случае не позже начала августа. Но он понимал, что надо совершить его с ”максимумом легальности”, то есть в настолько тесной кооперации военной власти с гражданской, насколько только это было возможно. С другой стороны, и глава правительства, казалось, понимал, что, для того чтобы найти опору против возраставшей силы большевиков, ему остается только опереться на военную силу, следовательно, войти с ее представителями в возможно тесный контакт. Связь эта, казалось, облегчалась тем, что посредником между представителями силы и права являлся социалист, принятый армией, — комиссар Савинков. Советы были не правы, относя Керенского и Савинкова к ”корниловцам”. Но они были правы, что оба стояли гораздо ближе к Корнилову, чем к Советам, и что исторически была неизбежна коалиция премьера не с Советами, а с главнокомандующим.

К несчастью для России, оба лица, которые занимали эти посты и от которых зависело сделать успешной эту последнюю попытку к спасению, были до последней степени не приспособлены и для этой задачи, и для взаимного союза. Параллелизм своего положения они до некоторой степени понимали и до последней минуты длили недоразумение о возможности взаимного сотрудничества. До последней минуты ”заговор” в ставке прикрывался полувысказанным через посредника (Савинкова) согласием Керенского. Цель у обеих сторон была одна: усмирение большевиков, в случае их нового восстания, которое предусматривалось в конце августа. И средство было одно: перевод к Петербургу надежной части войск (третьего корпуса). Двусмысленным оставалось до конца решение вопроса, кто именно будет командовать Петербургским округом, а стало быть, и этими войсками. Керенский явно готовил их для себя, не покидая мысли об отставке Корнилова в удобную минуту. А Корнилов, заранее решивший не уходить, хотел при помощи этих войск произвести

в Петербурге чистку и даже резню Советов по своему вкусу. Он посылал для этого офицеров в Петербург, а к себе в ставку вызывал в последнюю минуту политических деятелей и самого Керенского с Савинковым, чтобы сохранить жизнь первого от случайной офицерской мести и дать им обоим министерские посты (юстиции и военных дел) в своем новом кабинете.

Такова была схема корниловского плана, рассчитанного на "максимум легальности". Но эта общая схема прикрывала непримиримые и несогласимые черты, которые и вышли наружу, когда обе стороны подошли вплотную к осуществлению казавшегося общим плана. Керенский до конца продолжал хитрить и балансировать, страхуя себя от большевиков зараз на обе стороны: военной силой направо и своей бесспорной "легальностью" перед советской "звездной палатой" — налево. Для Корнилова не только все советские деятели, но и министр Чернов были изменниками, предателями и германскими агентами. И он всем им готовил варфоломеевскую ночь. Трагический комик и прямолинейный солдат говорили на разных языках и не могли ни сговориться, ни даже понять друг друга. "Я им революции не отдам", — говорил Керенский Некрасову в день корниловского покушения. "Я им не отдам России", — писал Корнилов в своих прокламациях. При таком положении посылка Вл. Львова к Керенскому для последних переговоров 26 августа была для Корнилова второстепенной деталью. И она же фатально превратилась в разорвавшуюся бомбу для внезапно прозревшего Керенского, только тут догадавшегося, что в задуманном действии он не может надеяться сохранить роли первого персонажа. Его реакция на это ошеломившее и ослепившее его открытие была судорожным рефлексом патологического состояния воли, а не обдуманным шагом государственного деятеля. По своему обычаю, придя в состояние аффекта, он без рассуждений форсировал положение, имея в виду только себя лично и продолжая по привычке отождествлять русскую революцию с собственной особой. Одним почерком пера он превратил (ночь на 28-е) Корнилова в бунтовщика и изменника и вернулся на проторенный путь пленника Советов...

Такова была обстановка — явного разложения коалиции, — в которой Ленин, опираясь на Троцкого и вразрез с ближайшими товарищами, стал решитель-

но настаивать на наступлении. Уже в конце сентября Ленин написал брошюру "Удержат ли большевики государственную власть?" (о том, что они могут ее взять, уже не спорили). Здесь он опровергал взгляд, что большевики "изолированы" от населения, и доказывал, что все условия, отсутствие которых помешало поставить вопрос о захвате власти в дни июльского выступления, теперь уже налицо, а именно: "1) нарастание революции в общенациональном масштабе (т. е. и в провинции), 2) полный моральный и политический крах коалиции и 3) большие колебания в лагере промежуточных элементов". На печатные возражения Зиновьева и Каменева он ответил (19—21 сентября) печатными же статьями в защиту немедленного выступления. Таким образом, новый лозунг был дан на глазах у всех. Так же публично прошла и подготовка восстания 25 октября. Троцкий правильно заявлял при праздновании второй годовщины Октябрьского переворота: "Тщетно память пытается найти в истории другое восстание, которое было бы заранее во всеуслышание назначено на определенное число и было бы в положенный день осуществлено — и притом победоносно". "Определенное число" было предуказано днем созыва Второго Всероссийского съезда Советов. Первоначально ведь предполагалось, что съезд возьмет власть и мирно передаст ее Советам. Все понимали это, и потому старое большинство Советов пыталось через свои органы отсрочить и по возможности расстроить съезд. Но Дану удалось только отложить его с 15 на 25 октября. Тогда "осторожные" из большевиков, в том числе и Ленин, стали настаивать на том, чтобы "исправить ошибку" назначения определенной даты — и устроить фактическое восстание раньше "легального срока", чтобы тем застать врасплох неприятеля. Именно этот вопрос был решен окончательно тотчас по уходе большевиков из Мариинского дворца, 10 октября, в заседании Центрального Комитета партии, всеми голосами против Зиновьева и Каменева.

С этого момента началась, параллельно с полемикой в печати, открытая подготовка вооруженного восстания. Всякий риск был устранен тем "невесомым" фактором, который Троцкий называет "советской легальностью". Другими словами, для советской среды существовало свое понятие "легальности", особое от

правительственного. Постоянные фактические нарушения закона Советами — даже и при старом большинстве, поддерживавшем коалицию, не считались "нелегальными"...

Что же делали в эти решающие дни правительство и Керенский? Противники его ясно видели, что он должен был делать. Суханов, наблюдавший внимательно все происходившее, говорит об этом: "Говоря серьезно (а не доктринерски?), только полной наивностью и ребячливостью нашего опереточного правительства можно объяснить, что оно не пыталось в это время принять хоть какие-нибудь действительные меры обороны. Конечно, присяжный поверенный Керенский не мог выиграть этого дела; но он мог и должен был попытаться. Ведь на дворе был не май и не июнь. Теперь ему терять было нечего. Надо было рисковать, действуя ва-банк". Конечно, всего правительства обвинять нельзя. Оно оценивало положение так же ясно, как Суханов. Я рассказал в своей истории те усилия, которые делались группой министров во главе с Коноваловым, чтобы заставить Керенского действовать. Но глава правительства находился в каком-то патологическом состоянии паралича воли, напоминающем состояние Николая перед революцией. По его собственному заявлению, он находился "между молотом правых и наковальней левых большевиков". Внимание его, кроме того, было отвлечено в эти дни борьбой с новым соперником, генералом Верховским, который после своего предложения о сепаратном мире вынужден был удалиться из правительства. На словах Керенский и Терещенко заявляли в те дни, что очень рады выступлению большевиков, потому что оно даст повод разгромить их окончательно. То же настроение отчасти разделялось и поддерживавшей власть частью социалистов. Но среди этой группы появилось теперь новое настроение. Ориентируясь не на восстание, а на возможные решения Второго съезда Советов, они обдумывали переход от коалиции к чисто социалистическому министерству и для этой цели вели переговоры с большевиками... На ответственность этих "соглашателей", Дана и Гоца, да еще на усыплявшие его доклады начальника штаба полковника Полковникова Керенский и пытался потом сложить ответственность за собственное бездействие. Он, однако, несомненно, сам разделял "соглашательские" иллюзии Дана. И, даже

уезжая из Зимнего дворца утром 25 октября, навстречу вызываемой армии (оказавшейся призрачной), Керенский уже готовил, как это видно из его последней прокламации, заместителей своим коллегам, оставленным без помощи в Зимнем дворце. До последней минуты, как в корниловские дни, как в дни московского совещания, он продолжал колебаться между двумя противоположными решениями. Этим, вероятно, и объясняется, помимо болезненного состояния, паралич его воли.

Здесь не место рассказывать события 25 октября и последующих дней. Сказанного достаточно, чтобы показать, как общие причины, коренившиеся в положении России, так и партийные, — вытекавшие из характера, взглядов и тактики социалистических партий, из их "товарищеской" близости к большевикам, — так, наконец, и личные, — заложенные в характере действующих лиц, и особенно главного из них, Керенского, — сделали победу большевиков неизбежной. Другой ряд причин вытекает из самых свойств большевиков, их учения, их платформы и тактики. Мы упоминали выше и об этих причинах. Но нам еще раз придется остановиться на них подробнее, чтобы объяснить, каким образом случилось, что власть, упавшая так легко, подобно созревшему плоду, в руки большевиков, столь прочно и продолжительно удержалась за ними, вопреки их собственным первоначальным предположениям.

С. МЕЛЬГУНОВ,
русский историк, публицист

Отрывок из книги "Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года"[1]

...Мы не знаем, стали бы в действительности стрелять шестидюймовки с "Авроры" или орудия минного заградителя "Амура". Выполнение "приказа", который мог бы иметь "роковое значение", было задержано. "Мы порешили выждать еще четверть часа, инстинктивно чуя возможность смены обстоятельств", — слова эти, принадлежащие одному из руководителей боя, соответствовали моменту. Парламентеры с новым ультиматумом, во главе с Чудновским, проникли в среду осажденных. Цитадель Временного правительства решено было сдать — это было решение начальника обороны. Наступили последние минуты. Еще раз Никитин соединился по телефону со своими друзьями и передал через них "привет" демократии. Когда один из говоривших (Хижняков) пытался вновь вызвать Зимний дворец, он услышал лишь "дикий шум с отдельными возгласами обезумевших людей"...

Надо прочесть исключительно талантливые воспоминания Синегуба, по внешности как будто бы сумбурные, но тем самым с поразительной образностью передавшие атмосферу в последние часы Зимнего дворца. Внешняя хаотичность для автора только литературный прием. Синегуб с подлинной яркостью изображает свое собственное, граничащее с невменяемостью состояние, чувства и мысли защитников правительства и весь окружающий хаос. Залы дворца кишат просачивающимися из задних входов матросами и красногвардейцами. Часто не разберешь, где свой, где чужой. Матросы разоружают отдельные группы юнкеров. С револьвером в руках, окруженный десятком юнкеров, появляется Пальчинский, самый действенный из всех начальствующих в Зимнем дворце. Победители переходят на положение пленных. Но там, за

[1] Книга вышла в Париже в 1984 г. — *Ред.*

стенами, тысячи, а здесь сотни неорганизованных, подчас без руководства, без офицеров...

Шум снаружи — это "аккомпанемент к тишине", жуткой уже тишине, воцарившейся в министерской комнате. "Тревожный шум в самом дворце" — ворвались откуда-то 30—40 человек. Бросили бомбы. Опять тишина. Опять ворвалась толпа. Уже большая — человек 100. Пальчинский доложил, что юнкера приняли ее за делегацию от Думы. Толпу обезоружили. "И вдруг возник шум где-то и сразу стал расти, шириться и приближаться". "Шум зазвучал иначе". Ясно, "нас берут "приступом" — так снова полузаписывает, полувспоминает Малянтович...

Большевистских мемуаристов — из тех, кто руководил осадой Зимнего дворца, — не удовлетворяет такая проза при описании "героического момента революции", "прекрасного", "незабвенного" захвата Зимнего дворца. В патетических тонах стремятся они описать "подвиги красных героев" в ночь с 25 на 26 октября. Визжат ядра орудий, рвутся гранаты, трещат пулеметы. Идущие на приступ "перелетают" баррикады. Защитники смяты[1]. Двор занят. Врываются во дворец. Разметывают защитников правительства. Юнкера бросают оружие. Ищут "виновников". Взламываются двери запертых комнат. Вот дверь, у которой стоят окостеневшие от ужаса, скованные долгом юнкера. Временное правительство! Наставляют штыки — долой! Массы врываются в комнату... Все арестованы. Низвергнутые "лепечут о защите от масс". Так приблизительно в вечер воспоминаний в 1920 году изображал дело Подвойский.

Трудно себе представить, каким образом при такой "бешеной" атаке захват Зимнего дворца стоил "всего лишь шести жертв" со стороны наступавших. Это почти официально заявил после переворота Зиновьев и позже (10 ноября) подтвердил Военно-революционный комитет — "нескольких раненых с обоих сторон и 6 убитых среди войск ВРК"[2]. Наблюдателю со сторо-

---

[1] Один из участников штурма, входивший в состав тысячной кронштадтской когорты (Колбин), вспоминает даже, как ударницы из окон "бешено метали ручные гранаты".

[2] Настоящие цифры были, вероятно, несколько иными. Например, руководители рабочего отряда Балт. Суд. завода исчисляют свои потери также в 6 человек. Эти "шесть" фигурируют и у кронштадтцев.

ны этот "бешеный" приступ не покажется действительно боем. И он, конечно, будет более прав в своих оценках. "Организованной защиты не было, и несчастных случаев с той или другой стороны было сравнительно немного", — пишет сэр Дж. Бьюкенен, наблюдавший из окон английского посольства в самый разгар бомбардировки, в 11 часов вечера, как трамваи продолжали спокойно проходить через Троицкий мост[1].

Троцкий, написавший историю октябрьского переворота — пока единственную, если не считать соответственных страниц общего труда Милюкова и "записок" Суханова, — не последовал в своей книге целиком за версией большевистских апологетов; на его изложение операции вокруг Зимнего дворца сказалось влияние "белогвардейских источников". Но все-таки "дворец не сдался, а взят штурмом". Правда, в такой момент, когда "сила сопротивления осажденных успела окончательно иссякнуть". Он повторяет рассказ Малянтовича, как в коридор ворвалась уже не потайным ходом, а через защищаемый двор сотня врагов, которых деморализованная охрана приняла за депутацию Думы. Вероятно, такой ошибки и не было. Ворвалась толпа за парламентерами и действительно тем самым разрушила "штыковую и огненную преграду" между наступающими и обороняющимися: площадь стала вливаться во двор, из двора во Дворец и растекаться по лестницам и коридорам. "В коридорах фантасмагорические встречи и столкновения. Все вооружены до зубов. В поднятых руках револьверы. У поясов ручные гранаты. Но никто не стреляет и никто не мечет гранат, ибо свои и враги перемешались так, что не могут оторваться друг от друга"... Вот дверь, у которой юнкера застыли в последней позе сопротивления. Их разоружают. Победители врываются в комнату министров. "Объявляю вам, членам Временного правительства, что вы арестованы", — провозглашает Антонов от имени ВРК. Часы показыва-

---

[1] "Народное слово" исчисляло раненых среди защитников дворца цифрой 2 — им оказал первую медицинскую помощь сам Кишкин. Раненых среди нападавших было якобы 400. Во всяком случае, совершенно фантастичны утверждения некоторых непосредственных наблюдателей (например, некой Алениной, работавшей в лазарете дворца и написавшей в "Сегодня" воспоминания к десятилетию революции, рассказы Третьякова, записанные Венбергом в "Крестах", говорившие о множестве убитых юнкеров и женщин от орудийных снарядов).

ют 2 часа 10 минут ночи. "Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития", — отвечает Коновалов. Неизбежная часть ритуала соблюдена.

К словам Троцкого нужны поправки. Их делает Синегуб. Начальник обороны послал Синегуба предупредить правительство, что он вынужден сдать дворец и что юнкерам обещано сохранение жизни. О правительстве "парламентеры" отказались говорить. Среди министров происходит совещание о капитуляции. Толпа, сопровождавшая Антонова, останавливается перед юнкерской охраной, и в комнату, где находится правительство, Пальчинский ввел лишь одного Антонова. К юнкерам вышел затем Пальчинский и объявил решение: "Принять сдачу без всяких условий, выражая этим подчинение только силе, что предлагается сделать и юнкерам". Последних пришлось убеждать — и Пальчинскому, и Коновалову, и кому-то еще — и доказывать, что дальнейшее сопротивление приведет лишь к бесцельной и бессмысленной гибели. Юнкера молчали, а "шляпенка" — как окрестил Синегуб Антонова-Овсеенко — надрывалась в призывах к "революционной дисциплине" по адресу наступавшей толпы.

Фальшива в значительной степени театральная инсценировка, которую пытаются изобразить и Троцкий и сам Антонов. Министры расселись за столом — словно происходит заседание каких-то авгуров, но авгуров испуганных: "все тринадцать застыли они за столом, сливаясь в одно трепетное бледное лицо". Сцена выросла из фразы в воспоминаниях Малянтовича: "Сядем за стол", — сказал Кишкин"[1]. Более правдиво и жизненно рассказал Синегуб: "С величайшим спокойствием, какое может быть лишь у отмеченных судьбою сыновей жизни, смотрели частью сидящие, частью стоящие члены Временного правительства". "Мы не сдались и лишь подчинились силе, и не забывайте, что ваше преступное дело еще не увенчалось окончательным успехом", — слышится чье-то мужественное заявление...

Ни растерянности, ни колебаний. А момент был все-таки жуткий. Во дворец ворвалась не революционная когорта большевистской рати, а в полном смысле слова разношерстная толпа с присущими ей эксцес-

---

[1] Эту фразу приводит, правда, и Смирнов, добавляя: "Все последовали его призыву".

сами и насилиями; толпа, возбужденная боевой обстановкой стрельбы, порохом, бомбами. Хулиганские элементы начали свои подвиги с разграбления дворца — этого не отрицают ни большевистские мемуаристы, ни советские историки. Вероятно, здесь собрался весь тот "деморализованный охлос", который некоторые исследователи нашего недавнего прошлого так склонны выдвигать на авансцену при описании октябрьских дней"[1]. В отношении министров раздавались недвусмысленные угрозы расправы. Правда, и Малянтович, и Синегуб, и Карташев указывают и на другое — на какое-то добродушие и недоумение при индивидуальном соприкосновении представителей двух разных, как будто бы, миров. Стража и арестованные перекидываются замечаниями, которые переходят в беседы. Даже Антонов-Овсеенко отмечает, что Терещенко "наседает" на матроса с "Авроры": как вы управитесь без интеллигенции; Карташев чуть ли не ведет богословский спор с каким-то матросом; третий — анархист — уверяет, что большевики захватили власть ненадолго — власть должна принадлежать им, анархистам, эту власть отрицающим. Среди охраны уже выделяются защитники. Нет такого ненавистного классового врага, которого так старательно хотела бы отыскать большевистская литература[2].

---

[1] Специальная комиссия городской Думы через 5 дней после штурма произвела обследование разгрома Зимнего дворца и установила, что в смысле ценных художественных предметов искусства дворец "потерял немного", хотя там, где прошли грабители, комиссия натолкнулась на картины полного вандализма — у портретов прокалывались глаза, на креслах срезаны кожаные сиденья, дубовые ящики с фарфором пробиты штыками, ценные миниатюры, иконы, книги и пр. валялись на полу и т. д. Краткое описание разгрома дано в воспоминаниях инженера Ларсона, бывшего председателя думской комиссии. В первый момент грабителям не удалось проникнуть в винный погреб, представлявший ценность в несколько миллионов золотых рублей. Все попытки замуровать погреб ни к чему не привели, и пришлось в конце концов винные бутылки расстрелять ружейными пулями.

[2] Очень характерны обстоятельства, при которых в последнюю минуту самому Синегубу удалось выбраться из дворца, — его вывел мастеровой, пришедший с товарищем "посмотреть, как берут дворец". Товарищ остался в дворцовом винном погребе. Для уяснения различных настроений того дня столь же показателен и рассказ Синегуба о том, как он попал в упомянутый уже офицерский бест при Павловском полку — его ангелом-хранителем тут был солдат запаса.

Министров под охраной 25 конвоиров выводят на двор — их должны отвести в Петропавловскую крепость. Перебираются через полуразбитые баррикады. Стража в темноте растеривает арестованных. Малянтович должен ухватиться за кушак своего матроса, чтобы не очутиться одному в новой, враждебной толпе. Кто-то ударил Ливеровского, министра путей сообщения. Два матроса ведут Карташева — один все заводит в сторону, к стене, словно хочет его прикончить, другой оберегает своего недавнего оппонента в религиозной дискуссии. Он назвал даже Карташеву свою фамилию — со временем она войдет в историю. Арестованные выведены на площадь и окружены конвоем. Толпа кругом не так велика, как это может показаться по описаниям большевиков. Это — не тысячи, запрудившие Дворцовую площадь и сплошной стеной окружавшие дворец, скорее — "кучки людей", по утверждению Смирнова, теряющиеся в обширном пространстве и как-то неожиданно выступающие из царящей темноты. В толпе много пьяных. Так утверждали в своих тогда же напечатанных рассказах министр труда Гвоздев и министр земледелия Маслов ("Дело народа"). "Настроение становится враждебным", — характеризует положение Малянтович. Был момент, когда толпа прорвала охрану и, по свидетельству Никитина ("Рабочая газета"), последствия могли бы быть тяжелыми, если бы не энергичное вмешательство Антонова-Овсеенко. Толпа раздраженно ищет Керенского, на личности которого агитация и демагогия искусственно сосредоточили ненависть и раздражение. Будь Керенский среди арестованных министров, может быть, самосуда нельзя было бы избежать — таково впечатление самих арестованных... Угрозы самосуда повторились на Троицком мосту, когда произошла встреча с новой толпой — может быть, всего "несколько десятков". Какие-то провокаторские или озлобленные голоса кричали: "В воду их, кровопийцев, изменников, продавших Россию немцам". "Эй, вы, до победного конца! Потопить их всех, и короток суд". "Чудесная случайность спасла нас", — утверждает Малянтович: броневик "по недоразумению" стал обстреливать мост. Толпа разбежалась. Конвой и арестованные полегли на землю...

Наконец, Петропавловская крепость и в ней Трубецкой бастион, в казематы которого новая власть заключила членов Временного революционного правительства[1]. "Мякинные люди", — назвал их печатно один из наблюдавших ход событий в октябрьские дни. Люди, не сумевшие организовать отпор большевикам, защитить себя и государство, как бы засвидетельствующие перед историей истину: неспособные нести бремя власти не имеют морального права принимать на себя ответственность в революционные эпохи. Но эти "мякинные люди" своим мужеством и достойным поведением сумели в последние трагические часы запечатлеть в летописной книге судеб поистине красивую и достойную страницу. Их подвиг был тогда же оценен современниками; общегородское собрание 350 меньшевиков-"оборонцев" 27 октября приветствовало "непоколебимое мужество, которое проявили министры Российской республики, оставшиеся на посту до конца под пушечным обстрелом и тем показавшие высокий пример истинно революционной доблести".

В резолюции прозвучал голос демократии. И все-таки каждый, кто прочитает слова Алданова: "Тут русской демократии стыдиться нечего", написанные о "страшном вечере на Дворцовой площади", законно спросит — при чем здесь демократия? Какой-то злой гримасой отразились в кривом зеркале истории слова главы Временного правительства, торжественно произнесенные на заседании Петроградского Совета 4 августа: "Мы дешево свою работу в пользу демократии не продадим". Организованная демократия, может быть, более других повинна в том, что этот "страшный вечер" 25 октября протекал при такой полной изоляции Временного правительства и что честь демократии, судьбы страны защищали ударницы из женского "батальона смерти", 2—3 роты юнкерской молодежи и 40 инвалидов — георгиевских кавалеров во главе с капитаном на протезах...

Какова же была судьба этой молодежи? Надо быть объективным. Все волновавшие общество слухи о рас-

---

[1] В Петропавловскую крепость был заключен и арестованный большевиками Бурцев — он поспешил возобновить свой боевой орган и сумел 25-го выпустить вечерний номер. Это была единственная газета, сообщившая факты за этот день.

правах, последовавших за сдачей Зимнего дворца, слухи, попавшие на столбцы тех органов социалистической печати, которые продолжали выходить после переворота, и зарегистрированные потом в дневниках (например, у Гиппиус), следует приписать скорее напряженным нервам. "Жуткие дни, — записывает Милицын. — Город полон слухов о кровавых расправах большевиков с юнкерами и женщинами из "батальона смерти". Неистовствуют матросы и красногвардейцы". Естественно, что стоявшей в стороне недавно выпущенной из тюрьмы Вырубовой уже казалось, что "убивали и резали" даже "на улицах".

В данном случае прав Троцкий, заметивший в своем историческом труде: никаких расстрелов не было и "по настроению обеих сторон в тот период быть не могло"[1]...

---

[1] Это, в сущности, подтвердила позднее и специальная комиссия, избранная городской Думой. Как будто бы противоречием являются те непосредственные свидетельские показания, которые были зарегистрированы на другой день. Например, в "Деле народа" юнкер Ризин говорил о расстреле юнкеров, избитых в Зимнем дворце и приведенных в казармы Павловского полка: солдаты стреляли при попытке бегства со стороны юнкеров, и "много было убитых". Ризин был в числе "бежавших" — в своем возбужденном состоянии он не мог быть, конечно, объективным очевидцем.

Милицын говорит, что часть юнкеров, отведенная в помещение учебной команды Преображенского полка, тут же стала выпускаться группами на свободу. Об этом узнали матросы, явились в казарму и избили инициатора освобождения, члена полкового комитета Иванова. "Преображенцы, к стыду своему, его не отстояли".

В печати тех дней уже можно встретить прямое опровержение сообщенных слухов. Например, "Народное слово" разъясняло, что слухи о расстреле юнкеров в Петропавловской крепости возникли на почве столкновения одного юнкера, "психически ненормального", со стражей. Последняя угрожала применить оружие. Газеты отметили лишь отдельные случайные самосуды. Добавим, что женщины-"ударницы" были освобождены по настойчивому требованию английского посольства — генерал Нокс для этой цели специально ездил в большевистскую главную квартиру в Смольном институте. "Вечером (26-го), — записывает Бьюкенен, — два офицера-инструктора женского батальона пришли к моей жене и просили постараться спасти женщин, защитниц Зимнего дворца, которые после сдачи были отправлены в одну из казарм, где солдаты обходились с ними самым грубым образом".

К повествованию "беллетристическому" надо отнести рассказ Синегуба со слов солдата о том, как в Павловском полку расстреливали женщин, сопротивлявшихся насилию или оказавшихся венерически больными. Группа "ударниц" в "Деле народа" особо опровергала эти россказни.

Беседа корреспондента журнала ”Диалог” В. ПАВЛЕНКО с доктором исторических наук О. ЗНАМЕНСКИМ и кандидатом исторических наук В. МИЛЛЕРОМ

Революция и Учредительное собрание

— Олег Николаевич, различные материалы, посвященные Учредительному собранию, создают впечатление, что идея его созыва родилась после свержения самодержавия весной 1917 г. Так ли это?

— Учредительное собрание, или Конституанта, — разновидность временно действующего представительного, парламентского учреждения, собрания депутатов, уполномоченного оформить новый государственный строй, выработать основополагающие законы, конституцию страны. Теоретическим источником идеи Учредительного собрания стало учение французских просветителей XVIII в. о ”народном суверенитете” и ”общественном договоре”, а живым примером послужила деятельность Учредительного Национального собрания в эпоху Великой французской революции. В планах народовольцев Учредительное собрание наделялось неограниченной властью, исключительным правом декларировать и проводить в жизнь социально-экономические и иные преобразования. Именно народовольцы ввели в России понятие ”Учредительное собрание”.

— Можно сказать, что к концу XIX в. деятели русского освободительного движения накопили определенный опыт разработки идеи Учредительного собрания. Помогло ли это зарождению парламентской традиции в стране?

— При отсутствии реально существующего, действующего парламента не могла зародиться и такая традиция, тем более что монархические иллюзии, на-

дежды на "доброго царя" были сильны, особенно среди крестьянства. Спекулируя на этом обстоятельстве, правое, реформистское крыло нарождавшейся российской социал-демократии в лице "легальных марксистов", а позднее "экономистов" и слышать не хотело о таких политических лозунгах, как Учредительное собрание. Что касается В. И. Ленина, то его трактовка идеи Учредительного собрания развивалась в соответствии с изменениями условий и задач революционной борьбы. Одним из этапов такой борьбы, по его мнению, стал бы созыв Земского собора, причем при возможном сохранении на некоторое время конституционной монархии. Однако когда в 1901—1902 гг. в стране наметился подъем революционного движения, В. И. Ленин осенью 1901 г. выдвинул лозунг вооруженного восстания с целью свержения самодержавия и замены его республикой, создаваемой на основе демократической конституции. А разработать последнюю должно было Учредительное собрание.

— Нашло ли это отражение в партийных документах?

— В 1903 г., на II съезде РСДРП, в Программе партии, подготовленной при самом активном участии В. И. Ленина (подчеркну — в программе-минимум, действовавшей до победы буржуазно-демократической революции), Учредительное собрание провозглашалось одним из важнейших политических лозунгов.

— А как относились к идее Учредительного собрания другие партии?

— В отличие от большевиков меньшевики, например, связывали созыв Учредительного собрания не с вооруженным восстанием и свержением самодержавия, а с надеждами на парламентские действия либералов. Эсеры включили требование созыва Учредительного собрания в проект своей программы в 1904 г. Часть либералов стала поговаривать об Учредительном собрании в 1905 г., имея в виду созыв его "конституционно", то есть при согласии монарха.

— Что изменила во взглядах на Учредительное собрание первая российская революция? Повлияла ли она на позицию большевиков?

— Агитация за идею Учредительного собрания была воспринята частью рабочего класса, точнее, тогда

еще сравнительно тонким политически активным слоем его, но очень мало кого воодушевила. Для пролетариев несравненно ближе и понятнее после революции стала идея образования их собственных властных организаций — Советов рабочих депутатов. Они были созданы массовым революционным творчеством в ряде городов. Тогда же, в 1905 г., В. И. Ленин пришел к выводу, что именно Советы должны создать Временное революционное правительство, которое, опираясь на массы, провело бы в жизнь большевистскую программу-минимум.

— А что же Учредительное собрание?

— Созванное Временным революционным правительством, оно должно было лишь "юридически закрепить" успех завоеванного (*см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 55*).

— Все же определенным рубежом в отношении к Учредительному собранию стал, видимо, февраль 1917 г., когда в России произошла буржуазно-демократическая революция?

— Можно сказать, что та безудержная радость, которая охватила массы после Февраля, их наивно-романтические надежды на обретение единства всех слоев российского общества и создали благоприятные условия популяризации идеи "хозяина земли русской" — полновластного и всеразрешающего общенародного учреждения.

— И тогда вновь всплыла идея созыва Учредительного собрания?

— Любопытно, что именно большевики в Манифесте Бюро ЦК РСДРП(б) первыми среди политических партий провозгласили необходимость его созыва. С начала марта пожелания и требования скорейшего созыва Собрания стали дежурным пунктом в тысячах резолюций собраний, конференций, съездов партий, групп, группировок, общественных организаций и т. д. Временное правительство провозгласило подготовку к выборам в Учредительное собрание "первейшей своей обязанностью", хотя, по словам кадета В. Д. Набокова, видело в нем "самый огромный риск", полагая, что "созыв его был бы, несомненно, началом анархии".

— Таким образом, в политическую жизнь России довольно основательно вошла единая, надпартийная "учредительская" идея?

— Конечно нет. Отношение к Учредительному собранию политических партий определялось прежде всего их программно-тактическими установками в конкретный исторический момент. Меньшевики, например, называли созыв Учредительного собрания "первым пунктом в порядке совершающихся событий", ожидали от него выработки конституции, определения формы правления, решения рабочего, земельного, национального вопросов, проблем мира и войны. Но это в лозунгах, а на самом деле они опасались, что выборы в Учредительное собрание не принесут им успеха, не позволят создать в его стенах собственной солидной фракции. Сходные позиции были у эсеров, но они были более уверены в успехе, надеясь на голоса крестьян.

— Какова же была позиция большевиков? Менялось их отношение к идее созыва Учредительного собрания?

— Весьма существенно. Сначала большевики считали, что оно должно ввести или узаконить демократическую республику. Затем, когда Советы проявили себя как центры сплочения революционных сил, как единые органы воли революционного народа и "зачатки революционной власти", мéста в большевистской схеме организации государственной власти для Учредительного собрания оставалось все меньше и меньше. Однако из этого не следует, что большевики совершенно отбросили идею его созыва. Ленин допускал возможность позитивной роли Учредительного собрания, превращения его в революционный Конвент, который, однако, не подменял бы Советы. Не парламентская республика, а республика Советов "снизу доверху", подчеркивал Владимир Ильич (*см.: Полн. собр. соч. Т. 31. С. 115*).

— Но это в перспективе, а какова была позиция большевиков по отношению к выборам?

— Эта позиция на различных этапах от Февраля к Октябрю имела свои особенности, но в целом возможность созыва и успех деятельности Учредительного собрания зависел от развития революции, от укрепления и роста влияния Советов (*см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 117, 197*). Тем самым, хочу это отметить еще раз, большевиками лозунгу Учредительного собрания в борьбе за массы, за политическую власть отводилась подчиненная, подсобная роль.

Ленин требовал от товарищей по партии разумного, ограниченного использования этого лозунга, такого использования, которое ни в коей мере не отвлекало бы массы от борьбы за полновластие Советов.

— Когда же развернулась подготовка к выборам?

— Сроки выборов и созыва Учредительного собрания обсуждались в кулуарах политических партий и не сразу были определены Временным правительством. Никто не спешил. Каждая из партий хотела успешнее выступить на выборах, поэтому на подготовку к ним отводили несколько месяцев. Шла большая политическая игра.

— Как должны были проводиться выборы?

— По четырехчленной формуле ("четыреххвостке"), то есть на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Эти принципы поддерживали все политические партии. Разногласия возникали по поводу, кто должен организовывать выборы, и о возрастном цензе голосующих.

— Как велась подготовка выборов?

— В конце марта 1917 г. Исполком Петросовета образовал Комиссию по Учредительному собранию. Затем в мае приступило к работе Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. В нем сотрудничали представители ведущих политических партий (эсеры, меньшевики, кадеты, народные социалисты, трудовики и др.), и среди них М. Ю. Козловский от ЦК большевиков. Особое совещание обсудило возрастной ценз, систему избирательного права, количество членов Учредительного собрания (более 800 человек). Непосредственно подготовкой и проведением выборов заведовала Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия (Всевыборы), образованная в начале августа. Ее председателем стал кадет Н. Н. Авинов.

— Почему только в августе образовали эту комиссию?

— Это зависело от сроков выборов, а сроки должно было определить Временное правительство. Но оно не торопилось. Только начало июньского политического кризиса в стране и рост популярности лозунга "Вся власть Советам!" и заставили Временное правительство назначить выборы на 17 сентября, а открытие Учре-

дительного собрания на 30 сентября. Нужно было отвлечь массы от их борьбы за подлинно революционные требования, прежде всего от требования полновластия Советов. Поэтому подготовительную работу по выборам правительство не решилось поручить Советам или другим уже существующим организациям и учреждениям, а городским думам и земствам, которые предстояло избрать к сентябрю. 9 августа Временное правительство объявило новые сроки выборов и созыва Учредительного собрания — 12 и 28 ноября. "Бесконечное отсрочивание созыва Учредительного собрания, — отмечал Л. Троцкий, — не прошло бесследно для этого учреждения. Провозглашенное в первые дни революции (Февральской. — *О. З.*), оно появилось на свет по истечении 8—9-месячной ожесточенной борьбы классов и партий. Оно явилось слишком поздно, чтобы иметь возможность играть творческую роль".

— И все же идея созыва Учредительного собрания сохраняла жизнеспособность?

— Идея сохранялась, а вот "жизнеспособность" менялась. После корниловского мятежа (август 1917 г.), например, стали больше говорить о Собрании, но в сентябре — октябре уже вновь набрал силу лозунг "Вся власть Советам!". В. И. Ленин писал позднее, что "в России в сентябре — ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт" (*Полн. собр. соч. Т. 41. С. 43*). Решение коренного вопроса революции — вопроса о государственной власти — даже летом не зависело от Учредительного собрания. А осенью, особенно во второй половине октября, политическая атмосфера в России достигла высшего накала, классовые силы еще более поляризовались. Поэтому будущее "всенародное" Учредительное собрание утратило даже призрачные шансы стать "хозяином земли русской".

— 25 октября пролетарская революция в Петрограде победила, Временное правительство было низложено, Второй Всероссийский съезд Советов закрепил

одержанную победу рядом важнейших законодательных актов — декретами о мире, земле, провозгласил республику Советов, избрал ее органы — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Нужно ли было в новых политических условиях допускать выборы в Учредительное собрание?

— Именно запрета выборов большевиками ожидали эсеры, меньшевики, кадеты. Но новая власть заявила: выборы будут проведены в назначенный срок — 12 ноября. Кстати, первые декреты Советской власти (о земле, об образовании правительства и др.) содержали оговорку об их действии... "впредь до Учредительного собрания". Если большинство в Учредительном собрании получат представители революционных масс, то декреты будут одобрены и функции собрания на этом закончатся. Если же состав Учредительного собрания не отразит настроения революционных масс и декреты не получат одобрения, то это представительное учреждение обречет себя на политическую смерть, а декреты Советской власти по-прежнему останутся в действии. Тем самым "Российской Конституанте" отводилась роль "оформителя" преобразований, проводимых или проведенных уже в жизнь самими массами и их органами.

— И все же политические противники Советской власти заявляли, что только свержение большевиков откроет возможность для выборов.

— Такие заявления были в первые дни после свержения Временного правительства. Но время шло, большевики власть сохраняли и власть переходила к Советам по всей России. В этих условиях мелкобуржуазные и буржуазные партии согласились с проведением выборов, видя в Учредительном собрании последнюю надежду для себя, возможность отобрать власть у Советов.

— Хотя новой рабоче-крестьянской власти выборы в Учредительное собрание были не нужны, сама идея Собрания была все же не изжита среди трудящихся, особенно среди крестьянства. Видная деятельница партии социалистов-революционеров М. А. Спиридонова с сожалением говорила в январе 1918 г. на Третьем Всероссийском съезде Советов, что и левые и правые эсеры "внушали народным массам, будто

Учредительное собрание является огромным завоеванием народа, что Учредительное собрание чуть ли не венец революции, что оно должно сказать решающее слово по всем вопросам нашей государственной жизни. Мы... повинны в затемнении сознания народных масс тем, что заставляли народ видеть в Учредительном собрании своего спасителя".

— Отрешиться, избавиться от иллюзий широкие массы могли, только увидев, что способно сделать Учредительное собрание и на что оно не способно, чьи интересы оно выражает, кого защищает, убедившись на практике, что Советская власть — единственная, способная удовлетворить их нужды.

— 12 ноября начались выборы в Учредительное собрание. Они продолжались несколько недель в 75 избирательных округах. Население России получило довольно широкие избирательные права. Возрастной ценз составлял 18 лет для военнослужащих и 20 лет для гражданского населения. Цензы имущественный, оседлости, грамотности и пр. не предусматривались, женщинам предоставлялось равное избирательное право. Что можно сказать об активности избирателей?

— В Петрограде проголосовало более 70 процентов избирателей, в Москве — около 70 процентов, значительным был процент голосующих и в других промышленных центрах. При этом нарушений правил голосования почти не наблюдалось. Иначе было в сельской местности. Во многих деревнях окружные комиссии не имели бумаги. Местом голосования, как правило, в них служила комната (в лучшем случае — школьный класс), где размещали стол, лавки и табуретку для урны. Сказались особенности крестьянского быта и психологии, такие, например, как патриархальные отношения в семье, властность главы семьи или привычка действовать "миром", подчиняться постановлению сельского схода.

— Каковы же были результаты выборов?

— При анализе результатов необходимо учитывать несколько факторов. Прежде всего следует подчеркнуть, что выборы проводились в условиях, когда еще не во всех районах России победила Советская власть, принятые Вторым Всероссийским съездом Советов декреты о мире и земле во многих местах еще не были известны. Кроме того, выборы проводились по ста-

рым кандидатским спискам, составленным еще в сентябре 1917 г., до раскола партии эсеров фактически на две партии — левых и правых эсеров. Среди крестьянства правые эсеры пользовались поддержкой, за их списки призывали голосовать и многие губернские Советы крестьянских депутатов. А левые эсеры с их непоследовательностью и колебаниями в период поляризации классовых сил так и не сумели привлечь массы на свою сторону. Поэтому правые эсеры смогли получить мандатов больше, чем любая другая партия, прежде всего за счет голосов крестьян. Большевикам отдали свои голоса 23,9 процента участвовавших в голосовании, 40 процентов — эсерам, 2,3 процента — меньшевикам, 4,7 процента — кадетам и т. д.[1]

— Вы сказали, что голосовали за списки. Можно ли пояснить, как проводились выборы?

— Современному читателю такая система может показаться архаичной, а пояснения скучными. Но кратко изложить ее следует. В соответствии с Положением, определявшим порядок подготовки и проведения выборов, партии и группы выставляли своих кандидатов списками. (В Петрограде, например, баллотировалось 19 списков, в Москве — 12, в Петроградской губернии — 10 и т. д.) Голосование производилось записками. В каждой из них был напечатан один список кандидатов конкретной партии.

— Значит, избиратель получал столько записок (будем их называть по-современному бюллетенями), сколько партий или групп баллотировалось в округе?

— Да, но в урну он опускал только тот бюллетень, то есть список, записку той партии, которой хотел отдать свой голос. Вычеркивание фамилий конкретных депутатов не допускалось. Голосовать можно было только списком. Но в некоторых округах (в основном с небольшим числом избирателей) действовала иная избирательная система. Там избрание определялось простым большинством голосов, поданных за конкретного кандидата.

---

[1] Несколько иной была расстановка сил в столице (см. таблицу).

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ

В Петрограде было выставлено 19 списков. Приводим результаты выборов

ПАРТИИ И ГРУППЫ	КОЛИЧЕСТВО ГОЛОСОВ
Большевики	424 024
Кадеты	246 506
Эсеры	152 230
Эсеры-оборонцы	4 706
Меньшевики-оборонцы	17 427
Меньшевики	10 507
"Единство"	1 823
Православные приходы	24 129
Энесы	19 109
"Междупартийное единение христиан-демократов"	14 382
Союз казачьих войск	6 711
Лига равноправия женщин	5 231
"Независимый союз"	4 942
Украинские социал-демократы и эсеры, сионисты	4 219
Христианско-демократическая партия	3 797
Радикально-демократическая партия	413
"Лига развития народа"	386
"Женский союз помощи родине"	318
"Социалисты-универсальеры"	158

— Широко известна ленинская телеграмма: "Остаюсь депутатом Балтийского флота, прошу заменить меня следующим кандидатом по списку большевиков" (*Полн. собр. соч. Т. 50. С. 16*).

— В. И. Ленин получил право на мандат члена Учредительного собрания в нескольких округах — в Петрограде, Петроградской губернии, Москве, на Северном фронте, Балтийском флоте. Он должен был принять избрание по какому-то одному округу и выбрал Балтийский флот, а в другие округа была направлена эта телеграмма. В. И. Ленин обычно возглавлял депутатские списки большевиков, поэтому после снятия его кандидатуры место в Учредительном собрании получил следующий за избранными кандидат большевиков.

Кроме Ленина членами Учредительного собрания были избраны Ф. Э. Дзержинский, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, Я. М. Свердлов, Ф. Ф. Раскольников, А. С. Бубнов, И. В. Сталин, С. Г. Шаумян, И. И. Скворцов-Степанов, Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Н. Н. Крестинский, П. Е. Дыбенко, Л. Д. Троцкий, А. И. Рыков, М. В. Фрунзе и другие.

— Выборы закончились, но политическая борьба вокруг Учредительного собрания не только не утихла, но еще более обострилась. Для характеристики отношения большевистской партии к событиям, происходившим после выборов 12 ноября, необходимо, видимо, остановиться на ленинской статье "Тезисы об Учредительном собрании", опубликованной в "Правде" 13 декабря.

— В этой статье В. И. Ленин еще раз изложил политику большевиков в отношении Учредительного собрания в период между Февралем и Октябрем. Он подчеркнул, что лозунг "Вся власть Учредительному собранию!" превратился в лозунг буржуазной контрреволюции и ее пособников. Отсюда следовал вывод о недопустимости формально-юридического подхода к вопросу об Учредительном собрании, о необходимости рассматривать его в связи с общеполитической обстановкой и ходом гражданской войны, об обязательности для большевиков ставить интересы революции выше формальных прав Учредительного собрания. В. И. Ленин писал о "единственном шансе" для Учредительного собрания — осуществлении народом права на перевыборы его членов, признании Учреди-

тельным собранием Советской власти, революции, ее политики в вопросах о мире, о земле, о рабочем контроле *(см.: Полн. собр. соч. Т. 35. С. 166).* Но надежды на то, что этот "шанс" будет использован, было мало. Действия собравшейся в столице эсеровской фракции членов Собрания свидетельствовали о том, что они по-прежнему требуют передачи всей власти Учредительному собранию. И в этой обстановке СНК все же принял решение о его открытии 5 января 1918 г. Но "при наличии установленного кворума в 400 человек", то есть более половины избранных, для обеспечения возможности принятия Собранием решений.

— В это время правые эсеры, как известно, готовили заговор против Советской власти?

— Не только правые эсеры. К выступлению готовились монархические офицеры, некоторые правые кадеты. Их целью было установление военной диктатуры, а назревавшее столкновение Советской власти с Учредительным собранием представлялось им лишь удобным случаем для вмешательства в события. В конце декабря "Правда" напечатала несколько статей, в которых разъяснялась позиция большевиков по отношению к созыву Учредительного собрания, подчеркивалось, что призывы передачи ему всей власти — это призывы к разжиганию гражданской войны против Советов. В случае успеха борьбы против Советов власть, вероятнее всего, перешла бы не к Учредительному собранию и его эсеровскому большинству, а к силам буржуазной контрреволюции. "Все попытки черновых удержать движение в желательных для них пределах приведут к жалкому фиаско, и они также будут отброшены от власти напором справа, как были отброшены напором слева в Октябрьские дни", — писала "Правда".

— Для эсеров эти предупреждения были пустым звуком.

— Да, они лихорадочно готовились к антисоветскому выступлению 5 января. Шли заседания центральных, городских и районных эсеровских партийных комитетов, распространялись призывы "всюду устраивать митинги и демонстрации", приступить к созданию на местах "крестьянского ополчения". Эсеровское руководство готовилось к захвату власти пу-

тем не только "конституционной", но и вооруженной борьбы. 1 января 1918 г. эсеровской террористической группой было осуществлено покушение на В. И. Ленина. Его автомобиль был обстрелян.

— Но и большевики принимали меры для предотвращения антисоветских выступлений?

— 3 и 4 января на всех заводах и в полках Петрограда были организованы митинги, на которых большевистские ораторы разоблачали замыслы контрреволюционеров, призывали массы дать отпор провокационным подстрекательствам и "мирным" демонстрациям и забастовкам, говорили о твердой решимости ЦК партии и Совнаркома отстоять завоевания революции. Хочу особо выделить принятие ВЦИК Советов 3 января 1918 г. "Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа", написанной В. И. Лениным. Этот документ провозглашал Россию республикой Советов, подтверждал все ее важнейшие завоевания: переход земли в общенародное достояние, установление рабочего контроля над производством, переход всех банков в собственность государства, разрыв Российской республики с империалистической политикой и др. Имелось в виду, что Декларация будет представлена Учредительному собранию на одобрение сразу после его открытия.

— 5 января "Известия ЦИК" напечатали извещение комиссара над Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (Всевыборы) М. С. Урицкого, в котором депутаты приглашались "пожаловать на первое заседание Всероссийского Учредительного собрания 5 января, в 12 часов дня". К этому часу многие из них прибыли во дворец. Но открытие в назначенный час не состоялось. Почему?

— К этому времени в Белом зале Таврического дворца должны были собраться более 400 депутатов Учредительного собрания, то есть необходимый кворум (всего было избрано 715 человек). Но не собрались. Помешали манифестации "защитников" Учредительного собрания.

— Обратимся к современной публикации. Вячеслав Костиков утверждает в "Огоньке": "5 января 1918 года в Петрограде состоялась мирная демонстрация в поддержку собравшегося в Таврическом дворце Учреди-

тельного собрания. Рабочие, студенты, левая интеллигенция шли под знаменами Российской социал-демократической рабочей партии. В колоннах демонстрантов были рабочие Обуховского и Патронного заводов, с Выборгской стороны, с Васильевского острова... Выступление петроградских рабочих было продиктовано стремлением сохранить единство левых сил... Против них были посланы войска. Учредительное собрание было объявлено "контрреволюционным" и разогнано, демонстрация рабочих расстреляна. Была упущена историческая возможность сотрудничества левых сил России в рамках демократически избранного парламента".

— Я уже приводил данные, опровергающие эту бездоказательную умозрительную конструкцию. Ни о каком "единстве" левых сил не могло быть и речи. Шла борьба за власть, точнее, велась борьба против рабоче-крестьянской Советской власти. Демонстрация действительно была. Организатором ее стал "Союз защиты Учредительного собрания". Ядро манифестантов составляли члены эсеровских, меньшевистских и кадетских организаций, интеллигенция, студенты, гимназисты. Рабочих и солдат было ничтожное количество. Манифестанты хотели прорваться к Таврическому дворцу. Подступы к нему охраняли специальные заставы. Не обошлось без провокаций. В полковой комитет Преображенского полка звонили неизвестные лица и уверяли, что семеновцы якобы покинули казармы и ведут бой с латышами. А семеновцев извещали, что казармы преображенцев окружены. Произошли стычки демонстрантов с заставами. Имелись жертвы с обеих сторон. По всему Петрограду в тот день было убито не более 8 человек. У некоторых задержанных обнаружены револьверы и ручные гранаты. Видимо, для "сохранения единства левых сил".

— Итак, 5 января 1918 г. в 16 часов в Зале заседаний Таврического дворца столкнулись власть реальная и власть умозрительная. Депутаты заняли свои места: левый сектор — большевики, рядом с ними — левые эсеры, а большая часть центра и правый сектор — эсеры и представители других фракций. Кадеты отсутствовали.

— Я. М. Свердлов зачитал "Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа". Затем председ-

дателем был избран эсеровский лидер В. М. Чернов. "Декларацию прав" собрание обсуждать отказалось. Лидеры меньшевиков и эсеров предлагали свои рецепты уже решенных новой властью вопросов о земле, мире и др. Левый эсер И. З. Штейнберг с возмущением говорил с трибуны Учредительного собрания: "Если бы те люди, которые сегодня приходят с этими словами и речами (о праве народа на землю без выкупа, о демократическом мире без аннексий, о контроле над производством, о федерации. — *О. З.*) на устах, знали бы эти слова и дела раньше, то не надо было бы им повторять, не надо было бы им сегодня бороться, выступать заступниками Учредительного собрания". И одна возможность для Собрания выполнить волю народа, подчеркнул он, — это подчиниться его воле, изложенной в программе Совета рабочих и солдатских депутатов. Во время объявленного в двенадцатом часу ночи перерыва совещались фракции. В Зал заседаний вернулись лишь два большевика, чтобы сообщить о решении своей фракции покинуть заседание Учредительного собрания.

Слово взял Ф. Ф. Раскольников. Под негодующие возгласы эсеро-меньшевистских депутатов он заявил: "В Учредительном собрании получила большинство партия правых с.-р., партия Керенского, Авксентьева, Чернова. Эта партия, называющая себя социалистической и революционной, руководит борьбой буржуазных элементов против рабочей и крестьянской революции и является на деле партией буржуазной, контрреволюционной... Нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению... Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем это Учредительное собрание, с тем чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания".

— Но после ухода большевиков Учредительное собрание даже уже не имело кворума, который был необходим для признания его правомочности?

— И все же по предложению Чернова решено было

не расходиться до тех пор, пока не будет завершено обсуждение подготовленных эсеровской фракцией законов о мире и земле. В пятом часу утра Зал заседаний покинули и левые эсеры. Осталось 200 с небольшим депутатов, сгрудившихся в правом секторе, да около 400 заполнивших верхний ярус зала представителей общественности, главным образом рабочих и солдат. И здесь наступил тот момент, который хорошо известен по фильмам, спектаклям, романам, публицистическим статьям.

— Вы имеете в виду знаменитую фразу матроса А. Г. Железнякова?

— Действительно, Железняков подошел к трибуне, с которой Чернов зачитывал проект закона о земле, немного подождал, а затем тронул его за плечо: "Караул устал!" А теперь обратимся к стенографическим записям заседания:

"**Гражданин матрос.** Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал. (Голоса: "Нам не нужно караула".)

Председатель. Какую инструкцию? От кого?

Гражданин матрос. Я являюсь начальником охраны Таврического дворца, имею инструкцию от комиссара.

Председатель. Все члены Учредительного собрания очень устали, но никакая усталость не может прервать оглашения того земельного закона, которого ждет Россия. (Страшный шум. Крики: "Довольно, довольно!") Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила! (Шум. Голоса: "Долой Чернова!")

Начальник охраны... (Не слышно.) Я прошу покинуть зал заседания".

Чернов, однако, задержался еще на несколько минут на трибуне. Он дочитал 10 вводных пунктов эсеровского "закона о земле" (переход земли в "народное достояние" и распоряжение землей центральными правительственными органами и органами местного самоуправления), обращение к "союзным державам" (призыв "приступить к совместному определению точных условий демократического мира"), провозглашение России "демократической федеративной республикой". Увы! Все это могло вызвать благоприятный отклик у масс в марте—мае 1917 г., но календарь показывал январь 1918-го. После установления Советс-

кой власти прошло уже более трех месяцев. Попытки эсеро-меньшевистского большинства Учредительного собрания создать "вторую палату, палату теней Февральской революции", провалилась.

— В 4 часа 40 минут утра Чернов объявил заседание Учредительного собрания закрытым. Эсеровская фракция потянулась к дверям. Последняя страница истории Собрания закрылась.

— Это не совсем так. Многие члены Учредительного собрания полностью перешли в лагерь контрреволюции. Подтвердился прогноз, высказанный в декрете о роспуске Учредительного собрания, принятом ВЦИК в ночь на 7 января: "Ясно, что оставшаяся часть Учредительного собрания может... играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контрреволюции за свержение власти Советов".

— В этой связи можно вспомнить некоторые факты, относящиеся к лету—осени 1918 г.

— Вы имеете в виду деятельность Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), составленного из части эсеровской фракции? Хотя о нем известно из школьных учебников, следует все же напомнить о его деятельности. Прикрываясь красным знаменем с начертанным на нем лозунгом "Власть народу — власть Учредительному собранию", Комуч во главе с эсером В. К. Вольским, объявляя себя поборником "демократии", перешел вскоре к политике массовых репрессий против большевиков, революционно настроенных рабочих и крестьян. Начались денационализация банков и промышленных предприятий, понуждения крестьян к частичному возмещению "убытков" прежним владельцам земли. В дальнейшем Комуч попытался объединить вокруг знамени Учредительного собрания контрреволюционные областные правительства России и после образования в Уфе (сентябрь 1918 г.) так называемой Директории прекратил свое существование. Созданный вместо него "Съезд членов Учредительного собрания" приступил к подготовке нового созыва Учредительного собрания. Однако уже в ноябре 1918 г. колчаковский переворот положил конец Директории, а затем и "Съезду". Недолго существовали проучредиловское Временное правительство Северной области во главе с Н. В. Чайковским и екатеринодарс-

кий Комитет членов Учредительного собрания во главе с эсером Г. И. Шрейдером. Они были разогнаны белыми генералами.

— Олег Николаевич, вопрос, выходящий несколько за рамки беседы. В посвященных Учредительному собранию публикациях "неформалов" обращает на себя внимание одна деталь: их авторы используют стенографический отчет первого дня заседания "учредилки", изданный в 1918 г. в Петрограде и Одессе, а также значительно позднее в Париже. Однако историкам хорошо известен сборник "Всероссийское Учредительное собрание", вышедший в 1930 г. в серии "1917 год в документах и материалах". Почему же "неформалы" отдают предпочтение публикации 1918 г.?

— Добросовестный историк не может не знать всех изданий стенографических отчетов заседаний Учредительного собрания. Но какой из них он намерен использовать в своей работе — это зависит от его позиции и поставленной цели. Думаю, что ссылки на публикацию 1918 г. у "неформалов" не случайны. Ее готовил к печати эсер М. В. Вишняк, избранный секретарем Учредительного собрания. Он использовал стенографические записи, которые велись во время заседания, но подверг их некоторой стилистической, а главное — значительной авторской правке, например тексты речей эсера В. М. Чернова и меньшевика И. Г. Церетели. Вставлялись выпады против Советской власти, предложения одобрить проекты резолюций, которые даже не ставились на голосование, и т. д. Все делалось с целью представить эсеров в достойном виде. М. В. Вишняк дописал то, что "полагалось" говорить председателю Собрания, затем вырезал из газет или листовок тексты подготовленных эсеровской фракцией постановлений, наклеил их на незаполненные места стенограммы, перепечатал и в таком виде издал. Получилась явная фальсификация. Научно достоверна только публикация 1930 г.

* * *

Можно ли считать, что в январе 1918 г. был упущен шанс демократии, что разгон Учредительного собрания привел к узурпации власти, а затем к многомиллионным жертвам, деформациям социалистической за-

конности? В тех условиях классовой, гражданской войны Учредительное собрание было обречено. Оно явилось бы, как отмечалось на Третьем Всероссийском съезде Советов, "не учредительным, а упразднительным собранием", поскольку "имело единственной целью упразднить все завоевания Октябрьской революции". Когда в 1921 г. во время кронштадтского мятежа эсеровские сторонники вновь попытались использовать лозунг Учредительного собрания, В. И. Ленин в интервью американским корреспондентам четко и точно определил положение: "...в России возможны только два правительства: царское или Советское... Разве может человек со здравым умом допустить даже мысль об Учредительном собрании при том ненормальном состоянии, в котором находится Россия. Учредительное собрание в настоящее время было бы собранием медведей, водимых царскими генералами за кольца, продетые в нос" (*Полн. собр. соч. Т. 43. С. 129*). Именно с Советами связывали будущее России рабочие и крестьяне. А защита идеи Учредительного собрания в 1917—1918 гг. и его идеализация в современных условиях — бесплодны. Ибо и тогда, и теперь эта идея всего лишь словесное прикрытие борьбы за власть.

* * *

А теперь несколько вопросов к В. И. Миллеру.

— Вы не могли бы подробнее рассказать, что происходило на улицах Петрограда днем 5 января.

— 5 января 1918 года на улицы столицы, включая и просто любопытных, вышло от 50 до 60 тысяч человек. Да, в демонстрации участвовали и рабочие. (Кстати, только одно предприятие откликнулось на призыв Союза защиты Учредительного собрания к демонстрации. Это была Экспедиция по заготовлению государственных бумаг, ныне фабрика "Гознак".) Но все оставившие свои воспоминания об этом дне (и в их числе оказавшиеся в эмиграции лидеры эсеров и кадетов) подчеркивали, что "рабочие составляли ничтожную часть демонстрантов, а их основная масса состояла из чиновников, студентов, интеллигентов и просто обывателей".

Интересные наблюдения содержатся в опубликованных за рубежом воспоминаниях Б. Соколова, тогда председателя Военной комиссии ЦК партии эсеров. "Трудно предположить, — писал он, — что большинство демонстрантов было на стороне Учредительного собрания. Более чем вероятно, что только незначительная часть демонстрировавших была подлинными сторонниками последнего. Но другое чувство, кроме любви к демократическому Учредительному собранию, владело толпой: это была ненависть к большевикам. Обыватель-петроградец, в широком смысле этого слова, готов был всколыхнуться от своей пассивности и пойти даже за Учредительным собранием, если последнее найдет в себе достаточно сил, чтобы свергнуть большевистское правительство".

— Из ответов О. Н. Знаменского следует, что в подготовке к вооруженному выступлению, кроме эсеров, принимали участие монархически настроенные офицеры, некоторые правые кадеты...

— Этот список можно продолжить. В подготовке свержения Советской власти участвовали и представители других партий. Но все же ведущую роль в этих событиях играла партия эсеров. К началу января 1918 года Союз защиты Учредительного собрания совместно с Военной комиссией ЦК эсеров готовили военный переворот. В его осуществлении должны были принять участие броневой дивизион, Семеновский и Преображенский полки, эсеровские боевики столицы, а также собранные с фронтов офицеры и солдаты, которых ЦК эсеров пригласил в Петроград под предлогом обучения в солдатском народном университете. Был создан и штаб, который разработал подробный план вооруженного выступления. Одновременно готовились покушения на В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, которые должны были ослабить силу сопротивления большевиков. Как вспоминал Б. Соколов, первоначально предполагалось не убивать большевистских лидеров, а держать их в качестве заложников. Вместе с тем руководитель группы боевиков, готовившей захват, эсер Онипко говорил, что "мы не задумываемся перед более решительным изъятием этих вредных лиц". Опасаясь массового народного возмущения, ЦК эсеров запретил эту акцию, но, как вспоминал тот же Б. Соколов,

"отголоском этого дела, этого плана было неудачное покушение на Ленина, имевшее место в последние числа декабря. Несколько револьверных пуль, прошивших автомобильный кузов...".

3 января 1918 года ЦК эсеров обсуждал ход подготовки к выступлению. Учитывая ничтожность реальных сил, которыми располагали заговорщики, он принял решение не приводить в исполнение подготовленный план. Вместе с тем ЦК предложил Военной комиссии "в случае активного массового выступления, когда войска сами станут на сторону восставших, когда движение выльется в стихийное вооруженное столкновение с большевиками, взять на себя руководство движением, регулировать его". Таким образом, вооруженное выступление не было отменено вовсе, его было решено начать, если для него сложатся определенные условия. И действия эсеровских боевиков в течение 5 января имели целью спровоцировать столкновения и тем подготовить начало мятежа.

— И как же реагировали большевики на все эти действия эсеров? О. Н. Знаменский указал на политические цели большевиков, но, видимо, принимались и военные меры?

— Планы эсеров не остались секретом для большевиков, и они готовились к обороне.

Один из участников событий, большевик Е. Пинежский, вспоминал: "Было решено не препятствовать мирной демонстрации, но быть наготове к решительной ликвидации попытки переворота". Был создан Чрезвычайный штаб с К. Еремеевым во главе, который организовал охрану района Смольного. В отданном им приказе говорилось: "Безоружных возвращать обратно. Вооруженных людей, проявляющих враждебные намерения, не допускать близко, убеждать разойтись и не препятствовать караулу выполнять данный ему приказ. В случае неисполнения приказа — обезоружить и арестовать. На вооруженное сопротивление ответить беспощадным вооруженным отпором. В случае появления на демонстрации каких-либо рабочих убеждать их до последней крайности, как заблудившихся товарищей, идущих против своих товарищей и народной власти". Такова была позиция другой стороны.

А теперь о том, как развернулись события. В ряде мест демонстранты, подстрекаемые эсеровскими агит-

аторами, прорвали оцепление, и караулы красногвардейцев и матросов были вынуждены применить оружие. Несколько человек погибло. Такова правда о демонстрации 5 января.

— Теперь, пожалуй, главный вопрос. Один из наших современных публицистов, В. Костиков, с которым уже полемизировал О. Н. Знаменский, в частности, писал: "Была упущена историческая возможность сотрудничества левых сил в рамках демократически избранного парламента". А была ли такая возможность? Желали ли, например, эсеры, имевшие большинство в Учредительном собрании, такого сотрудничества? И на какой базе было бы возможно такое сотрудничество?

— Огромное большинство эсеровской фракции никакого сотрудничества с большевиками и левыми эсерами не желало. Вот что писал впоследствии М. В. Вишняк, избранный 5 января секретарем Учредительного собрания: "Убеждать и спорить с большевиками в самом заседании представлялось совершенно никчемным. Важно [было] провести заседание так, чтобы оно, даже если бы оказалось последним, укрепило бы позиции для последующей борьбы с большевиками". Так что не для конструктивной работы шла 5 января эсеровская фракция в Таврический дворец.

— И что же, вся фракция эсеров была единодушна?

— Как мне кажется, в рядах эсеровской фракции был человек, который не исключал и иного поворота события. Этим человеком был лидер партии социалистов-революционеров В. М. Чернов, избранный 5 января председателем Учредительного собрания.

В своих воспоминаниях, где он излагал основные положения своей речи, Чернов начал со слов: "Страна высказалась. Состав Учредительного собрания — живое свидетельство мощной тяги народов России к социализму. (Кстати, это одно из первых свидетельств о социалистическом выборе России. — *В. М.*) ... Вопрос о земле предрешен: она станет общим достоянием, на равных правах открытым для всех трудящихся и желающих трудиться... Наша страна стала цитаделью освобождающихся революций, и в ней по призыву революционного правительства должен состояться съезд Интернационала, который будет съездом умиротворения народов. Советы, как органы общественного

контроля, должны быть не соперниками, а союзниками Учредительного собрания".

К этим строкам из воспоминаний Чернова можно добавить выдержки из тех мест его речи, которые, видимо, показались ему не столь важными. Так, говоря о том, какой он видит будущую Россию, Чернов подчеркнул, что она станет федеративной демократической Российской республикой, союзом свободных равноправных народов, "шествующих под красным знаменем социализма". Чернов далее выразил уверенность в том, что будет организована "добровольческая армия, которая под красным знаменем социализма сумеет обеспечить возможность России заниматься делом внутреннего переустройства". Перечень подобных мест в речи Чернова вполне может быть продолжен.

— И как же восприняло эту речь Чернова эсеровское большинство Учредительного собрания?

— Нужно сразу сказать, что у его соратников по партии речь Чернова вызвала резкое неудовольствие. Определенную роль здесь сыграло то обстоятельство, что эсеровская фракция Учредительного собрания была намного правее и партии в целом, и ее ЦК, лидером которого был Чернов. Вот что писал в своих воспоминаниях М. В. Вишняк, секретарь Учредительного собрания: "Кандидатура в председатели В. М. Чернова была одобрена после детального обсуждения, многих возражений и колебаний — по необходимости, за отсутствием лучшей, без всякого воодушевления ... В данном случае и политическая линия Чернова не вполне совпадала с линией, которой держалась фракция и ее бюро. Но выбора не было — естественный председатель Авксентьев (лидер правого крыла партии, являвшийся в сентябре — октябре 1917 года председателем Предпарламента. — *В. М.*) находился в Петропавловской крепости. Чернова к тому же меньше коснулась большевистская клевета и напраслина. "Селянский министр", как любил себя называть Чернов и как с издевкой именовали его и враги, успешнее других конкурировал в крестьянской среде в популярности и влиянии с победителями-большевиками". Так что и до открытия собрания в эсеровской фракции к Чернову относились с недоверием. А сама речь вызвала почти негодование. Но дадим слово самим членам фракции.

Вот что писал, например, тот же М. В. Вишняк: "Она (речь. — *В. М.*) была выдержана в социалистических и интернационалистических тонах и как бы пыталась быть созвучной и левому крылу собрания. Точно оратор стремился в чем-то заверить или переубедить противников, вместо того чтобы возможно резче отмежеваться от них и противопоставить им себя как символ всероссийского народовластия". В сходных тонах характеризовал речь Чернова и более близкий к нему О. С. Минор. "Она многих не удовлетворила теми уклонами, которые как будто давали исход некоторой левизне, некоторым уступкам в сторону большевиков. В самом деле программная речь В. М. Чернова была построена как бы нарочно для того, чтобы создать какую-нибудь возможность совместной с большевиками законодательной работы". Так что речью Чернова эсеровская фракция была недовольна. Впрочем, и большевики не услышали обращенного к ним призыва к компромиссу.

— А как большевики оценили речь Чернова?

— На другой день после первого и единственного заседания Учредительного собрания В. И. Ленин начал писать статью "Люди с того света", посвященную этому событию. Статья осталась недописанной и увидела свет уже после смерти Ленина, в 1926 году. Но отдельные ее места позволяют понять, как отнесся Ленин к речи Чернова. Так, Ленин писал о ней как о "заклинаниях сахарного сладкопевца", о "потоке гладеньких-гладеньких фраз.., обходящих заботливо только (только!) один вопрос, вопрос о Советской власти, об Октябрьской революции" (*Полн. собр. соч. Т. 35. С. 230*). Столь категоричная оценка может вызвать удивление у современного читателя, но не следует забывать, что для Ленина и других большевиков не осталась тайной деятельность эсеровских активистов, готовивших в эти дни вооруженное выступление. Лидеры большевиков понимали и то, что для эсеровской фракции Чернов был декоративной фигурой, призванной замаскировать подлинные цели эсеровского руководства. Я не думаю, что Ленин сомневался в искренности Чернова, но в моменты острых социальных конфликтов постоянно встает вопрос о политическом смысле любой, внешне даже самой благородной позиции и о возмож-

ностях ее реализации. Поэтому негативное отношение большевиков к речи Чернова, я думаю, было предопределено.

— И все же, был ли шанс к политическому компромиссу на Учредительном собрании?

— На мой взгляд, реальных шансов на это не было. Два противостоявших друг другу крыла Учредительного собрания не видели возможности компромисса и даже не желали его. Поэтому и планы "миротворца" Чернова, если таковые имелись, были обречены на неудачу.

— И, наконец, последний вопрос. Сейчас часто говорят о том, что разгон Учредительного собрания явился и причиной и фактическим началом гражданской войны. Как вы относитесь к этому утверждению?

— Для начала нужно договориться о том, что мы понимаем под гражданской войной. Из многих определений я бы выбрал самое краткое: гражданская война — это вооруженная борьба между двумя частями народа (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 8*). Если подойти к истории с этой точки зрения, то окажется, что гражданская война началась задолго до роспуска Учредительного собрания, что ее первые залпы прозвучали еще в апрельские и июльские дни 1917 года, что ее первой крупной операцией было корниловское выступление, а с осени 1917 года под названием "крестьянское восстание" она широко разлилась по стране. Октябрьская революция, приведшая Советы к власти на большей части территории России мирно, открыла для ряда районов новый этап гражданской войны. Это были некоторые казачьи и национальные районы и отдельные города, где сторонники Временного правительства могли опереться на военные училища, школы прапорщиков и т. п. Но число таких районов было невелико, и уже в январе 1918 года этот этап гражданской войны подходил к концу. О надеждах на скорейшее прекращение гражданской войны говорил, кстати, и Чернов в своей речи при открытии Учредительного собрания.

Но публицисты, которые связывают разгон Учредительного собрания с началом гражданской войны, имеют в виду "большую" гражданскую войну, развернувшуюся с лета 1918 года. Между тем в самой

констатации этого факта уже содержится элемент ответа на поставленный вопрос. Учредительное собрание было распущено в начале января 1918 года, гражданская война внутри страны началась в июне. Уже этот разрыв во времени говорит о том, что гражданская война началась не в ответ на роспуск Учредительного собрания.

Еще в сентябре 1917 года В. И. Ленин писал, что для возникновения гражданской войны против власти Советов "нужны хоть какие-нибудь *массы*, способные *воевать* и победить Советы" (*Полн. собр. соч. Т. 34. С. 223*). А таких масс у противников Советской власти в январе 1918 года не было. Это признавали и сами эсеры. Мало кому известно, как прореагировал ЦК ПСР на роспуск Учредительного собрания. Хотя, конечно, были протесты и даже "решительные" против этого акты, но уже 8 января на заседании ЦК было решено выяснить, "каковы условия работы на III съезде Советов рабочих и солдатских депутатов", а когда съезд открылся, эсеры приняли в нем участие. Более того, когда съезд избрал ВЦИК Советов, в него вошли и 7 эсеров.

Все это, конечно, не значит, что эсеры отказались от идеи передачи власти Учредительному собранию, но, как вспоминал впоследствии Чернов, "во фракции (эсеров) Учредительного собрания стало пользоваться почти всеобщим признанием убеждение, что в столицах дело Учредительного собрания нужно считать проигранным; остается искать где-то еще на территории России место, которое бы пригласило Учредительное собрание к себе и оказало бы ему защиту. ... Так, естественно, и стала складываться идея о перенесении Учредительного собрания в Урало-Волжский регион". Немецкое наступление на Петроград, "похабный" Брестский мир, выход из СНК левых эсеров, обострение противоречий в рядах большевиков — все эти события, писал далее Чернов, "укрепили в с.-р. рядах непримиримую оппозицию к большевистской диктатуре и готовность при первой возможности поднять против нее знамя восстания". Обратите внимание на оговорку "при первой возможности". За ней стояло понимание того, что даже весной, в марте — апреле 1918 года, такой возможности еще не было.

Положение изменилось к началу лета 1918 года, когда вынужденная обстоятельствами политика Советской власти в деревне и самоуправство ее органов на местах вызвали острое недовольство крестьянства. Против Советской власти выступило уральское казачество, антисоветские мятежи охватили ряд районов Поволжья и Приуралья, в конце мая начался чехословацкий мятеж. "В этих условиях, — писал далее Чернов, — в июне 1918 года Поволжский областной комитет ПСР заключил с Уральским казачьим войском союз для ликвидации большевистской диктатуры и провозглашения власти Учредительного собрания в Поволжье и Приуралье. Центральный комитет (эсеров)... этот союзный договор утвердил". Последующие события уже широко известны.

И несколько слов в заключение. Я думаю, историки должны поблагодарить публицистов за то, что поставленные ими вопросы помогли рассказать правду о том, как эсеры начинали гражданскую войну под лозунгом передачи власти Учредительному собранию.

В. ЛОГИНОВ,
доктор исторических наук

Играют картами краплеными

Газета "Россия" (№ 3) и журнал "Столица" (№№ 1, 4 — 1991 г.) напечатали серию документов, которые теперь — уже окончательно — должны убедить читателя в том, что Ленин действительно был "немецким шпионом". Ни автор статьи в "России" (А. Владимиров), ни автор публикаций в "Столице" (А. Арутюнов) не скрывают источника, из которого они черпали документы и факты. Это книга, изданная в ноябре 1918 г. в Америке представителем так называемого "Комитета общественной информации США" в России Э. Сиссоном под названием "Немецко-большевистская конспирация".

Поскольку читателю-неисторику эта публикация вряд ли известна, придется коротко рассказать об этом "источнике истины".

Публикация Сиссона состояла из семи десятков "документов", часть которых, как утверждал составитель, якобы печаталась по фотокопиям с подлинников, а часть — причем как раз именно та, где большевики уличались в получении "немецкого золота", — по машинописным копиям. "Документы" эти были приобретены Сиссоном у известного черносотенного журналиста Е. Семенова, специализировавшегося еще в годы войны на разоблачении "немецких шпионов". Правда, уже в апреле 1917 г. было установлено, что все "списки шпионов" были изготовлены "под пьяную руку" сотрудниками контрразведки по справочнику "Весь Петроград", дабы доказать "продуктивность работы" спецслужб, а то и просто для шантажа упоминаемых лиц (см. "Былое", 1924, № 26).

Семенов, однако, продолжил свою деятельность. После Октября он якобы пристроил своих людей на канцелярскую работу в Смольный, где они и приступили к изготовлению копий "наиболее интересных бумаг", а затем начали весьма выгодно продавать их заинтересованным лицам.

К этим "заинтересованным лицам" и принадлежал Сиссон. Свою публикацию он предварил заключением двух американских профессоров Джемпсона и Гарпера, отнюдь не являвшихся специалистами в данных вопросах, которые очень осторожно написали, что относительно фотокопий у них нет сомнений в их аутентичности, что же касается машинописных копий, то у них нет гарантии их точности, но нет и оснований отрицать их подлинность.

Однако после выхода публикации Сиссона такие основания появились, причем у людей, которые отнюдь не симпатизировали ни Ленину, ни большевикам.

Подделка была сработана слишком грубо. Достаточно сказать, что подпись Е. Поливанова под "главным документом" № 1 (опубликованным ныне газетой "Россия") у специалиста может вызвать только смех. Поливанов, несколько недель работавший канцеляристом в Наркомате иностранных дел, был изгнан оттуда за принадлежность к черносотенному "Союзу русского народа", а также за пьянство и взяточничество и никакого доступа к "секретным архивам" не имел.

Будущий чешский президент Масарик, связанный в те годы с разведслужбами стран Антанты и приложивший немало усилий для изобличения подлинных немецких агентов, ознакомившись с публикацией "документов" Сиссона, с юмором заметил: "Не знаю, сколько за них дали американцы, англичане и французы, но для сведущего человека из содержания сразу было видно, что наши друзья купили подделку".

Известный историк П. Милюков, поначалу признавший подлинность документов, позднее написал: "Так как за эти документы платили деньги, и, вероятно, немалые, то, быть может, за оскудением подлинных документов посредники иной раз подкидывали и сочиненные ими при помощи приобретенных ими знаний и бланков".

Припертый к стене Е. Семенов вынужден был признать, что подделка якобы не его вина, ибо "к этому

делу, выражаясь вульгарно, примазались разные дельцы, которые не только торговали нашими же документами, но и сочиняли свои".

А. Владимиров, публикуя в "России" эти документы, горестно вопрошает: почему молчат "об этой загадке века" историки? Ведь это "просто неразумно"... Но что же делать, если среди порядочных людей — и историков и неисториков — считается, что ссылаться на фальшивки, а тем более распространять их, является делом малопочтенным и даже неприличным...

Читая эти публикации в газете "Россия" и журнале "Столица", я все время задавал себе вопрос: неужели авторы действительно не знают о том, что они публикуют заведомую подделку? Нет, факт этот общеизвестен, и в таком профессиональном невежестве их нельзя заподозрить. В чем же дело?

Ответ дал журнал "Столица". Заключая публикацию сиссоновских "документов", А. Арутюнов с пафосом восклицает: "К какому будущему могла привести партия, на которой изначально стоит родимое пятно национальной измены? Партия, чьи руководители осуществили переворот на немецкие деньги, а чтобы скрыть этот факт, оптом и в розницу распродавали страну правительству враждебного государства. Партия национальной измены могла привести страну только к национальному краху".

Так вот в чем дело. Значит, речь идет не о поиске истины, а о нынешней политической борьбе, со всеми присущими ей нравами, для которой сгодилась и старая крапленая карта. Что ж, боритесь, если угодно... Напомню вам лишь слова Короленко, сказанные как раз по этому поводу: "Старая истина — нужно бороться только честными средствами".

Г. СОБОЛЕВ,
доктор исторических наук

Письма из 1917 года

"История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека" — таков классический вывод марксизма (*К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 2. С. 102*). А как показывает опыт истории, наиболее откровенно человек заявляет о своих целях и наиболее решительно борется за них в эпоху революционных бурь. Это с особой силой обнаружилось в России 1917 г., где революция вызвала к активной политической жизни многомиллионные массы людей, предельно обнажив их чаяния и идеалы.

Однако, изучая многие годы место и роль народных масс, классов и партий в период Февральской и Октябрьской революций, наши историки как-то "потеряли из виду" простого человека с его интересами, помыслами, настроениями. А ведь именно он совершал революции, принимал либо не принимал их или занимал колеблющуюся позицию. Редкий историк не приводит ленинской цитаты о том, что всякая революция означает крутой перелом в жизни громадных масс народа. Но этим, как правило, и ограничивается, не пытаясь раскрыть такой перелом на уровне психологии личности. Между тем у Ленина мы находим тонкие наблюдения простого человека в революционную эпоху. Скажем, в работе "Удержат ли большевики государственную власть?" им приводятся слова рабочего (в семье которого в июльские дни 1917 г. Владимир Ильич скрывался от ареста), как нельзя лучше, по убеждению автора, отразившие политическую ситуацию: "Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. "Они" не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба...

Мы "их" нажали, "они" не смеют охальничать, как прежде. Нажмем еще — сбросим совсем" — так думает и чувствует рабочий", — заключает Ленин (*Полн. собр. соч. Т. 34. С. 322, 323*).

Разворачивавшийся тогда стремительными темпами процесс политизации индивидуального сознания отнюдь не сводился к влиянию лишь внешних сил в лице политических партий и идеологических течений, пропаганды и агитации. Многое зависело и от личностного восприятия действительности. Более того, с тем или иным исходом событий каждый соизмерял и свою личную судьбу и соответственно выбирал позицию.

Разумеется, на поведение личности воздействовали многие факторы: социальные и классовые отношения, система воспитания, людские потребности и степень их осознания в форме социальных интересов и целей. Но если в обычное, бескризисное время от открытого выражения своих умонастроений, активного вмешательства в "государственные" дела человека удерживает некая "внутренняя скорлупа", то в переломные моменты она вдруг исчезает. Как же происходит в такие периоды превращение "обывателя" в гражданина? Вопрос, важный не только для политика или социолога, но и для историка революционной эпохи.

Глубже понять характер и сущность революционных событий — значит уяснить и те качественные изменения, которые происходят в социальных регуляторах поведения человека. Будучи следствием нарушения прежних регуляторов, революция, в свою очередь, формирует новые отношения в обществе. Это сложный процесс, выражающий взаимодействие человека и социальной группы, класса, общества в целом. Но механизм такого взаимодействия применительно к периоду революционных событий в России 1917 г. практически не изучался. Правда, в свое время русский социолог, а затем один из основоположников американской социологической школы — П. Сорокин — выдвигал тезис о "примитивизме психологической жизни революционного общества", которое "вдруг забывает все свои традиции, представления, идеи и порывает с прошлым". Угасают вначале, считал он, рефлексы подчинения, как это наблюдалось в России в канун свержения самодержавия. Февральская же революция,

по его мнению, означала полное "разрушение рефлексов повиновения авторитету императора". Сам Сорокин к этому вопросу впоследствии не возвращался, а мы, опровергая его многие годы, так и не предложили ничего иного в плане историко-психологического анализа.

Наконец, еще одно важное обстоятельство, которое, думается, следует иметь в виду, рассуждая о влиянии революционной обстановки на человека. Это — формирование типа личности в соответствии с отношением к переменам. Еще Г. Плеханов в своей работе "К вопросу о роли личности в истории" отмечал, что "сознание безусловной необходимости данного явления может только усилить энергию человека, сочувствующего ему и считающего себя одной из сил, вызывающих это явление". Такое сознание первоначально овладевает небольшой частью людей, которая и составляет революционный авангард. Между ним и обывательской массой образуется значительный промежуточный слой людей, ранее в политической жизни не участвовавших и силою обстоятельств вдруг приобщившихся к ней. Этот слой отражает особый тип личности со своим, "переходным", сознанием.

Итак, чтобы раскрыть проблему "человек в революции", историку необходимо затронуть целый ряд непростых вопросов. Но если, скажем, социолог в подобном исследовании может опереться на методы моделирования, социального эксперимента, анкетирования и т. д., историку приходится иметь дело только с теми источниками, которые оставила интересующая его эпоха, то есть искать проявление различных уровней сознания в документах, письмах, мемуарах, дневниках. При этом он должен к тому же следовать правилу, удачно сформулированному французским историком М. Блоком: "Чтобы проникнуть в чужое сознание, отдаленное от нас рядом поколений, надо почти полностью отрешиться от своего "я".

Среди источников революционного 1917 г., на основании которых можно судить об индивидуальном и общественном сознании того времени, есть и многочисленные письма, направлявшиеся людьми в различные организации и учреждения революционной власти. Они содержат поистине богатейший материал для вос-

создания "психологического климата" эпохи, выявления бытовавших в ту пору представлений, настроений, потребностей и устремлений. В письмах отражена не только индивидуальность их авторов. По ним мы можем судить и о том, как на мышлении и поведении людей сказывалась принадлежность к тому или иному социальному классу, группе, коллективу, причем самые сокровенные чаяния и идеалы здесь выражены, как правило, более прямо и непосредственно, нежели в дошедших до нас массовых источниках: протоколах, резолюциях и наказах общих собраний на заводах, в воинских частях, крестьянских сходов и т. д.

Однако письма современников революции все еще не стали у нас предметом особого и тщательного изучения, тогда как наши зарубежные коллеги-историки не обошли этот ценный источник. Например, французский ученый М. Ферро на основе математической обработки писем, телеграмм и обращений российских рабочих, солдат и крестьян во Временный комитет Государственной думы и Временное правительство обобщил интересные наблюдения о социальных устремлениях масс после свержения самодержавия.

Конечно, изучение писем 1917 г. требует большой и кропотливой работы: ведь их основная масса, разбросанная по центральным и местным архивам, пока не издавалась. Особенно большой поток корреспонденции с фабрик и заводов, из сел и деревень, с фронтов и флота шел в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, а затем, с образованием ЦИК Советов, и в его адрес. Значительная часть этих источников хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и Центральном государственном архиве Октябрьской революции Ленинграда (цитируемые ниже письма взяты из фондов этих архивов). Лишь немногие из них напечатаны в "Известиях" Петросовета, однако в целом, судя по всему, они тогда были просмотрены и помечены: "политические настроения", "важно", "симптоматично", "в архив" и изредка — "в печать".

Знакомство с письмами в адрес Петроградского Совета показывает, что трудящиеся России видели в нем орган революционной власти, от которого желали получить необходимые разъяснения и указания.

"Ради свободы пришлите агитаторов и распоряжений!" — писали в марте 1917 г. рабочие из Риги. "Просим вас выехать для установления нового режима", — требовали рабочие железнодорожной станции Остров. Рабочий из Бердянска писал: "Из газетных сообщений вижу, что Совет имеет решительное влияние на утверждение нового строя, а потому обращаюсь к нему". Приветствуя Совет, рабочий А. Вышнеградский называл его высшим выразителем народных чаяний: "Голос народа — голос Бога, а Совет рабочих и солдатских депутатов и есть голос народа российского, возвестивший народную волю тем, кто был достоин и божьего и человеческого гнева".

Интересно, что иногда письма адресовались непосредственно петроградским рабочим, что свидетельствовало об их огромном авторитете среди трудящихся России. Особым уважением пользовались рабочие Путиловского завода. "Обращаемся именно к вам, путиловцам, ибо считаем вас за самых серьезных и желающих добра нашей дорогой матушке-России", — писали солдаты 150-го Таманского полка в марте 1917 г. "Путиловцы всегда были головою рабочих", — отмечал в своем послании и солдат Н. Проков. Именно путиловцев просит житель кубанского села И. Савичев выслать необходимые материалы "для расширения и укрепления новых начал" среди односельчан.

Несмотря на чрезвычайно широкий круг вопросов, поднимавшихся в этих письмах, подавляющее большинство их проникнуто мыслью о судьбах революции, горячим желанием принять в ней активное участие. Захваченные революционными событиями рабочие Петрограда и солдаты Петроградского гарнизона, направляясь в деревню на полевые работы, в командировки и краткосрочные отпуска, требуют от Совета директив по революционному преобразованию деревни, хотят "приложить небольшие свои познания в пользу общего дела". Рабочий обуховского завода Т. Апенкин сообщал, что, по полученным им от крестьян Хлыстовской волости Могилевской губернии сведениям, помещик продолжает рубить лес и после революции, что, по его мнению, отныне недопустимо. Рабочий Путиловского завода И. Овсянкин, призывая защищать интересы "всего пролетариата и крестьянст-

ва", указывал на другой "возмутительный факт": у крестьян Калужской губернии отбирали скот, "как в старое время". Петроградский дворник в своем письме самым решительным образом протестовал против разбазаривания "казенного (бывшего), ныне нашего, национального топлива", призывал "обуздать прихлебателей царского или казенного добра".

Животрепещущей проблемой марта 1917 г. в России, как можно судить по многочисленной корреспонденции, стало отношение к свергнутой монархии. "Теперь, когда сбросили иго Романовых, не должно быть возврата к монархическому строю, хотя бы конституционному, — предостерегал рабочий-железнодорожник М. Сидоренко. — Республика — вот что мы, граждане, желаем, вот что нас привлекает, вот что в предрассветном тумане видим и вам заявляем, что, кроме Республики, ничто нас не удовлетворит". Группа рабочих из Харькова требовала, чтобы "без задержки осуществились святые желания народа в социал-демократическом значении, за республиканский строй". Выражая точку зрения крестьян Тверской губернии, некто М. Кириллов писал, что "относительно Романовых и всех членов бывшего правительства народ держится такого мнения, что их следует судить и наказать по закону".

В то же время, как видно из ряда писем солдат, часть из них, имея смутное представление о формах и перспективах политической власти в России, продолжала связывать разрешение своих нужд с "хорошим царем". В этих письмах можно встретить такие, например, выражения: "Хорошо было бы, если бы нам дали республику с дельным царем". Или: "У нас будет республика с новым царем". Кое-кто среди авторов посланий на "царскую тему" считал, что народ "еще не привык смотреть на царя и его приближенных как на смертных людей с пороками и недостатками. Не привык разбираться в поступках своих правителей, потому что слишком укоренилось поклонение царю". А, скажем, работница одной из петроградских фабрик призывала: "Царей жестоко не судите, они тоже люди. Не все же худые были. Кто что заслуживает, тот то и получит". Солдат Н. Проков, более того, заклинал: "Вспомните мое слово, что спасение

России только в том, чтобы у нас был царь... Русский народ истоскуется по царю, он и сейчас тоскует".

Эти и другие материалы подтверждают, что после свержения самодержавия в России царистские иллюзии отнюдь не были изжиты в массах. Кстати, это было замечено историками уже тогда, в 1917 г., о чем можно судить по письму одного из них, пожелавшего остаться неизвестным. Предупреждая Петроградский Совет против повторения "роковых ошибок" самодержавия, он отмечал: "Для вас эти ошибки опаснее и гибельнее, чем для старой власти. Подчинение ей, вера в нее, кроме насилия, поддерживались вековыми традициями подчинения. Этой силы у вас нет, и вы недооцениваете ее значение".

Для большинства солдатских писем, направленных в Петроградский Совет сразу после свержения царизма, характерно восторженное отношение к Февральской революции. "Народ переживает опьянение совершенным великим актом, — свидетельствовала в связи с этим А. М. Коллонтай в марте 1917 г. в послании В. И. Ленину и Н. К. Крупской. — Говорю — народ, потому что на первом плане сейчас не рабочий класс, а расплывчатая, разнокалиберная масса, одетая в солдатские шинели. Сейчас настроение диктует солдат, солдат создает и своеобразную атмосферу, где перемешивается величие ярко выраженных демократических свобод, пробуждение сознания гражданских равных прав и полное непонимание той сложности момента, какой переживаем".

Однако энтузиазм и праздничное настроение, как явствует из многочисленных писем, наблюдались очень недолго. Стремительное развитие событий резко размежевало классы, социальные группы и политические партии, выявило полярные мнения по самым жгучим проблемам: войны, мира, власти и конечно же хлеба насущного. В мае 1917 г. питерский рабочий предупреждал: "Самодержавие дало трещину прежде всего потому, что народ изголодался и не видел конца этой голодовке. Если для интеллигенции, для армии и для сознательных рабочих неспособность самодержавия ни воевать, ни править была главной причиной острой ненависти к нему, то для среднего обывателя голод, и только голод, был непосредственным двигателем на борьбу со старым режимом... Товарищи,

время не ждет, настроение Петрограда унылое. Не забудьте, товарищи, что столица дает тон стране, так пусть этот тон не будет унылым".

Письма отражают и то, что предложенная партией большевиков революционная программа решения стоявших перед Россией в 1917 г. проблем была встречена в массах далеко не однозначно. Вокруг Апрельских тезисов Ленина, в которых был сформулирован курс партии на окончание войны, социалистическую революцию, развернулась ожесточенная борьба. Если передовые рабочие сразу же отдали свои симпатии ленинским идеям, то менее зрелые в политическом отношении солдаты, крестьяне и даже часть рабочих оказались сбитыми с толку в результате кампании клеветы, развязанной буржуазной и мелкобуржуазной прессой. "Сегодня я читаю в газете, что злой враг русской молодой свободы есть прибывший Ленин, — писал с фронта В. Манушкин. — Я подписываюсь и готов, ежели вы подпишете, лишить его жизни... Я страдаю три года и все мои товарищи, а он желает, чтобы мы страдали вечно".

Борясь с такими представлениями, большевистская "Правда" напечатала 21 апреля 1917 г. "Письмо прозревшего", в котором, в частности, говорилось: "Я лично опишу свои взгляды на товарищей Ленина и Зиновьева и прочих их друзей. Благодаря своей темноте и веря газетам... у меня зарождалось зло к тт. Ленину, Зиновьеву. Я первый был бы не прочь удавить, застрелить и перевешать их. Но слушая доклад т. Зиновьева, я вынес из этого, несмотря на мою темноту, что товарищи Ленин, Зиновьев правы... Товарищам Зиновьеву и Ленину жму руки, я вполне с вами согласен. Во-первых, необходимо опубликовать тайные договоры, заключенные кровавым Николаем с союзниками, и немедленное отнятие земель крестьянами без платы через крестьянские комитеты". Отвечая на обвинения буржуазной прессы, житель Пскова А. Борковский писал: "А если сам Ленин прибыл преступным образом в Россию, то почему же его встретили с торжеством, почему в 20-х числах апреля не Ленина выслали в Германию, а Гучкова с Милюковым устранили из Временного правительства? Да потому, что Ленин лишь враг буржуазии, которая и ополчилась на него с Алексинским и К° во главе".

Однако другие письма той поры отражают обывательские позиции с преобладанием мелкобуржуазных взглядов на политику, бессознательно-доверчивое отношение к Временному правительству, некритическое восприятие огромного потока информации, по преимуществу эмоциональную реакцию на происходящие события, в особенности на политические кризисы.

Осмысливая свое новое положение в обществе, обыватель хотел, чтобы с ним считались, чтобы к его голосу прислушивались, заявляя при этом о своем желании жить "своими личными убеждениями", "не зависеть ни от каких партий", так как это, по словам одного из них, "спокойнее и здоровее". Вместе с тем для мартовских писем характерно и другое. "Трудно сразу излечиться от болезни, — писал петроградский "товарищ-обыватель". — Многие из нас не привыкли к общественной деятельности, потому что царское правительство везде ее давило. Многие не привыкли связывать свои личные интересы с интересами общественности. На многих осталась короста обывательщины... Перестанем быть обывателем, будем гражданами во всем".

Но как только всеобщее ликование и опьянение Февральской революцией прошло и началась бескомпромиссная борьба между рабочим классом и буржуазией, обыватель, судя по почте, стал впадать в панику. Его явно страшили обострение борьбы и неясная перспектива будущего. Так, "средние обыватели" из Москвы, высказывая свое категорическое несогласие с революционными актами Петроградского Совета, и особенно с его приказом № 1, поставившим Петроградский гарнизон под его начало, выражали "глубокую тревогу за судьбу Родины". Студент из Шуи Т. Петров сообщал, что обыватель "в революции и в республике разочаровывается... Говорят уже о превосходстве старого строя, превосходстве монархии, так как был порядок".

Напуганный размахом революции, обыватель затосковал по старым порядкам. "Я всегда был далеко от политики, — признавался один из корреспондентов, — но откровенно скажу, что при Николае II жилось спокойнее, справедливее и устойчивее". Под впечатлением первого же открытого столкновения буржуазии

и рабочих в период апрельского политического кризиса другой требовал: "Берите назад свободу с революцией. Нам лучше жилось прежде, без свободы и товарищей. Пусть лучше ограниченная монархия". Обывателя пугали "чрезмерные", с его точки зрения, требования рабочих и солдат, и он протестовал против того, чтобы его судьбу определяли, как сказано в одном из писем, "темные солдаты и рабочие, отравленные ядом большевистской пропаганды".

В мае 1917 г., на третьем месяце революции, такой обыватель находился уже в состоянии полной паники: "Устройте порядок, душа исстрадалась. Армия ваша убивает и грабит своих, милиционеры ваши — убийцы и грабители. Дайте власть, пустите немца, и вся сволочь угомонится, тоска и мрак кругом, грустно, у меня нет партии, я хочу порядка". Но действовать активно сам он опасался (как бы в драке-то не попало!) и потому предпочитал "с глубокой скорбью в душе отойти в сторону и ждать исхода". "Обыватель не способен к активной контрреволюционной деятельности, да и не в его интересах это, — писал один из рабочих в мае 1917 г., — но зато это самая благоприятная среда, где ютятся все реакционные и трусливые элементы, нашептывающие обывателю всяческие страхи и питающие его всеми зловредными сплетнями".

Опасность состояла прежде всего в том, что, охваченный страхом за свою судьбу, обыватель качнулся в сторону реакции, увидел выход в военной диктатуре, создавая в общественном мнении благоприятный фон для перехода контрреволюции в наступление. "Мое предложение — выберите военного диктатора. Только скорее", — просил один. "Выбирайте кого-нибудь хотя бы на три месяца, — предлагал другой, — лишь бы только порядок установить, ну к чему эта вся ваша болтовня приведет, к гибели родины". Реагируя на июльские события в Петрограде, обыватель уже требует "обуздать демонстрантов выстрелами и побольше ранить и даже убить, сорную траву с поля вон... Без жертв мы не будем иметь покоя, а только отсрочку и воображаемый покой". Именно с этого времени во ВЦИК Советов и Петроградский Совет идет поток писем такого рода, в которых содержатся призывы расправиться с рабочими и солдатами, находящимися

под большевистским влиянием, выдвигаются предложения о создании "гражданских батальонов порядка".

Отдельные корреспонденты "главную беду" усматривали в том, что в период революции "стихийные силы народа находятся в каком-то кошмаре, и этот кошмар затуманивает государственный разум народа". Петроградский учитель, например, писал: "Чем скорее народ поймет вред дальнейшего развития революции, тем быстрее будет спасена свобода России. И новый порядок навсегда укрепится. Хорошо бы сейчас остановиться народу там, где он находится, объединиться с Временным правительством и сознать, что наступило время реформ".

А вот и иная позиция. "И русский народ, также и крестьянство хорошо понимают, что Временное правительство и господа министры все просят доверия от русского народа, о слепом подчинении Временному правительству, — высказывался крестьянин Л. Фролов. — Но доверие приходит тогда, когда министры исполняют волю народа. Если министры не исполняют воли народа, то доверие и последнее отнимается. Я как крестьянин считал бы совестным просить доверия и самому не исполнять воли народа". Здесь, думается, важно обратить внимание на то, что проблемы доверия власти для простого крестьянина не только политическая, но и нравственная. Это помогает понять, почему Временное правительство в конечном счете лишилось поддержки масс и не смогло удержаться у власти.

Особенно острой критике в письмах подвергалось нежелание Временного правительства прекратить кровавую войну и заключить справедливый демократический мир. Комиссар этого правительства, В. Станкевич, впоследствии с горечью признавал, что в "психике народа войны не было, и война была невиданным, чудовищным насилием над его душой". Тем не менее многие люди оказались в плену идеологии "революционного оборончества", связывая осуществление своих социальных чаяний с победоносным завершением войны. Ярким примером этого служит письмо солдат действующей армии в марте 1917 г.: "Подай бог только победить нам внешнего врага, а потом мы возьмем-

ся за внутренних, то есть за помещиков". Однако очень скоро солдатские массы меняют отношение к войне, о чем и свидетельствуют письма в Петроградский Совет. Все чаще и чаще с фронта раздаются голоса: "Надо посмотреть, кто кричит "до полной победы". Солдаты 433-го Новгородского пехотного полка прямо заявляли: "Нам, пролетариату, не надо завоеваний и порабощения. Это только нужно нашей буржуазии". На вопрос, почему не нужно идти в наступление, солдат 696-го пехотного полка С. Корочкин отвечал: "Все войско измучилось, война надоела, цели войны не выяснены, все пропитаны тем, что война идет в интересах буржуазии". "Нам не нужны Дарданеллы, когда Карпаты надоели", — замечал в своем обращении в Петроградский Совет другой солдат Юго-Западного фронта.

С лета 1917 г., как это хорошо видно из почты, в сознании простых людей наступает качественный перелом. По выражению одного из авторов писем, солдаты "заболели миром", пропаганда мира встречает всеобщее сочувствие, теперь ее нельзя приписать большевикам, как раньше пытались это сделать руководители буржуазных и мелкобуржуазных партий. С фронта, из городов, сел и деревень шли тысячи антивоенных посланий, в которых часто была однаединственная фраза: "Товарищи, нам надо во что бы то ни стало кончать войну". Теперь уже нельзя было обмануть массы призывами о необходимости вести войну ради защиты свободы. "Ни к чему мне эта свобода, да будь она проклята с вами вместе, если мне приходится целую неделю обходиться без хлеба и голодному ложиться спать" — таково мнение анонимного автора из Петрограда. "Если не будет в скором времени мира, какого бы то ни было, то лопнет вся ваша свобода", — заявлял солдат 318-го Черноярского стрелкового полка Г. Глушко. Более того, именно в окончании войны многие солдаты теперь видели единственное средство сохранить завоеванную свободу и добиться удовлетворения своих требований. "Закончить войну, закрепить дорогую свободу, чтоб никто не мог вырвать ее из рук наших, а после мира, со свободой мы сумеем добыть земли", — писал солдат 12-й армии. Кстати, крестьянская тоска по земле содержится почти в каждом солдатском письме.

К осени 1917 г. озлобление народа против войны

достигло своего предела. От просьб "похлопотать насчет мира" солдаты переходят к решительному требованию закончить войну во что бы то ни стало. В противном случае, предупреждали они, "дело дойдет до того, что солдаты бросят держать фронт и пойдут с оружием в руках на Петроград". "Честно и справедливо вам говорим, — читаем в письме солдата 3-го Кавказского корпуса, — что нет силы, и вперед мы не пойдем, а скорее оборотимся и пойдем с оружием на буржуазию, потому что они хотят последних нас погубить, чтобы им легче было бороться с оставшимися нашими женами и детьми". Еще более категорично предупреждение из 5-й армии: "Если до конца октября не будет миру, то солдаты придут в Петроград и переколют все Временное правительство". Не случайно Ленин, анализируя спектр настроений масс в канун Октября, обратил внимание и на факт нарастания анархизма на почве настроения масс, близкого к отчаянию (*см.: Полн. собр. соч. Т. 34. С. 412*).

Настроения рабочих, солдат и крестьян были важным показателем их готовности к свержению власти буржуазии революционным путем. "Товарищи рабочие! Куда вы смотрите! Новое правительство ведет Россию по старому пути", — обращались к путиловцам солдаты Северного фронта. А солдаты Казанского военного округа прямо призывали Петроградский Совет: "...свергните всех министров Временного правительства во главе с министром Керенским". Называя Временное правительство "волком в овечьей шкуре", группа солдат с Западного фронта требовала его замены "лучшими людьми" из Совета рабочих и солдатских депутатов, которые, по их мнению, только и могли обеспечить равенство и братство. "Прошу вас: крепче возьмите в свои руки власть и выдвиньте наружу народную идею", — обращался к рабочим и солдатским депутатам с Юго-Западного фронта солдат В. Кутовый.

Отличительной чертой писем осени 1917 г. становится нараставшая критика эсеро-меньшевистских лидеров Советов, весьма заметная и раньше. К примеру, в письме Петроградскому Совету Милоглядова из Балаклавы еще в апреле говорилось: "Ничего вы не достигли. Изменилась только форма, а люди остались те же. Те же представители капитала и крупные

владельцы земельной собственности приняли из ваших рук власть и продолжают старое дело". Такая критика раздавалась не только слева, но и справа. Анонимный недоброжелатель стращал: "Вам уже теперь остается ждать появления более свирепого военного карателя, вроде Робеспьера, так как вы свои грехи иначе искупить не можете, как только своею собственною кровью".

И, наконец, еще одна важная тенденция, которая прослеживается в письмах рабочих, солдат и крестьян в Петроградский Совет, — нараставшее усиление влияния партии большевиков и ослабление позиций ее политических противников. Если в потоке писем первых месяцев после Февральской революции было немало и таких, где большевики клеймились как "германские агенты", "провокаторы", "противники свободы", то в дальнейшем авторы корреспонденций все чаще начинают размышлять над причинами роста их авторитета. Солдат С. Дьяконов, например, эсер по партийной принадлежности, усматривал эту причину в порочной политике Временного правительства, которое, по его мнению, "с первых же шагов новой власти должно было говорить только с народом, тогда никакие Ленины, большевики, никакие сумасбродные горячие головы под именем анархистов не могли бы смутить народного доверия к правительству". Но чем ближе наступал решающий момент борьбы, тем отчетливее становилась в письмах мысль о поддержке большевиков, возглавляемых Лениным. Так, группа иркутских рабочих и солдат писала в сентябре, что в руководстве борьбой за социализм "Ленин должен быть выше всех остальных". Солдат Ф. Наконечный, обращаясь в октябре к Владимиру Ильичу, заявлял: "Мы, кавказские воины и фронтовики, читаем газеты и разбираем, что товарищ Ленин защищает наши интересы и старается повести нас по праведному пути... Мы, солдаты Кавказской армии, всецело присоединимся к товарищу Ленину. Мы согласны отдать всю власть партии и самому Ленину".

Письма от лица "простого человека" — не только своеобразные штрихи к "портрету времени", дополняющие историческую картину событий в канун победы Октябрьской революции. Это прежде всего живые отголоски процесса становления гражданского самосознания в переломный момент общественного развития.

И с этой точки зрения проникновение историка в психологию и образ мыслей представителей разных социальных слоев и категорий, переживавших такой момент, имеет принципиальное значение. Ибо сумма его наблюдений — включая и высокие помыслы, и вполне земные интересы людей — помогает выявить в конечном счете доминанту социальных устремлений в обществе на решающих рубежах истории.

Доминанта 1917 г., как подтверждают письма его современников, во многом определила закономерный характер победы Великой Октябрьской социалистической революции.

П. ВОЛОБУЕВ,
академик АН СССР,
Г. ИОФФЕ,
доктор исторических наук

" Празднуя, вспоминать"

Мы — люди крайностей и в последнее время еще раз показали это... И вот уже раздались голоса, призывающие воздержаться от празднования годовщины Октября и вместо него сосредоточить свои усилия на подготовке к зиме, обещающей стать трудной и суровой. Другие идут дальше и предлагают вообще отказаться от октябрьского праздника.

Мы, историки, профессионально многие годы занимающиеся историей русских революций, хотели бы высказаться по этому вопросу.

В этом "новаторском" предложении настораживает политическая подоплека. Мы не можем не поставить его в контекст нынешних шумных кампаний против Ленина, большевизма, Октябрьской революции, революции вообще, да и самой Советской власти.

Лиха беда — начало... Но не окажемся ли мы, в очередной раз отрекшись от своей истории, от своей родословной, посмешищем в глазах всего цивилизованного человечества? Ведь предлагается, каким бы благовидным ни был сегодня предлог, не что иное, как отмена празднования главного государственного праздника нашей Родины. Как историки, мы не можем не напомнить, что такие прецеденты в истории других стран были, но кончались конфузом. Так, после падения Наполеона и реставрации монархии Бурбонов во Франции революция и ее деятели были преданы анафеме, сама революция была объявлена "ужасным заговором" горстки "зачинщиков и подстрекателей".

В наши дни в той же Франции, как показал, в частности, торжественно отмеченный во всем мире

юбилей 200-летия Великой французской революции, к ней неодинаково относятся в разных социальных слоях. И это естественно. Но никому не приходит в голову требовать отмены ее ежегодного празднования 14 июля.

Одна из очевидных черт нашего исторического бытия — слабость национальных традиций, а такие устойчивые традиции — один из источников политической стабильности общества. Празднование Октября стало национальной традицией. Так стоит ли разрушать ее, одну из немногих укоренившихся в сознании нескольких поколений советских людей? Не приведет ли это к росту дестабилизации?

Можно по-разному относиться к революциям. Но нельзя себе представить зарождение и становление современной индустриальной цивилизации без цикла буржуазных революций, начиная с английской XVII в. и французской — XVIII в. И Октябрьская революция была и остается великим событием в отечественной и мировой истории XX в. Ее мировое значение давно признано даже зарубежными антикоммунистами.

Неверно списывать все наши трудности, беды и проблемы на революцию. "После того — не значит вследствие того". Пора научиться исторически оценивать роль и значение Октябрьской революции. Октябрь — часть могучего революционного процесса, охватившего Россию начала XX в. Никто, как Ленин, не сознавал, что революция — это почти всегда огромная цена за возможность прогресса. Он однажды, в 1920 г., сказал "невероятную" фразу: "Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию", если бы власти вовремя осуществили те реформы, которые так нужны были обществу и народу? Мы знаем, что Ленин сегодня не в большом почете у тех, которые еще вчера застывали у его монументов в оцепенелом молчании. Но вот Виктор Чернов, эсеровский лидер, политический противник большевиков, заподозрить которого в симпатиях к ним невозможно, писал: "Оправдание революции — не в выигрыше времени и не в экономии сил. То и другое проблематично. Ее оправдание, высшее и бесспорное, в том, что она является единственным способом двинуться вперед там и тогда, где и когда упрямство командующих групп и классов пытается глухою стеною отстаивать мощное и неудержимое историческое движение".

Значит, революция не прихоть кучки нетерпеливых или озлобленных людей, рвущихся к власти, как это стало модно изображать в антиисторической публицистике. Значит, революция — всегда порождение, результат предшествующей эпохи, мучительный способ преодоления того в ней, что, может быть, нельзя преодолеть иным способом. И в этом заслуга и слава революции. Она — творение народа. Что бы ни произошло, что бы ни случилось потом, после нее, — сама революция всегда великая надежда, даже если она сдобрена иллюзиями. Надеждой жив униженный и обездоленный, а их миллионы... Увы, революция не идет прямыми путями, как никогда не идет прямыми путями сама жизнь. К тому же не святые творят революцию, а люди, во многом "вылепленные" из вчерашнего рабства...

Конечно, мы тоже против казенщины и помпезности в праздновании годовщины Великой революции. Сам Ленин говорил, что лучший способ отметить праздник — это сосредоточиться на нерешенных проблемах. Да, образ Октября, как и всей революции, до неузнаваемости искалечили сталинская школа фальсификации и верные ее ученики, обвешанные медалями и орденами. Но подлинный Октябрь был иным: он был героическим и трагическим, а порой и страшным. Таким он, наверное, и должен остаться в нашей памяти, памяти наших детей и внуков.

Пройдут годы, десятилетия, мы верим, что наша Родина преодолеет все тяжкое, что выпало на ее долю по вине и дореволюционной, и революционной, и послереволюционной истории. Умерятся, успокоятся страсти. Уйдут в далекое невозвратное прошлое победители и побежденные. Можно спорить и договариваться о формах и порядке празднования, в зависимости от обстоятельств и местных условий избирать ту или иную его форму. Но лишать советских людей, для которых Октябрь — праздник, их права отметить это событие, не дано никому.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:

первая сторонка — гравюра *П. Н. Староносова*
вторая сторонка — *В. Головницкий*
Октябрьская революция. 1968. Фрагмент триптиха
третья сторонка — *М. Г. Манизер*
Рабочий. Рельеф на здании Петровского пассажа в Москве
Цемент 1920

Октябрь 1917:
величайшее событие века
или социальная катастрофа?

Заведующая редакцией *Л. С. Макарова*
Редактор *А. С. Кочеткова*
Младший редактор *Н. В. Абрамов*
Художник *Г. И. Колоскова*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Т. А. Новикова*

ИБ № 9276

Сдано в набор 27.02.91. Подписано в печать 26.04..91. Формат 84x108 1/32. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 12,73. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1753. Цена 90 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Электронный оригинал-макет подготовлен в издательстве.

Ордена Ленина типография "Красный пролетарий".
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

XX

90 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

